

CAHIERS PERIODIQUES

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Литературно-политическія
тетради*

под редакціей

И. И. ТХОРЖЕВСКАГО

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Январь 1949 года.

ПАРИЖ

Editions « LA RENAISSANCE ».

73. av. des Champs-Elysées, Paris (VIIIe).

Tél.: Ely 06-03.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Епископ КАССИАН: Царство Кесаря	7
Бар. НОЛЬДЕ: Имперскія судьбы Россіи	17
П. Б. СТРУВЕ: Мои встрѣчи с Родичевым	27
Ив. БУНИН: Полуденный жар	47
Н. А. ТЭФФИ: Два стихотворенія	50
Анри ТРУАЙЯ: Тэндем	52
Вл. СМОЛЕНСКІЙ: Баллада	58
Гр. М. Л. ТОЛСТОЙ: Цыгане	60
Ирина ОДОЕВЦЕВА: Стихи	63
Георгій ИВАНОВ: Стихи	64
Александр ШИК: Денис Давыдов	65
Н. БЕРБЕРОВА: Стихи	81
М. ЗОЩЕНКО: Приключенія обезьяны	82
—	
Фотокарточка	88
П. Р. ПЪТУХОВ: Из книги «Земля» (частушки)	92
М. ЛИСИЦКАЯ: Стихи о Петербургѣ	95
Борис ЗАЙЦЕВ: Тютчев, — жизнь и судьба	97
С. Л. ФРАНК: Пушкин об отношеніи между Россіей и Западом	110
Ю. Ф. СЕМЕНОВ: Закавказская Республика	121
Проф. А. А. ЗАЙЦОВ: Атомная бомба	140
Ив. ТХОРЖЕВСКІЙ: Я. П. Полонскій	145
С. К. АВЪЕРИНО: Забытый (памяти Н. Г. Рубинштейна) . . .	156
«ДЪЛА И ЛЮДИ» (политическія замѣтки, хроника)	164
ИЗГОЙ: Поток-Богатырь в Зарубежьи	188
Объявленіе о конкурсѣ «Возрожденія»	191

Editions „ LA RENAISSANCE “

73, Avenue des Champs-Élysées, Paris (8e).

W. L. WHITE

A travers l'U.R.S.S. en guerre

(Report on the Russians).

Traduit de l'anglais par TANCREDE.

Prix 500 frs.

Ivan THORGEVSKY

De Gorki à nos jours

La nouvelle littérature russe.

Prix 100 frs.

A. ADONTZ

Etudes historiques Armeniennes

(en langue arménienne).

Prix 1000 frs.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Литературно-политическія
тетради*

под редакціей

И. И. Т Х О Р Ж Е В С К А Г О

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Январь 1949 года.

ПАРИЖ

Editions « LA RENAISSANCE ».

73. av. des Champs-Élysées, Paris (VIIIe).

Tél.: Ely 06-03.

« ВОЗРОЖДЕНИЕ »

*ОСНОВАНО 3 ИЮНЯ 1925 ГОДА, В
ВИДЪ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, С
1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАНО В
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ Г А З Е Т У.
3 ИЮНЯ 1940 ГОДА, НАКАНУНЪ
ВСТУПЛЕНИЯ В П А Р И Ж
ГЕРМАНСКОЙ А Р М И И,
ИЗДАНИЕ ВРЕМЕННО
БЫЛО ПРЕКРАЩЕНО;
НЫНЪ ВОЗОБНОВ-
ЛЯЕТСЯ В ВИДЪ
“ ТЕТРАДЕЙ ”*

*ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССІИ.
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА.
ЦѢННОСТЬ КУЛЬТУРЫ.*

ВОЗРОЖДЕНІЕ

ЦАРСТВО КЕСАРЯ

Из актовъ рѣчи в засѣданіи Православнаго Богословскаго Института в Парижѣ.

Мір есть твореніе Божіе и, как таковое, несет на себѣ Его благословеніе даже в состояніи грѣха: но Бог ждет и от чело-вѣка участія в Его творческой дѣятельности в мірѣ. Нынѣш-ній мір, вздыхающій под властью челоуѣческаго грѣха и раб-ства, чаеъ свободы и преображенія. Это сказал со всею силою ап. Павел (ср. Римл. VIII, 19-23). Но и в Евангеліи сохранилось слово Христово о тѣх, которые сподобятся воскресенія мерт-вых и умереть уже не могут (Лк. XX, 36 ср. 38).

Если бы мір был зло, он не допускалъ бы преображенія. И для его преображенія Сын Божій не принялъ бы челоуѣческаго естества.

Но пріятіе міра в христіанствѣ оставляет мѣсто и для его отверженія. Если я отрекаюсь от міра для всецѣлаго служенія Богу, это значит, что я высшей цѣнности приношу в жертву низшую. Рѣчь идет не об осужденіи міра, а о іерархіи цѣнностей. Низшая цѣнность, которой я предпочитаю высшую, не перестает быть цѣнностью. Христіанскій аскетизм есть новое и послѣднее доказательство христіанскаго пріятія міра.

В христіанском пріятіи міра с неизбѣжностью мыслится и христіанское пріятіе государства. Государство допускает, по этому признаку, христіанскую оцѣнку, и христіанское усиліе. Но с этим неразрывно связано и другое. Государство цѣнно по-стольку, поскольку оно есть часть естественнаго порядка, и от-вѣчает замыслу Божію о мірѣ. Оно не представляет собою са-модовлѣющей цѣнности. Абсолютизація государства, как и обожествленіе міра, есть служеніе твари паче Творца. Этот путь для христіанина закрытъ.

Изложенное сужденіе о государствѣ есть дедукція. К хри-стіанской оцѣнкѣ государства мы пришли от христіанской оцѣнки міра. Но формулированныя нами положенія допускают провѣрку и дополненіе на основаніи прямых сужденій о госу-дарственно-правовых отношеніях, разсѣянных на протяженіи всего Новаго Зауѣта.

К Древнему Преданію принадлежит сохраненный у всѣх трех синоптических Евангелій (Матфея, Марка, Луки) отвѣтъ Господа на поставленный Ему вопрос о подати кесарю. Мы

знаем этот текст с дѣтства и привыкли в нем видѣть освященіе государственной власти. В обычном его пониманіи удареніе полагается не на наших обязанностях по отношенію к Богу, а на наших обязанностях по отношенію к кесарю. Выдвигаемое Господом требованіе, чтобы мы воздали Божіе Богу, считается самоочевидным и в евангельском ученіи само собою разумѣющимся. Остріе ученія усматривается не в нем, а в том, что Господь силою Своего авторитета утверждает наш долг по отношенію к кесарю. Это привычное толкованіе успокаивает нашу лѣнливую мысль, да и нашу христіанскую совѣсть, когда она встрѣчается лицом к лицу с запросами государственной власти, по большей части равнодушной, а то и прямо враждебной к Церкви.

Но постараемся подойти к нашему тексту, не предрѣшая заранѣе его толкованія. Мы тотчас же улавливаем в нем нѣкую двойственность. С одной стороны, Господь, дѣйствительно, признает за Своими слушателями долг по отношенію к кесарю. То, что кесарю принадлежит, Господь и велит отдавать кесарю. В этом смѣслѣ слово Христово не допускает перетолкованія. Оно не заключает оцѣнки императорской власти, оно не предусматривает случаев конфликта между Богом и кесарем. Оно касается частнаго вопроса и отвѣчает на него в общей формѣ. Подать кесарю получает значеніе притчи, распространяющейся на всю область государственно-правовых отношеній в оцѣнкѣ благовѣстія Христова. Для Иисуса, царь и царская власть — это факты жизни, которые Он принимает в их фактической данности. Они составляют часть того естественнаго порядка, который восходит к Богу.

Но, если Господь и признает за вопрошающими Его обязанностію по отношенію к государству, Он говорит о государствѣ, как о нѣкоей чуждой силѣ. Господь проводит различіе между Божіим и кесаревым. Нужно ли доказывать, в общей связи евангельскаго ученія, что Его область есть область Божьяго? И удареніе в Его отвѣтѣ, в полном противорѣчій с привычным пониманіем, лежит именно на Божьем, а не на кесаревом. Это вытекает и из построенія фразы. Послѣднее ея слово, остающееся в памяти у совопросников Христовых и читателей Евангелія, не о кесарѣ, а о Богѣ. Господь признает за своими соплеменниками обязанностію по отношенію к кесарю. Он готов их подтвердить. Но и только. Чѣм больше мы вчитываемся в наш отрывок, тѣм больше мы чувствуем в нем отчужденность от государства.

В евангельском ученіи чувством отчужденности от государства заглушается долг покорности. Христіанское челобѣтство поступило наперекор преданію, вѣрно уловившему мысль Учителя, и перемѣстило удареніе.

Отвѣт Христов на вопрос о подати кесарю есть первое слово Новаго Завѣта об отношеніи христіанина к государству.

И это слово отмѣчено печатью отчужденности. Божіе не есть кесарево, и положительное ученіе Христово не о кесаревом, а о Божіем.

Перейдем к ап. Павлу. Свое отношеніе к государственной власти ап. Павел выразил в знаменитом отрывкѣ Римл. XIII, 1-7. Прочтем основной текст в русском синодальном переводѣ (с немногими исправленіями по греческому подлиннику): “всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нѣтъ власти не от Бога; существующія власти от Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекут на себя осужденіе: Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣл, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу от нея; ибо начальник есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божій слуга, отмститель в наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіи служители, сим самымъ постоянно занятые. Отдавайте всякому должное: кому оброкъ, кому подать,, подать; кому страх, страх; кому честь, честь” (Римл. XIII, 1-7).

В этих словах ап. Павла христіанская оцѣнка государственной власти возносит ее на очень большую высоту.

Психологическіе мотивы, стоящіе за ученіем Римл. XIII, представляются нам довольно прозрачными. Они, несомнѣнно, связаны с условіями историческаго момента, к которому относится составленіе посланія, но выражают и общую установку ап. Павла, наблюдающуюся на всем протяжении его благовѣстническаго служенія. Прежде всего, высокая оцѣнка государственной власти в Римл. объясняется тѣм, что оно было написано во время третьяго путешествія ап. Павла, падающаго на період первыхъ лѣтъ правленія Нерона, когда римская государственная власть, в рукахъ мудрыхъ и достойныхъ совѣтниковъ кесаря стояла на достаточной высотѣ. Но были, вѣроятно, и особыя основанія, которыя могли заставлять ап. Павла внушать своимъ римскимъ читателямъ уваженіе к государственной власти. В эту раннюю эпоху имперская полиція еще не проводила яснаго различія между христіанами и іудеями. Іудеи представляли собою элементъ общественно безпокойный, и согласное свидѣтельство Светонія (Claudius, 25) и Дѣяній (XVIII 2) позволяетъ предполагать броженіе в средѣ римскихъ іудеевъ в связи с распространеніемъ между ними христіанства. Это броженіе вызвало со стороны римской полиціи репрессивныя мѣры. Іудеи были высланы изъ Рима. На примѣрѣ Акилы и Прискиллы, мы знаем, что между ними были и христіане. Всѣ ли христіане подверглись высылкѣ или только нѣкоторые, мы сказать не можемъ, но и из Римл. вытекает, что во время третьяго путешествія ап. Павла христіанская община существовала в

Римъ в смѣшанном составѣ, с преобладаніем язычников по происхожденію, но с наличностью и иудейских элементов. Естественно, что в этих условіях безопасность общины заставляла ап. Павелъ требовать от ея членов доляльности по отношенію къ носителямъ власти. Можно думать, что до ап. Павла доходили и тревожныя свѣдѣнія, которыя дѣлали это требованіе сугубо настоятельнымъ. Броженіе, которое стало извѣстно апостолу, продолжалось, по его свѣдѣніямъ, и тогда, когда он писал свое посланіе.

Но наставленія Римл. XIII, 1-7 не могутъ быть выведены цѣликомъ из потребностей историческаго момента. Высокая оцѣнка государственной власти слышится не только в Римл., но и на закатѣ апостольскаго служенія великаго благовѣстника в краткомъ наставленіи Тит. III, I в призывѣ молиться о носителяхъ власти, с которымъ мы встрѣчаемся в I Тим. II, 1-2. Формы множественнаго числа: “за царей и за всѣхъ начальствующихъ”, сообщаютъ этому призыву значеніе общаго правила. Оно не ограничивается даннымъ моментомъ и данными носителями власти, а распространяется на всякое мѣсто и на всякое время. Конечно, в посланіи къ Тимофею это было неизбѣжно, поскольку ап. Павелъ даетъ ему указанія, которыми он долженъ руководствоваться на всемъ протяженіи возлагаемаго на него служенія. Но мотивировка ст. 2: “дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ”, совпадаетъ с мотивировкою Римл. XIII и вскрываетъ то же отношеніе ап. Павла къ римской государственной власти.

Мы знаемъ, что ап. Павелъ былъ римскій гражданинъ, и что он дорожилъ своимъ гражданствомъ. По свидѣтельству Дѣписателя, оно два раза помогло ему выйти изъ затруднительнаго положенія: в Филиппахъ во время его второго путешествія, когда онъ былъ заключенъ в узы (Дѣян. XVI, 37-40), и в Иерусалимѣ по возвращеніи изъ третьяго путешествія, когда ему угрожала пытка (Дѣян. XXII, 25-29). Уваженіе ап. Павла къ римской государственной власти было уваженіемъ римскаго гражданина. Но и этимъ еще не все сказано. Интересы ап. Павла были сосредоточены в области религіозно-нравственной. Онъ принималъ явленія общественной жизни в ихъ фактической данности. Преобразование социальна-политическаго строя не входило в его задачи.

Но мирная и морально достойная жизнь есть только первая и ближайшая цѣль. Послѣдняя цѣль апостола есть обращеніе языческихъ властей ко Христу. Иными словами, в сознаніи ап. Павла на языческихъ властяхъ, в ихъ настоящемъ состояніи, лежитъ печать ограниченности. Сознаніемъ этой ограниченности и опредѣляется отношеніе ап. Павла къ государству. Это — та же отчужденность, которую мы вычитали в Евангеліи. Чѣмъ она объясняется?

Подводя итоги, мы можемъ сказать, что отношеніе ап. Павла къ государству совпадаетъ съ тѣмъ, которое, по свидѣтельству

Древняго Преданія, высказывал Господь. Государство было для него фактом жизни, который он умѣл цѣнить. Но христіанская философія государства выходила из круга его интересов. Вниманіе Павла, как и вниманіе Христа, было сосредоточено на Божьем, а не на кесаревом.

При жизни ап. Павла единство христіанскаго міра поддерживалось наличностью іерусалимскаго центра и дѣятельностью “апостола языков”, которая не давала порваться общенію основных им церквей друг с другом и с іерусалимскою Матерью-Церковью. За его мученическою смертью в Римѣ в 64 году, послѣдовало, через нѣсколько лѣтъ, разрушеніе Іерусалима (70 г.), и Церковь вступила в новую эпоху своего существованія. Поколѣніе апостолов сказало свое послѣднее слово в лицѣ Ефесскаго старца, ап. Іоанна Богослова, на грани I и II вѣков нашей эры.

Как послѣднее слово апостольскаго вѣка, Іоанновскія писанія представляют собою вершину Новаго Завѣта. И тѣм не менѣе, во многих существенных точках новозавѣтное откровеніе возвращается в Іоанновских писаніях к своим истокам. Это — то же Древнее Преданіе, прошедшее сквозь призму Возлюбленнаго Ученика и раскрытое до своих послѣдних мистических и догматических глубин.

Надо твердо помнть, приступая к Іоанновской письменности, что дуализм Бога и міра совмѣщается в ней с общехристіанским ученіем о Богѣ, как Творцѣ міра, и преодолевается в любви Божіей к міру. Это — первое.

Второе касается эсхатологіи. Эсхатологическій аспект христіанскаго ученія не чужд и Іоанну. В Евангеліи повторно возвращается понятіе “послѣдняго дня”. В Первом Посланіи апостол опредѣляет свою эпоху, как “послѣдній час”. И дѣло Духа Утѣшителя, в обѣтованіи Прощальной Бесѣды, есть возвращеніе ученикам “грядущаго”, очевидно, в эсхатологическом смыслѣ (XVI, 13). Эти эсхатологическія точки, разставленныя на протяженіи Евангелія и Посланія, приводят нас к Апокалипсису. Свидѣтельство древних отцов о **едином** авторѣ Четвертаго Евангелія и трех Іоанновских Посланій, с одной стороны, и Апокалипсиса, с другой, встрѣчает все больше и больше защитников в современной критической наукѣ. Думаю, что не погрѣшу в оцѣнкѣ фактическаго положенія, если скажу, что в наше время этого мнѣнія держится большинство ученых. Как эсхатологическое восполненіе Четвертаго Евангелія и трех Іоанновских Посланій, Апк. ап. Іоанна позволяет утверждать, что эсхатологическое ожиданіе сохранило всю свою напряженность и на закатѣ апостольскаго вѣка. Но напряженность эсхатологическаго ожиданія своеобразно совмѣщается с его преодоленіем. Воскресеніе мертвых, по свидѣтельству Евангелія, совершится в послѣдній день. Но это время уже настало.

Каково же учение Иоанновских писаний о государственной власти?

Пріятіе государства вытекает с несомнѣнностью из повѣствованія о судѣ Пилата (XVIII, 28-XXI, 16). Господь прямо признает, что та власть, которую имѣет над Ним Пилат, дана ему свыше. Но и только. Государство остается и для Иоанна такою же чуждою силою, как и для его предшественников. Допустим, что уклоненіе Іисуса от земного царства послѣ насыщенія пяти тысяч (VI, 15) объясняется не отчужденностью Его от государства, а, наоборот, Его лояльностью по отношенію к Римской имперіи, каковую лояльность раздѣляет и Евангелист. Но, поскольку рѣчь идет о Евангелистѣ, лояльность эта, во всяком случаѣ, внѣшняя и поверхностная. Домогаясь у Пилата смертнаго приговора над Іисусом, первосвященники свидѣтельствуют: “нѣт у нас царя, кромѣ кесаря” (XIX, 15). В эпическом разсказѣ Евангелиста эти слова звучат, как беспощадный приговор над іудейскими начальниками, отрекающимися от своих религіозно-національных чаяній в пользу навязанной им иноплеменной власти. Да, и эта власть — от Бога. И тѣм не менѣе, Іисус не отвѣчает на вопросы Пилата и говорит, что большій грѣх — на том, кто Его предал Пилату. Если — большій, значит, не свободен от грѣха и Пилат, хотя его власть и дана ему свыше. Но Царство Христово, как царство не от міра сего (XVIII, 36), одинаково противостоит и Пилату и іудеям, как царство духовное, как свидѣтельство об истинѣ, и входят в него тѣ, кто от истины (ст. 37).

Перейдем к Апк. То, что было сказано о единствѣ автора для всѣх Иоанновских писаній, оправдывает привлеченіе Апк. для восполненія тѣх выводов, к которым нас привело знакомство с Евангелием. В образах дракона, двух звѣрей и “живущих на землѣ” мір, противостоит Богу. Но этот контраст преодолевается и в Апк. Его пророчество кончается поражением дракона и двух звѣрей и сошествіем с неба Новаго Іерусалима (XXI). Тварное бытіе стремится к послѣдней цѣли преображенія. Помните плач над разрушеніем Вавилона в гл. XVIII “...и голоса играющих на гусях и поющих и играющих на свирѣлях и трубящих трубами в тебѣ уже не слышно будет; не будет уже в тебѣ никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебѣ; и свѣт свѣтильника уже не появится в тебѣ; и голоса жениха и невѣсты не будет уже слышно в тебѣ” (стт. 22-23-а)? От этих слов сжимается сердце. В них слышится любовь к жизни в ея чистых проявленіях и отклик на радость жениха и невѣсты. Брак есть положительная цѣнность и для Тайнозрителя.

Но каково его отношеніе к государственной власти? Апк. дает по интересующему нас вопросу больше матеріала, чѣм Евангеліе. Прежде всего, Тайнозритель прямо касается гоне-

ній на Церковь. По повелѣнію Говорящаго ему, он предрекает гоненіе Ангелу Смирнской церкви; он знает, что в Пергамѣ был умершвлен вѣрный свидѣтель Его Антипа, и что Филладельфійскіе христіане сохранили Его слово и не отреклись от Его Имени. Этот же факт гоненія стоит за грозными образами двух звѣрей в гл. XIII. В первые годы гоненій ап. Петр повторял в своем Первом Посланіи наставленія ап. Павла о послушаніи властям и мотивировал эти наставленія так же, как Павел; им руководила мудрая разсудительность, он хочет избѣжать обостренія конфликта. Тайнозритель Іоанн прямо говорит о гоненіи и не старается найти словъ в защиту государства. Принципіального отрицанія государства нѣтъ и у него. В грядущем преобразеніи міра найдется мѣсто и для царей. В Новый Іерусалим цари земные принесут свою честь и славу. Они подвергаются осужденію не как таковыя, а за свою связь с блудницею (XVII, 2, XVIII, 3, ср. еще XVII, 10 слл.). Но кто эта блудница? В богатствѣ и чередованіи апокалиптических символовъ, образ блудницы, облеченной в порфиру и багряницу, украшенной золотом, драгоценными камнями и жемчугом и сѣдящей на водах многихъ на звѣрѣ багрянном, сплетается с образом звѣря, выходящаго из моря, с семью головами и десятью рогами, с десятью діадимами на рогахъ и именами богохульными на головахъ. Эти образы в цѣломъ и в частностяхъ толкователи относятъ к Римской имперіи. Так, в числѣ звѣря, "666", большинство современныхъ ученыхъ вычитываютъ имя кесаря Нерона, написанное по-еврейски и переведенное на числовое значеніе составляющихъ его буквъ. В образѣ гл. XVII тот же Неронъ есть "звѣрь, который был, и котораго нѣтъ.. восьмой из числа семи", он "пойдетъ в погибель" (ст. 11). И второй звѣрь, выходящій из земли и требующій общаго поклоненія образу перваго звѣря, выражаетъ жречество императорскаго культа, котораго не могло принять христіанское сознаніе. Противъ этого пониманія апокалиптическихъ образовъ иногда раздаются слабые голоса, но имя "Вавилон", написанное на челѣ блудницы (XVII, 5), подавляющее большинство толкователей издревле понимало и в наше время понимаетъ в смыслѣ Рима. Символическое обличіе отвѣчало не только общему стилю Апк: оно было нужно, как шифръ, в эпоху гоненій. И отношеніе к Риму, которое оно выражаетъ, не вызываетъ сомнѣній. Тайнозритель не отрицаетъ государства, как такового. Но на исходѣ I-го вѣка римская императорская власть потребовала от христіанъ религіознаго поклоненія. Этого поклоненія Церковь оказать ей не могла. Царство кесаря вторгалось в область Божьяго. И отвѣтомъ Церкви могло быть и было только рѣшительное "нѣтъ". Этот отвѣтъ запечатлѣн в Апк. Выражая отвѣтъ Апк на языкѣ современной намъ эпохи, мы должны сказать, что Тайнозритель возсталъ противъ тоталитарнаго принципа современнаго ему государства. Позволительно

поставить вопрос: не договаривает ли он то, что давали чувствовать и его предшественники?

В этой точкѣ наш обзор новозавѣтныхъ свидѣтельствъ о государствѣ долженъ почитаться законченнымъ, и намъ остается подвести итоги. В цѣломъ и в частностяхъ наше знакомство с отношеніемъ отдѣльныхъ новозавѣтныхъ писателей къ государственной власти привело насъ къ подтвержденію тѣхъ выводовъ, къ которымъ мы пришли путемъ дедукціи отъ новозавѣтнаго ученія о мірѣ. Пріятіе государства, наблюдающееся на всемъ протяженіи новозавѣтнаго откровенія, получаетъ свое объясненіе въ пріятіи міра, къ которому принадлежитъ и государство, какъ явленіе естественнаго порядка. С другой стороны, мы усмотрѣли во всѣхъ тѣхъ памятникахъ, съ которыми мы имѣли дѣло, болѣе или менѣе выраженную отчужденность ихъ составителей отъ государства и государственной власти. В Іоанновскомъ Апк. она достигаетъ значительной остроты. Послѣдній отвѣтъ Новаго Завѣта на поставленный нами вопросъ о христіанской цѣнности государства есть осужденіе Римской имперіи девяностыхъ годовъ в огненномъ словѣ Тайнозрителя Іоанна.

Сдѣланный нами обзоръ обязываетъ насъ къ выводу, что в новозавѣтное ученіе о государственной власти отчужденность отъ государства входитъ не менѣе существенною чертою, чѣмъ принципиальное признаніе государства. Мы могли бы объяснять эту стчужденность разными причинами: напряженностью эсхатологическаго ожиданія, сурово аскетическимъ подходомъ къ жизни. Эти объясненія в каждомъ отдѣльномъ случаѣ казались бы болѣе или менѣе вѣроятными, но ни одно изъ нихъ не выходило бы изъ области гипотезы. И не удивительно ли, что только одно объясненіе представляется безспорнымъ: абсолютизація государственной власти в Римской имперіи конца I-го вѣка, какъ причина ея осужденія в Апк? Это объясненіе неизбежно распространяется и на все новозавѣтное откровеніе в цѣломъ. Мы возвращаемся в этой точкѣ къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ насъ привела дедукція. Она утвердила насъ въ убѣжденіи, что монархія Божія, не допускающая осужденія міра, не допускаетъ и его обожествленія, и что этотъ выводъ касается и государства. В тоталитарномъ строѣ государство становится богомъ. В римской имперіи обожествленіе государства получило в императорскомъ культѣ и свое религіозное выраженіе. Но подъ властью грѣха, тяготящею надъ падшимъ міромъ, всякое государство болѣе или менѣе тоталитарно. Это мы знаемъ и изъ опыта нашихъ дней. Различіе между отдѣльными государствами — не качественное, а количественное. Если государство — всякое государство! — считаетъ себя въ правѣ налагать на своихъ гражданъ воинскую повинность, значитъ, оно усваиваетъ себѣ власть надъ ихъ жизнью и смертью, значитъ, оно распоряжается ихъ душами и тѣлами (ср. Апк. XVIII, 13). И не примѣчательно ли, что основаніемъ права на всѣ времена остались юридическіе принципы, отлившіеся в

чеканную форму в Римской имперіи? Мы неизбежно приходим к выводу, что и Сам Господь и Его ученики потому насторожены против государства, что государство — в падшем мірѣ, неминуемым образом, тоталитарное — и в новозавѣтную эпоху не знало предѣла своей власти. Кесарь посягал на Божіе. Отчужденность новозавѣтных писателей от государства есть молчаливая борьба против абсолютизаціи государства.

Но священные писатели Новаго Завѣта дают не только принципиальную оцѣнку государства и государственной власти. Они дают, на исторических примѣрах I-го вѣка, и норму практическаго поведенія христіанина пред лицом государства. Апостолы и их ученики, пріемля государство, как явленіе естественнаго порядка, и противясь его обожествленію, цѣнили государственную дѣйствительность их времени по достоинству. На страницах Новаго Завѣта эта оцѣнка колеблется между двумя полюсами: освященіем государства, как установленія божественнаго, в Римл. XIII, и его осужденіем, как царства звѣря и великой блудницы, в Апк. XIII и XVII. И та и другая оцѣнка были оправданы в свое время и в своих исторических условіях. Между этими двумя полюсами государственная дѣйствительность и колебалась и продолжает колебаться до нашего времени. Государство и в христіанскую эпоху то отступало в тѣнь, отказывалось от осуществленія своей неограниченной власти и поощряло личную и религіозную свободу, то оборачивалось — снова и снова — апокалиптическим звѣрем и требовало себѣ поклоненія. И голосу Тайнозрителя вторят в исторіи Церкви другіе голоса, носителей церковнаго сознанія, обличавших государственнаго звѣря: Амвросія Медиоланскаго. Іоанна Златоуста, Филиппа Московскаго и еще стольких других. И мы спрашиваем себя, в молчаніи обступившей нас грозной ночи: кто откликнется на их голос?

С оцѣнкою государства по его достоинству связан и вопрос о послушаніи государству. Как и ап. Павел, христіане знали во всѣ времена исторіи Церкви, что государство есть начало порядка, и что оно, при всѣх своих несовершенствах, спасает нас от худшей опасности безвластія. Но христіане помнят — и в наше время должны помнить особенно твердо, — что они имѣют единаго Господа-Христа, что двум господам они служить не могут, и что, пред лицом Христовым, государство не может оправдать своей власти над их душами и даже над их тѣлами. И, когда возникает разногласіе между Божіим и кесаревым, христіанину остается только одно: оказать послушаніе Богу и отказать в послушаніи кесарю.

Но на протяженіи своего уже многовѣковаго историческаго пути христіанская Церковь, в лицѣ носителей ея сознанія, не только осуществляла — снова и снова — свое право судить о государствѣ, с которым она имѣла дѣло, по его достоинству, но пыталась привлечь его на служеніе Христу, про-

низать государственныя учрежденія свѣтом Христовым, вдохнуть Его дух в государственныя формы. Ни одна из этих попыток не удалась. Наши предки — в XV вѣкѣ — были свидѣтелями крушенія Византіи. Третій Рим рухнул на наших глазах. И трагедія Россіи, причина ея паденія, заключалась, прежде всего, в том, что она пыталась соединить несоединимое: тоталитарное государство с христіанским строем жизни, царство кесаря с Царством Божиим. Если всякое государство, в своей сущности, тоталитарно, надо думать, что и всякая попытка построить государство на законѣ Христовом роковым образом обречена на неудачу. Но Христос, проповѣдуя Евангеліе Царства Небеснаго, исцѣлял всякую болѣзнь и всякую немощь в людях; Он насыщал голодных, врачевал недужных; Он даже соглашался возвращать к жизни временной ушедших из нея вратами смерти. Свое земное служеніе Он проходил в этом мірѣ. В нем Он оставил и нас и тѣм самым возложил и на нас долг исправлять его недостатки, приходить на помощь страданію, бороться со злом. Этот долг распространяется и на наше отношеніе к государству. Нам не дано соединить несоединимаго. Опыт прошлаго и познаніе истинной природы государства не позволяет нам мечтать о христіанской державѣ на землѣ. Но путь христіанскаго дѣланія в государствѣ открыт и нам, даже больше: он нам указан, как наш долг. По слову Апостола (ср. 2 Петр. III, 12), грядущее преображеніе предуготовляется и предваряется нашим усиліем здѣсь, на землѣ. И когда в пророческом видѣніи Тайнозрителя, вострубил седьмой ангел, тогда “раздались на небѣ громкіе голоса, говорящіе: царство міра содѣлалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во вѣки вѣков” (Апк. XI, 15). Невозможное человѣкам возможно Богу. Посаженному в землю дереву рост дает Бог, но человѣкъ насаждает и поливает (ср. I Кор. III, 6-7). В Царство Славы ведет далекій путь, начинающійся в Царствѣ міра. И Божественная благодать вѣнчает труд человѣка — долгіи, упорный и неблагодарный — в Царствѣ міра и над Царством міра.

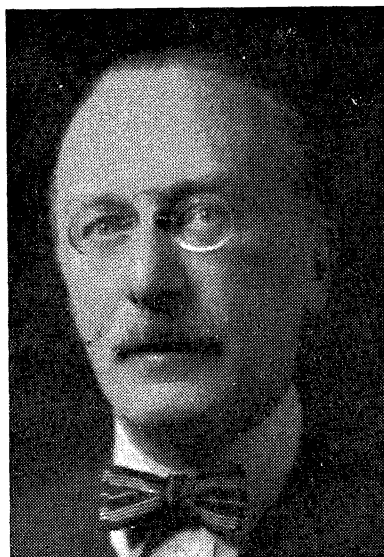
Епископ Кассіан.

БАРОН Б. Э. НОЛЬДЕ.

ИМПЕРСКІЯ СУДЬБЫ РОССІИ

(Перевод с рукописи).

НОЛЬДЕ
(1876—1948).

Профессор, Предсѣдатель Института Международнаго Права.

ВВЕДЕНІЕ.

В 1533-м году, т. е. в год смерти великаго князя Василія Ивановича и восшествія на престол Ивана Грознаго, русское государство занимало пространство, географическая ось котораго проходила с юго-запада на сѣверо-восток, от Смоленска к Перми, через Москву, Вологду, Великій Устюг и Вятку, с немногими областями к югу от этой линіи и с необъятными, почти пустынными землями к сѣверу, ограниченными Бѣлым морем, Ледовитым океаном и Уральским хребтом.

По своему положенію в Европѣ, суровости климата и слабости экономических ресурсов, Московія начала XVI-го вѣка представляла собой сѣверную державу втораго разряда; тогдашній ранг ея можно сравнить с положеніем Швеціи или Нор-

вегії в сучасній Європі. Москва тільки-що завершила національне об'єднання великоруського народу, нічого не давало оснований передбачити превращення її, в теченні послїдуючих чотирьох вїків, з невеликого князства в величезну світову імперію, зайнявши шість частин суші: від Карпат до Тихого океана і від Ледовитого океана до границь Індії, з населенням в 200 мільйонів чоловік, приналежних до 197 різних народностей.

Історія цього, можна сказати чудесного преображення незначительної сїверної держави в величезну світову імперію ніколи ще не була написана. Правда, російські історики не могли не рахуватися з "завоюваннями" Росії в XVI-м і послїдуючих вїках, вповні до XX-го. Вони їх перераховували і описували в своїх очерках історических судиб російського народу, але бачили в них тільки розрознені епізоди загальної історії держави, управляваної столичною властю з центра. Значительні і похвальні зусилля ревнителів "мїстної" історії російських областей дозволили накопити багатїйшій інформаційний матеріал, але і ці зусилля занадто епізодичні: вони не ставлять загальної проблеми імперського розвитку Росії. Мій задум саме і заключається в виконанні цього завдання: в спробі набросати історію "всього більшої Росії" (Greater Russia), згідно терміну, існуючому приблизно п'ятдесят років тому, з легкого руки Сілія (Seeley).

Я представляю собі цю задачу як дослідження не тільки політичних умов розширення Росії, але і як опис внутрішньої організації Імперії. Імперська історія Росії занадто довго зображалась, як нїколи випадкове, механічне нагромодження різних народностей і земель. Люди не давали собі звіту в тому, що з цього етнічного і територіального матеріалу вдалося в кінці кінців створити єдину в своєму роді будову, одну з найбільш цікавих і грандіозних політичних "феноменів" світової історії.

Можливо легко зрозуміти таємні побудови, породивші недоброжелательну трактовку нашої історії з боку різних народностей, вошедших в склад Російської Імперії; але дивно, що сам російський "імперіалізм" не визнавав виключительної оригінальності російського імперського єднання, найбільш цікавого, як сказано, історического явлення. Поистинї настало час підвести результати досягнень "всього більшої Росії".

Вряд-ли потрібно підкреслювати, що мої зусилля, присвячені російському імперському розвитку, не ставлять собі ніякої політичної цїли. Всякий дух "політичної пропаганди" відштовхується в істориків. Пропагандою так зловживали за останні десятиліття, що перший обов'язок сучасного історика всячески уникати ганьби рабства у політич-

ских заданій; надо искать в прошлом одну только строгую, подлинную правду.

Задуманный Б. Э. Нольде огромный труд должен был явиться вѣнцомъ его научно-политическихъ изысканій. Уже в своихъ «Очеркахъ русскаго государственнаго права» (1911 г.) в отдѣлѣ «Единство и нераздѣльность Россіи», Нольде ставилъ этотъ вопросъ: какименно сложилось русское единство-Обычно, в присоединяемыхъ областяхъ, — говоритъ онъ, — «русское право не завоевываетъ и не побѣждаетъ. Оно ищетъ **компромисса** с правомъ мѣстнымъ» (стр. 462). Подтверждаемыя мѣстныя особенности исчезаютъ затѣмъ лишь постепенно; отсюда устойчивость. Но в разныхъ областяхъ историческій ходъ вещей былъ совершенно различнымъ. Дать **общую картину** развитія Россіи-Имперіи — таковъ былъ замыселъ книги, оставшійся, къ сожалѣнію, неосуществленнымъ.

Подготовить къ печати то, что было уже историкомъ сдѣлано, — задача, требующая еще долгаго и упорнаго труда. Ниже мы печатаемъ, в русскомъ переводѣ, лишь первые отрывки книги, писавшейся по французски.

Первый отрывокъ рисуетъ «взятіе Казани», бывшее начальнымъ этапомъ на длинномъ пути превращенія Московіи в Россійскую Имперію.

Второй отрывокъ говоритъ объ овладѣніи Сибирью и обнажаетъ реально-ничтожное значеніе легендарныхъ «подвиговъ Ермака».

Читатели оцѣнятъ яркость, мудрость и мастерство этой послѣдней работы знаменитаго русскаго ученаго.

I.

ЗАВОЕВАНІЕ КАЗАНИ.

Попытки установить пріемлемый “модус вивенди” между Москвою и Казанью (къ этому сводилась политика послѣднихъ десяти мѣсяцевъ царствованія Шигалея в Казани), закончились плачевной неудачей. Казалось, судьба отбрасывала эти сосѣднія государства къ традиціонной глухой борьбѣ, характеризовавшей ихъ отношенія в теченіе почти цѣлаго вѣка. Но царь Иванъ не захотѣлъ с этимъ примириться: политическая акція, начатая имъ присоединеніемъ Свѣяжской области, была бы в корнѣ подорвана, если бы в Казани вновь водворились предприимчивые и враждебные Москвѣ цари. Пришло время покончить раз навсегда с неудобствами и опасностями такого сосѣдства.

В апрѣлѣ 1552 года было создано в Москвѣ специальное совѣщаніе. Иванъ IV поставилъ своихъ совѣтниковъ в извѣстность о своихъ намѣреніяхъ. Оппозиція проявилась не малая. Лѣтописецъ сообщаетъ, что было высказано много различныхъ мнѣній; главнымъ доводомъ противъ войны с Казанью была, якобы, неувѣренность в поведеніи другихъ татарскихъ странъ, Крыма и Ногайской орды. На самомъ дѣлѣ, кажется, оппозиція имѣла болѣе глубокіе и менѣе патріотическіе корни, нежели тѣ, которые называетъ офиціозный источникъ. Московское войско было еще, главнымъ образомъ, войскомъ “служилыхъ людей”, вѣнчинниковъ или помѣщиковъ, обязанныхъ лично нести во время войны безвозмездную воинскую службу и поставлять ратныхъ людей. Профессиональный элементъ в войскѣ былъ лишь случай-

ным. “Служилые люди” не могли не повиноваться царскому призыву, но нельзя было ожидать, чтобы дѣлали они это с восторгом. Замѣчательно в этом отношеніи дошедшее до нас письмо архіепископа Новгородскаго Федосія к одному из крупных Московских бояр в період повторныхъ войнъ Ивана IV противъ Казани: образчикъ малаго энтузіазма “дѣтей боярскихъ”, призываемыхъ к ратнымъ предпріятіямъ.

Ясно, что при такихъ условіяхъ на совѣщаніи, созванномъ в Москвѣ весною 1552 года, должна была проявиться естественная оппозиція: совѣщаніе состояло, главнымъ образом, изъ представителей того класса людей, от котораго требовались максимальныя жертвы. Частные интересы не могли полностью ступшевываться передъ интересомъ общимъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, в знаменитой полемической перепискѣ с кн. Андреемъ Курбскимъ, Иван IV с горечью и возмущеніемъ напомнитъ ему отношеніе царскихъ совѣтниковъ к вопросу о войнѣ с Казанью*)

“Всемъ убо явлена суть, какова тогда злая пострадала от варваръ православныя, и отъ Крыма, и отъ Казани: до полуземли пусто бѣша. И егда начало воспріяхом, за Божіею помощію, еже брани на варвары, егда первое посылахомъ на Казанскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулинскаго с товарищи, како вы глаголали? Се, яко мы в опалѣ своей ихъ послали, казнить ихъ хотя, а не для своего для дѣла. Ино, се ли храбрость, еже служба ставити во опалу? И тако ли покориати прегордые царства? Та же, сколько хоженія не бывало в Казанскую землю, когда не с понужденіемъ, с хотѣніемъ ходисте? Но и всегда аки на бѣдное сходженіе ходести! Егда же Богъ милосердіе свое яви намъ, и тотъ родъ варварскій христіанству покори, и тогда како не хотесте с нами воевати на варвары, яко болѣе пятнадцать тысячъ, вашего ради нехотѣнія, с нами тогда не быша! И тако ли прегордые царства разоряете, еже народъ безумными глаголы наущати и от брани отвращати, подобно Юношю**.) Угорскому?...”

Передъ нами — первый в русской исторіи конфликтъ между программой “имперской” и, ей противоположной, “малодержавной”. Первая дальновидно и энергично защищается главою государства; вторая, с пассивной инертностью, верхнимъ словомъ народа. В позднѣйшія времена оппозиція станетъ болѣе демократической; но монархія до конца останется вѣрна политикѣ имперской.

---

1) По изданію Императорской Археографической Комиссіи 1914 года: «Переписка кн. А. М. Курбскаго с царемъ Іоанномъ Грознымъ», стр. 73.

2) Янушу Венгерскому, т. е. по догадкѣ И. Н. Жданова (см. его Сочиненія в изд. 1904 г., т. I, стр. 115-116), Іоанну Заполю, воеводѣ Трансильванскому, отказавшемуся в 1526 году поддержать своего короля, Людовика Второго, и ставшему такимъ образомъ косвенной причиною гибели короля Людовика в несчастной битвѣ с турками подъ Могачемъ.

Этот коренной конфликт является, вѣроятно, причиной и энергичных усилій Ивана IV — оправдать свою политику перед тогдашним общественным мнѣніем. Выдвигаемые им тезисы носят отпечаток идей, имѣвших хожденіе в Европѣ со времен папы Урбана II и Крестовых Походов, но сохранивших еще нѣкоторую свѣжесть: конфликт с Казанью изображается как борьба вѣры с “невѣрными”, христіан с “сарацинами” (“безбожные Казаньскіе Срацыны”). Иван IV ищет и добивается таким путем поддержки духовенства; духовенство становится распространителем его идей. Даже архіепископ Феодосій Новгородскій, который, — как выше сказано, — всячески способствовал “укрыванію” дѣтей боярских от воинской повинности, вынужден был послать царю торжественное благословеніе по случаю его похода....

Но главным поборником активной политики против Казани выступил митрополит Московскій Макарій. Он лично берет на себя защиту этой политики в различные моменты ея развитія. В маѣ 1552 года он пишет специальное обращеніе к войску по поводу аннексії Свияжской области. 13-го іюля того-же года — новая грамота, на этот раз обращенная к самому царю, чтобы благословить его оружіе накануне послѣдняго похода на Казань. Развиваемыя митрополитом мысли вполне совпадают с идеями выдвигаемыми Иваном IV: священная война против невѣрных, “проливающихъ кровь христіанскую, оскверняющихъ и разрушающихъ церкви православныя”. Тут несомнѣнно преувеличеніе: не имѣется никакихъ подтвержденій, чтобы казанскіе татары того времени, дѣйствительно, “оскверняли и разрушали” русскія церкви. Но таков ужъ былъ “заказъ” официальной пропаганды в то время.

Рѣшеніе идти походом на Казань было окончательно принято в апрѣль-же 1552 года. Немедленно было собрано войско. Полки, сосредоточенные под Свияжскомъ под начальством самого царя Ивана, подошли к Казани и обложили ее в августѣ. Казанское войско, состоявшее из татар и черемисов, защищалось храбро; но русскіе были значительно лучше вооружены и овладѣли городом 4-го октября. Царь Казанскій былъ взятъ в плѣн; активные защитники избиты поголовно.

Такъ завершилась вторая стадія аннексії Казанскаго государства: послѣ Свияжской области, столица и непосредственныя ея окрестности оказались в рукахъ Москвы...

Но завоеваніе страны далеко еще не было закончено. Взятіе Казани и уничтоженіе татарскаго войска не прекратило сразу существованіе державы, областныя силы которой были многочисленны и значительны, а территорія столь обширна.

В теченіе послѣдующихъ вѣковъ “московскій миръ” не нарушался движеніями, возникавшими в средѣ мѣстнаго населенія: то настоящими возстаніями, то отдѣльными проявленіями неподчиненія, то просто разбоем..... В 1574 году отмѣ-

чено лѣтописью послѣднее нападеніе Казанских татар на Нижній Новгород, в пригородах котораго было убито 36 служилых людей. До этого лѣтопись упоминает черемисскіе набѣги 1567, 1570 и 1571 г.г. Под самой Казанью в 1574 году был сожжен "измѣнниками" монастырь и нѣсколько деревенских церквей... Нѣчто подобное повторилось и в 1584 году. Но в царствованіе царя Феодора Иоанновича, сына Грознаго, Московским воеводам удалось возстановить порядок в Казанской области.

Смутное Время, разумѣется, принесло с собою новыя вспышки бунта, в особенности со стороны черемисов. Впрочем, черемисы рѣдко выступали самостоятельно, — обычно они присоединялись к отрядам русских казаков и бѣглых стрѣльцов, ратовавших за того или другого из "самозванцев" того времени.

Чисто-туземным возстаніем можно считать взятіе и разграбленіе черемисами (а б. м. и чувашами, с которыми их русскіе лѣтописцы часто путают) города Чебоксары зимою 1608-1609 г. Это был тогда важный административный центр и представители царя Василя Шуйскаго в Казани реагировали весьма энергично. Казанскій воевода с большим войском двинулся на Чебоксары, разбил бунтовщиков и заставил их принести присягу на вѣрность царю.

Почти одновременно возникло сильное бунтарское движеніе и в Свияжском уѣздѣ. Но оно было, главным образом, русским, туземцы присоединялись к нему лишь частично...

Новая власть, установившаяся на Руси послѣ 1613 года, дѣлала все, чтобы избѣжать конфликтов с туземцами. Когда, напримѣр, сказалась сильная нужда в деньгах и Московское правительство приказало в 1615 году собрать чрезвычайный поголовный налог, прислав с этой цѣлью специальных сборщиков и в Казань, мѣстный воевода поспѣшил представить Москвѣ самыя серьезныя возраженія против того, чтобы этот налог распространялся на чувашей и на черемисов; их он не хотѣл-бы "раздражать"... И Москва, не колеблясь, послѣдовала его совѣту. К сожалѣнію, усилія привлечь к себѣ симпатіи мѣстнаго населенія послѣ Смутнаго Времени имѣли не особенный успѣх. В 1616 году часть Казанской области опять оказалась в руках бунтовщиков и хотя у нас нѣтъ точных данных о размѣрах движенія, но извѣстно, что из Москвы пришлось посылать войска: защищать Нижній, Арзамас и даже Муром. Войска эти, под командой князей Юрія Сулѣсова и Алексѣя Львова, разбили бунтовщиков, состоявших, повидимому, почти сплошь из туземцев; у них были и собственные туземные вожди. Порядок был водворен. На этот раз надолго.

Мир, установившійся послѣ 1616-го года на территоріи бывшаго Казанскаго царства нарушался затѣм еще два раза, в теченіе XVII и XVIII-го вѣков; во время возстаній Стеньки Ра-

зина и Пугачева. Эти движенія возникли не на территоріи и не среди населенія Казанской области и их изученіе не входит в прямыя заданія моего труда. Но необходимо отмѣтить, что туземные элементы принимали живѣйшее участіе в возстаніи Разина, а частично также и в Пугачевщинѣ. Они только не выдвинули собственных вождей, а дѣйствовали под руководством русских бунтарских атаманов..

Но даже если не считать этих двух обще-русских революціонных движеній (Разина и Пугачева), трудно утверждать, чтобы мир, установленный русской властью на средней Волгѣ в результатѣ взятія Казани, был очень прочным. Дошедшіе до нас документы полны упоминаній о безчисленных мелких вооруженных конфликтах и разбоях, обычных в новой области. “Разбойник” там явленіе чуть-ли не нормальное, и с ним государство зачастую не в силах бороться самостоятельно. Интересен в этом отношеніи Указ царя Алексѣя Михайловича от 8 августа 1659 года, предоставляющій землевладѣльцам, служилым людям, дѣтям боярским и татарским мурзам Волжских областей, право казнить смертью разбойников без предварительнаго обращенія к властям..

Окончательное умиротвореніе Казанской территоріи было достигнуто лишь цѣною длительных, непрерывных усилій.

“Пермь Великая”.

Казанское царство присоединено было к Русскому государству как самостоятельная историческая и политическая единица. Совершенно иначе обстояло дѣло с землями, лежавшими на восток и на сѣверо-запад от этой новой области по обѣ стороны Уральскаго хребта. Включеніе их в состав Россіи — второй этап ея имперскаго развитія. Огромная площадь в 880 тысяч квадратных километров, не считая безбрежной Арктики, в четыре раза превосходящая территорію нынѣшней европейской Франціи, никогда не составляла политической или административной единицы. Русскіе пришли в эти края с сѣвера. Еще задолго до взятія Казани и утвержденія русской власти на Средней Волгѣ и Нижней Камѣ, русскіе господствовали над сѣверным бассейном Камы и в зап. части средняго Урала, т. е. в странѣ, именовавшейся, по несовсѣм ясным этимологическим поводам, Пермью Великой. Центр ея находился в Чердынѣ на Колвѣ, (один из сѣверных притоков Камы). Впрочем, нельзя, строго говоря, называть русских “господами” этой страны: Пермь Великая того времени не была заселена никѣм, или почти никѣм. По Яхонтовской переписи 1579 года (первой из дошедших до нас переписей этого края) все населеніе края состояло из 1.671 человекъ (Чердынъ — город 326, Чердынъ область 939, Соль Камская — город 201, Соль Камская — область 205). Иначе говоря, и принимая во вниманіе размѣры

этих двух огромных областей, можно сказать, что четверть вѣка по завоеваніи Казани, онѣ были еще дѣвственными, необитаемыми землями. Но эти два центра страны: Чердынь (на широтѣ 60° 24') и Соль Камская (впослѣдствіи Соликамск, на 59° 39' сѣв. широты) были прекрасно расположены: господствовали над цѣлой рѣчною сѣтью, имѣвшей впереди великую будущность. От Чердыни, по Колвѣ до Камы и вверх по Вишерѣ, можно было подыматься до Уральских гор в легко переходимом участкѣ, а по ту сторону долины Лосьвы и Сосьвы вели к Тавдѣ, притоку Тобола, впадающаго в Иртыш..... Чердынь, таким образом, обеспечивала связь двух главнѣйших водных систем Европейской и Азіатской Россіи: Волжско-Камской и Обь-Иртышской.

Что касается Соликамска, основаннаго, вѣроятно, позже Чердыни, он являлся естественным звеном между русскими центрами на Сѣверо-Двинской рѣчной системѣ и вновь возникшими русскими поселеніями на нижней Камѣ, освобожденной от Казанских татар.

Чердынь, административный центр страны и мѣстопробываніе воеводы "Перми Великой", была все-же, главным образом, **коммерческим** узлом, "факторіей". Цифры упомянутой переписи очень краснорѣчивы. Из 270 дворов этого города, 238 значатся "безпашенными". В городѣ зато было 67 коммерческих предприятий (на 326 жителей!). В Чердынской области было, конечно, и землепашество, но сравнительно незначительное: 725 дворов "пашенных" на 79 "непашенных". Уточней, какой именно "торговлею" занималось большинство жителей города, в переписи 1579 года не имѣется. Но из других документов можно усмотрѣть, что торговля была, главным образом транзитная: в Чердыни обмѣнивался хлѣб, шедшій из Россіи, на мѣха, шедшіе из Сибири.....

Во второй половинѣ XVI-го вѣка еще болѣе просторныя земли присоединяются к первоначальной территоріи Перми Великой. Произошло это, однако, вначалѣ путем не военнаго завоеванія, и даже не политическаго протектората, а путем созданія новых коммерческих и промышленных учреждений. Крупные промышленники из Соль-Вычегодска, владѣльцы солеварен и торговых домов, братья Яков и Григорій Строгановы, били челом царю Ивану Грозному и получили от него концессию (как сказали-бы теперь) по обѣ стороны Камы, от устья Лысьвы, неподалеку от Соликамска, на сѣверѣ, до устья Чусовой, на югѣ, т. е. на 146 верст пустопорожных земель, чернолѣсья, рѣк и озер, никому не принадлежащих, земель "не пашенных, не обстроенных и ни к кому не приписанных", с правом пользоваться этими рѣчками и озерами, рубить лѣс, пахать землю и заселять ее пришлым вольным людом, варить там соль и т. д.....

Это было только начало. Десять лѣт спустя, в 1568 году,

Строгановы получают вторую концессию, охватившую всё течение Чусовой и оба берега Камы еще на двадцать верст вниз от устья Чусовой.

Эти концессии Строгановых носили определенно характер "актов публичного права", сходных с великими хартиями европейских колониальных империй того времени. Строгановы получали разрешение выполнять некоторые государственные функции по отношению к тому населению, которое им удастся привлечь на "пустопорожние земли". Москва определенно заявляла, что воеводство Перми Великой и ее собственные приказные вѣдать этим населением не будут. Строгановы-же обязались строить там "крѣпости" и защищать их "против Ногайской и всякой другой орды" с помощью вооруженных и содержимых на их, Строгановский, счет гарнизонов. Будущие жители страны заранее освобождались от всяких налогов и повинностей на двадцать лѣт вперед, и т. д.,...

Строгановы и Ермак.

Вопрос о походе Ермака и о конце "Царства Сибирского" один из самых спорных вопросов русской истории. Спор длится уже вѣками. Из двух дошедших до нас лѣтописей, составленных, обѣ, в XVII-ом вѣкѣ, одна — т. н. "Есиповская" — представляет поход Ермака, как личное его предприятие, не намекая ни на какую инициативу Строгановых, тогда как другая — т. н. "Строгановская" — надѣляет их ведущей ролью.

Адрианов, один из лучших исследователей областной истории Перми Великой, основываясь на Есиповской Лѣтописи, утверждал, что добрая воля Строгановых не имѣла никакого значения в предприятии Ермака, который-де пошел походом на Сибирь на свой страх и риск.

Становится на такую крайнюю точку зрѣнія не представляется мнѣ возможным. Мы располагаем, помимо лѣтописей, рядом документов, бесспорно доказывающих, что сибирская экспедиция Ермака состоялась по инициативѣ Строгановых. Как уже сказано выше, они были уполномочены центральным Московским правительством организовывать военные предприятия... Грамота 1574 года даже определенно предусматривает набор казаков, для вторжения в Сибирь, и уж, конечно, никто, кромѣ Строгановых, не мог бы им обеспечить существование на все время их долгаго пребывания на Чусовой, ни снабдить их огнестрѣльным оружием, с таким успѣхом примѣнявшимся ими во время Сибирского похода. Наконец, в 1582 году, нѣсколько недѣль всего по уходѣ Ермака на восток, воеводство Перми Великой, в своих донесениях в Москву, и Московские Приказы, в своих письмах Строгановым, всецѣло возлагают на них отвѣтственность за это предприятие. Дѣйствительно, по несчастному стечению обстоятельств, в самый день отбытия Ермака,

территорія Перми Великой подверглась опасному набѣгу вогулов под предводительством князя Пелымскаго, и власти упрекали Строгановых за то, что они не испросили разрѣшенія на посылку Ермаковских казаков на восток, тогда как эти силы нужны были, в срочном порядкѣ, для защиты Чердыни и Соли Камской.

Но административная переписка не могла уже остановить Ермака, углублявшагося все дальше в пустынные Уральскіе лѣса по направленію к бассейнам Туры и Иртыша. Сибирскія лѣтописи, составленныя почти вѣкъ спустя, приводят много любопытных подробностей похода, но провѣрить их на основаніи официальных документов (поскольку таких не имѣется ни одного) совершенно невозможно, да и не так уж важно. Суть в том, что экспедиція Ермака несомнѣнно закончилась полным провалом. Послѣ нѣскольких первоначальных удач, в частности взятія "Сибири, столицы Кучума, или вѣрнѣе его главнаго кочевого становища, казаки попали в бѣду, наткнувшись на энергичное сопротивленіе татар. Сам Ермак погиб при попыткѣ переплыть Иртыш, а оставленный им в Сибири гарнизон, узнав о гибели своего вождя, успѣшил эвакуировать городок, куда, как повѣствует лѣтопись, татары вернулись уже без боя.

В набѣгѣ Ермака имѣло фактическое значеніе лишь взятіе Сибири, да и то не само по себѣ (Кучум скоро этот город отобрал), а по ловкому политическому толкованію полученной новости Московским правительством, которое не задумываясь, превратило взятіе городка Сибири в "завоеваніе царства Сибирскаго".

В дѣйствительности для разрушенія этого царства понадобилось еще полвѣка. Успѣх же фикціи "завоеванія Сибири Ермаком" объясняется тѣм, что этот неудачный поход Строгановских казаков все-же был первой ласточкой сознательнаго русскаго усилія в этом направленіи.

Б. Нольде.

Ф. И. РОДИЧЕВ И МОИ ВСТРЪЧИ С НИМ

ГЛАВА ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ

“Марксизм” и “либерализм” в Россіи в концѣ 90-х гг. XIX вѣка. — Тверской адрес, рѣчь Николая II о “безсмысленных мечтаніях”. — “Открытое письмо к Николаю II”. Как оно было написано и разослано. — Взгляды Родичева на крестьянскій вопрос. — Личность Родичева и оцѣнка его политической позиціи.

20-го октября умер Александр III, и в этот момент всѣ тѣ, кто желал поворота во внутренней политикѣ Россіи, поворота от упорной реакціи, отрѣзывавшей для страны пути даже самой медленной и постепенной конституціонной эволюціи, всѣ, с неясными но огромными надеждами, взирали на юнаго царя Николая II. Казалось, что, раз в царствованіе его отца сказалась и восторжествовала столь сильная общественная реакція против крайностей социальнаго и политическаго революціонизма, доведших страну до царубійства 1-го марта, раз ни о каком серьезном и массовом движеніи против власти царя не может быть рѣчи, то отпадают и со стороны правительства всякія серьезные и существенныя возраженія против разумных уступок либеральному общественному мнѣнію, главными носителями котораго были органы мѣстнаго самоуправления, земства и прогрессивная печать столиц и провинціи. Казалось, была возможна (и потому ожидалась) при молодом царѣ новая эра широких и глубоких реформ в фактическом, по крайней мѣрѣ, единеніи общественнаго мнѣнія и монархической власти.

В глубинѣ души и многіе радикальные элементы среди молодежи той эпохи предавались этим надеждам. Ибо начало 90-х гг. прошлаго вѣка было эпохой не только ренессанса в Россіи идеи и культа гражданской и политической свободы, но и выпѣтанія тѣх социалистических идей, которыя властвовали над предшествующими поколѣніями. Уже “народовольцы” в сущности боролись не за социализм, а за политическое освобожденіе страны. Еще болѣе это относится к социалистам начала послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка, к тому политически, либерально и демократически, окрашенному марксизму, который стал дѣлать в эту эпоху свои идейныя завоеванія среди русской молодежи. Основы этому виду русскаго марксизма положили за границей зачинатели русскаго социалдемократіи — П. Б. Аксельрод, Г. В. Плеханов и

В. И. Засулич. Теоретически это был революционный марксизм в духъ Маркса и Энгельса и их вѣрных послѣдователей, германских социал-демократов; практически это был — в облачені марксистской идеологии — либеральный демократизм, стремившійся к широким, как политическим, так и социальным реформам.

Еще болѣе приложима эта характеристика к значительной части тѣх молодых марксистов, выступивших тогда в “легальной” печати и развивавших в ней взгляды, в которых отрицаніе самобытнаго русскаго “народническаго” социализма и особаго отличнаго от Запада социалистическаго призванія и пути развитія Россіи сочеталось с любовью к свободѣ в ея гражданских и политических проявленіях, т. е. с либеральным демократизмом чисто западноевропейскаго типа.

Для меня лично, явившагося осенью 1894 г. в своей первой книгѣ “Критическія замѣтки к вопросу об экономическом развитіи Россіи” застрѣльщиком этого либерально-демократическаго и эволюціоннаго марксизма, суть нашего движенія заключалась в новом обоснованіи, историческом и социологическом, традиціонной борьбы русской интеллигенціи за гражданскія свободы и политическое преобразование государства.

На этой почвѣ пути русскаго марксизма вполне сходились с путями русскаго либеральнаго демократизма, представители котораго окрашивали в значительной мѣрѣ русское земство и земское движеніе.

Это обнаружилось чрезвычайно явственно и ярко для меня при знакомствѣ и сближеніи с Ф. И. Родичевым.

Родичев принадлежал к другому поколѣнію: родившійся в 1855 г., он был меня старше на 15 лѣт. Будучи человеком разносторонних духовных интересов, Родичев не был и не мог по своей природѣ быть ни писателем, ни ученым. Он был по призванію чистым политическим дѣятелем.

Из моего знакомства и общенія с Родичевым, которое началось, мнѣ помнится, около 1890 г., я очень быстро ощутил близость нѣкоторых основных исходных точек зрѣнія в нашем пониманіи и прошлаго и будущаго развитія Россіи, и эта близость обнаружилась разительно на том историческом эпизодѣ, который в біографіи Родичева занимает центральное мѣсто.

Надежды русскаго образованнаго общества на политическій поворот в связи со смѣной царствованія, происшедшей в концѣ 1894 г., привели к тому, что в нѣскольких земствах возникла мысль — в адресах, обращенных к молодому императору, в самой сдержанной и почтительной формѣ выразить свои политическія надежды и пожеланія. В разных выраженіях, в которых не заключалось ни малѣйшаго политическаго т р е б о в а н і я, Курское, Полтавское, Орловское, Саратовское, Тамбовское, Тверское, Тульское, Уфимское земскія собранія по поводу восшествія на престол и бракосочетанія молодого царя высказали надежду, что земство будет пользоваться довѣріем царя и сможет доводить до него свои мнѣнія и пожеланія. Эти адреса остава-

лись всецѣло на почвѣ существующаго государственнаго строя и отнюдь не касались вопроса о формѣ правленія (1).

Всего ярче такія надежды были формулированы в адресѣ Твер-

Бѣлград, 1928.

С портрета раб. худ. Киселевой-Билимович.

АКАДЕМИК П. Б. СТРУВЕ
(1870—1944),

первый редактор «Возрожденія», давший ему это имя.

ского Губернскаго Земскаго Собранія, самаго прогрессивнаго в то время из русских земств, в котором принимали участіе такіе видные дѣятели, как братья И. И. и М. И. Петрункевичи и Ф. И. Родичев.

Приведу текст тверскаго адреса, документа, который повлек за собой удаленіе из земства Ф. И. Родичева, как главнаго вдохновителя

¹⁾ Так характеризует земскіе адреса С. Мирный в изданной за границей брошюрѣ «Адреса земств 1894-1895 гг.» Под характерным псевдонимом «Мирный» скрывается будущій член Государственной Думы, извѣстный политическій дѣятель кн. Д. И. Шаховской.

и инициатора этого адреса, и вызвал роковой в своем историческом значении отвѣтъ Николая II — рѣчь, сказанную им 17-го января 1895 г. депутациям дворянств, земств, городов и казачьих войск:

ТВЕРСКОЙ АДРЕС

“Ваше Императорское Величество! В знаменательные дни начала служенія Вашего русскому народу, земство Тверской губ. привѣтствует Вас привѣтом вѣрноподданных. Раздѣляя Вашу скорбь, Государь, мы надѣемся, что в народной любви, в силѣ надежды и вѣры народа, обращенных к Вам, Вы почерпнете утѣшеніе в горѣ, столь неожиданно постигшем Вас и страну Вашу, и в них найдете твердую опору в том трудном подвигѣ, который возложен на Вас Провидѣніем. С благодарностью выслушал народ русскій тѣ знаменательныя слова, которыми Ваше Величество возвѣстили о вступленіи своем на Всероссійскій Престол. Мы вмѣстѣ со всѣм народом русским проникаемся благодарностью и уповаем на успѣх трудов Ваших к достиженію великой цѣли, Вами поставленной — устроить счастье Ваших вѣрноподданных. Мы питаем надежду, что с высоты Престола всегда будет услышан голос нужды народной.

“Мы уповаем, что счастье наше будет расти и крѣпнуть при неуклонном исполненіи закона, как со стороны народа, так и представителей власти, ибо закон, представляющій в Россіи выраженіе Монаршей Воли, должен стать выше случайных видов отдѣльных представителей этой власти. Мы горячо вѣруем, что права отдѣльных лиц и права общественных учреждений будут неизблѣмо охраняемы.

“Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнѣніе по вопросам, их касающимся, дабы до высоты Престола могло достигать выраженіе потребностей и мыслей не только представителей администраціи, но и народа русскаго. Мы ждем, Государь, что в Ваше царствование Россія двинется вперед по пути мира и правды со всѣм развитіем живых общественных сил. Мы вѣрим, что в общеніи с представителями всѣх сословій русскаго народа, равно преданных Престолу и Отечеству, власть Вашего Величества найдет новый источник силы и залог успѣха в исполненіи великодушных предначертаній Вашего Императорскаго Величества.”

РѢЧЬ НИКОЛАЯ II 17-ГО ЯНВАРЯ 1895 Г.

“Я рад видѣть представителей всѣх сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрноподданнических чувств. Вѣрю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что в послѣднее время слышались в нѣкоторых земских собраніях голоса людей, увлекавшихся безмысленными мечтаніями об участіи представителей земства в дѣлах внутренняго управленія. Пусть всѣ знают, что я, посвящая всѣ силы благу

народному, буду охранять начало самодержавія так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель”.

Трудно изобразить то волненіе, какое в разнообразных кругах общества произвела произнесенная Николаем II 17-го января 1895 г. краткая рѣчь о “безсмысленных мечтаніях”. Это волненіе, однако, не трудно понять, если ясно и отчетливо представить себѣ, что раздавшійся с высоты престола суровый окрик был отвѣтом на самыя умѣренные, самыя почтительныя, подлинно вѣрнопопуданническія заявленія, исходившія от корпорацій самоуправленія, в которыхъ большинство составляли дворяне, гдѣ участниками были лица, опытные в общественной дѣятельности и исполненные горячаго патриотизма (2).

Волненіе было глухое, не имѣвшее ни возможности, ни способа выразиться. Печать была несвободна. Но важнѣе было другое. Старшее поколѣніе, к которому принадлежали либералы типа Родичева, за все время реакціоннаго царствованія Александра III совершенно отвыкло протестовать. В молодых поколѣніях, к которымъ принадлежалъ я, были еще сильны “народническія” тенденціи, побуждавшія представителей этихъ поколѣній относиться несочувственно к идеалам либерализма, невнимательно и порой даже пренебрежительно — к либеральной “умѣренности” отцов и братьев.

Однако, неслучайно по существу в “марксистском” или, как тогда часто говорили, желая отмежевать марксистов-антинародников моего типа от опиравшихся тоже на Маркса “народников”, в “нео-марксистском” лагере молодежи требованія либерализма занимали идейно очень важное мѣсто, эмоционально у многих (в том числѣ у меня) самое важное, центральное мѣсто.

Молниеносно в моемъ умѣ возникла мысль — немедленно отвѣтить на царскую рѣчь 17-го января как бы от имени всей прогрессивной, равнявшейся к свободѣ и общественной самодѣятельности, Россіи и в особенности и в частности, от имени земской Россіи. Мысль тотчасъ была приведена в исполненіе. Я написалъ “Открытое письмо к Николаю II” и прочелъ его моимъ друзьямъ. Из нихъ прежде всего — А. М. Калмыковой, у которой я жилъ. Эту интересную и своеобразную жен-

2) О том, какое удручающее впечатлѣніе царская рѣчь 17-го января 1895 г. произвела даже на высшую бюрократію, свидѣтельствуетъ содержащаяся в «Дневникѣ» гр. В. Н. Ламздорфа, потомъ министра иностранныхъ дѣлъ Имперіи, запись от 19-го января того же года. Одинъ знакомый Ламздорфа такъ формулировалъ впечатлѣніе, непосредственно полученное отъ рѣчи: «Вышелъ офицерикъ, в шапкѣ у него была бумажка; началъ онъ что-то бормотать, поглядывая на эту бумажку, и вдругъ вскрикнулъ: «безсмысленными мечтаніями!» — Тутъ мы поняли, что насъ за что-то бранятъ. — Ну, к чему же лаяться?...» Къ этому разсказу свидѣтеля пріема гр. Ламздорфъ прибавляетъ отъ себя: «Это описаніе, хотя и вульгарное, крайне характерно. И молодую Императрицу также упрекаютъ, что она держалась словно аршинъ проглотила и не кланялась депутатамъ, когда они дефилировали мимо ихъ Величествъ» (Красный Архив, том III (46), 1931 г., стр. 26).

Примѣчаніе редакціи: Эти строки изъ дневника гр. Ламздорфа, как и все остальное в настоящемъ, столь яркомъ очеркѣ П. Б. Струве, — достояніе русской исторіи; поэтому, как бы к нимъ ни относиться, они не могли быть выпущены.

щину, которая в моей личной жизни сыграла весьма большую роль и которая через меня эмоционально-душевно обратилась в “марксизм”, а потом, когда мы лично отделились друг от друга, и формально осталась в “марксистском” лагерь, хотя духовно-идейно марксизм ей всегда был чужд, и она не могла творчески участвовать в нем ни как в умственном, ни как в политическом движении, я охарактеризую в другой главе моих воспоминаний. А. М. Калмыкову увлек мой порыв — немедленно реагировать на рѣчь Николая II, и она, хотя и всегда отличалась во всѣх своих дѣйствіях величайшей осторожностью, лежавшей в самом существѣ ея сложнаго характера, без всяких колебаній предоставила для осуществленія моего намѣренія имѣвшійся в ея преслѣдовавшем прежде всего культурныя цѣли книжном складѣ гектограф. Своим “Открытым письмом к Николаю II”, еще до его размноженія, я подѣлился со своим тогда ближайшим единомышленником, с которым меня связывала и личная дружба, Александром Николаевичем Потресовым. Этот талантливый и глубоко честный человек и по сю пору остался чистым и убѣжденным марксистом: на этой почвѣ мы с ним потом, когда я окончательно и духовно и практически порвал с марксизмом, идейно разошлись. Но как характерно, что этот настоящий марксист, именно как человек вѣрный завѣтам социалдемократіи, должен был при большевиках эмигрировать из Совѣтской Россіи! А. Н. Потресов — опять таки без всяких колебаній — признал мысль об открытом письмѣ Николаю II политически своевременной, удачной и — как сказали бы теперь — “ударной” и всецѣло одобрил весьма сдержанный и совершенно безпартійный тон самаго письма, текст котораго от перваго до послѣдняго слова был написан единолично мною. Вот текст этого историческаго документа:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К НИКОЛАЮ II

Вы сказали свое слово, и оно разнесется теперь по всей Россіи, по всему культурному міру. До сих пор Вы были никому неизвѣстны; со вчерашняго дня Вы стали опредѣленной величиной, относительно которой нѣтъ болѣе мѣста “безсмысленным мечтаніям”. Мы не знаем, понимаете ли Вы то положеніе, которое Вы создали своим “твердым” словом. Но мы думаем, что люди, стоящіе не так высоко и не так далеко от жизни, как Вы, и потому могущіе видѣть то, что происходит теперь в Россіи, легко разберутся и в Вашем и в своем положеніи.

Прежде всего Вы плохо освѣдомлены о тѣх теченіях, против которых Вы рѣшили выступить с Вашей рѣчью. Ни в одном Земском Собраніи не слышалось ни одного голоса против самодержавной власти, и никто из земцев не ставил вопрос так, как его поставили Вы. Наиболѣе передовыя земства и земцы настаивали или, вѣрнѣе, просили лишь о единеніи царя с народом, о непосредственном доступѣ голоса земства к Престолу, о гласности и о том, чтобы закон всегда стоял выше административнаго произвола. Словом, рѣчь шла лишь о том, чтобы пала бюрократически-придворная стѣна, отдѣляющая царя от Россіи.

Вот тѣ стремленія земскихъ людей, которыя Вы, только что ступивъ на престолъ, неопытный и несвѣдующій, рѣшили заклеить названіемъ “безсмысленныхъ мечтаній”.

Для всѣхъ сознательныхъ элементовъ русскаго общества ясно, кто подвинулъ Васъ на этотъ неосторожный шагъ. Васъ обманули, Васъ запугали представители той именно бюрократически-придворной стѣны, съ самодержавіемъ которой никогда не примирится ни одинъ русскій человѣкъ. И Вы отчитали земскихъ людей за слабый крикъ, вырвавшійся изъ ихъ груди противъ бюрократически-полицейскаго гнета! Вы увлеклись такъ далеко въ ненужномъ охраненіи того самодержавія, на которое ни одинъ земскій человѣкъ не думалъ посягать, что въ участіи представителей земства въ дѣлахъ “внутренняго управленія” усмотрѣли опасность для самодержавія. Такой взглядъ не соотвѣтствуетъ даже тому положенію, въ которое земство поставлено Вашимъ отцомъ и при которомъ оно является необходимымъ участникомъ и органомъ внутренняго управленія.

Но Ваше неудачное выраженіе — не просто редакціонный промахъ: въ немъ сказалась цѣлая система. Русское общество прекрасно пойметъ, что 17-го января говорила Вашими устами вовсе не идеальная самодержавная власть, носителемъ которой Вы себя считаете, а ревниво оберегающая свое могущество бюрократія. Этой бюрократіи, начиная съ комитета министровъ и кончая послѣднимъ урядникомъ, ненавистно расширеніе общественной самодѣятельности даже на почвѣ существующаго государственнаго порядка. Она держитъ самодержавнаго монарха внѣ свободнаго общенія съ представителями народа, и самодержцы оказываются лишенными всякой возможности видѣть ихъ иначе, какъ ряженными поздравителями съ иконами и подношеніями. И рѣчь Ваша еще разъ доказала, что всякое желаніе представителей общества и сословій быть чѣмъ-нибудь большимъ, — всякая попытка высказаться передъ Престоломъ, хотя бы въ самой вѣрноподданической формѣ, о наиболѣе вопіющихъ нуждахъ русской земли — встрѣчаетъ лишь грубый окрикъ...

Русская общественная мысль напряженно и мучительно работаетъ надъ разрѣшеніемъ коренныхъ вопросовъ народнаго быта, еще не сложившагося въ опредѣленныя формы со времени великой освободительной эпохи и недавно въ голодные годы пережившаго тяжелья потрясенія. И вотъ, въ такое время вмѣсто словъ, обѣщающихъ дѣйствительное и дѣятельное едипеніе царя съ народомъ, и признанія съ высоты Престола гласности и законности, какъ основныхъ началъ государственной жизни, — представители общества, собравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи и ожидавшіе отъ Васъ одобренія и помощи, услышали лишь новое напоминаніе о Вашемъ всеиліи и вынесли впечатлѣніе полнаго отчужденія царя отъ народа.

Вѣрьте, что и на самыхъ мирныхъ людей такое обращеніе могло произвести только удручающее и отталкивающее дѣйствіе. День 17-го января уничтожилъ тотъ ореолъ, которымъ многіе русскіе люди окружили Вашъ неясный молодой обликъ. Вы сами наложили

руку на Вашу популярность. Но дѣло идет не только о Вашей личной популярности. Если самодержавіе на словах и на дѣлѣ отождествляет себя с всемогуществом бюрократіи, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном дѣйствіи якобы временнаго положенія об усиленной охранѣ, — дѣло его проиграно; оно само роет себѣ могилу и раньше или позже, но во всяком случаѣ в недалеком будущем, падет под напором живых общественных сил. Вы сами своими словами и своим поведеніем задали обществу такой вопрос, одна ясная и гласная постановка котораго есть уже страшная угроза самодержавію. Вы бросили земским людям и с ними вмѣстѣ всему русскому обществу вызов, и им теперь не остается ничего другого, как сдѣлать сознательный выбор между движеніем вперед и вѣрностью самодержавію.

Правда, своей рѣчью Вы усилили полицейское рвеніе тѣх, кто службу самодержавному царю видит в подавленіи общественной дѣятельности, гласности и законности, — Вы вызвали восторг тѣх, кто готов служить всякой силѣ, пимало не думая об общем благѣ и в безгласности находя лучшее условіе торжества личных узкословных выгод. Но всю мирно стремящуюся вперед часть общества Вы оттолкнули.

А тѣ дѣятельныя силы, которыя не способны довольствоваться полной сдѣлок и уступок, трудной и медленной борьбой на почвѣ существующаго порядка, — куда пойдут онѣ? Послѣ Вашего рѣзкаго отвѣта на самыя скромныя и законныя пожеланія русскаго общества, — чѣм, какими средствами удержит оно на законном пути и охранит от гибели самых чутких и даровитых, не удержимо рвущихся вперед своих дѣтей?

Итак, какое дѣйствіе произведет на русское общество первое, непосредственное обращеніе Ваше к его представителям?

Не говоря о ликующих, в ничтожествѣ и общественном безсиліи которых Вы сами скоро убѣдитесь, — Ваша рѣчь у одних вызовет чувство обиды и удрученности, от котораго однако живыя общественныя силы быстро оправятся и перейдут к мирной, но упорной и сознательной борьбѣ за необходимый для них протест; у других она сразу обострит рѣшимость бороться с ненавистным строем всякими средствами.

Вы первый начали борьбу, — и борьба не заставит себя ждать.

С.-Петербург, 19 января 1895 г. (З).

В план не написанія, а размноженія и распространенія письма были, кромѣ А. М. Калмыковой и А. Н. Потресова, посвящены: кн. Дмитрій Иванович Шаховской, Константин Константинович Бауер и Александра Алексѣевна Штевен.

3) «Открытое письмо» к Николаю II есть послѣдній историческій документ, напечатанный в извѣстном сборникѣ, составленном В. Л. Бурицевым при редакціонном участіи С. М. Кравчинскаго (Степяка): За сто лѣтъ (1800—1896). Лондон 1897.

Кн. Дмитрій Иванович Шаховской тогда еще заканчивал или только что оставил свою работу по народному образованию в Вельегонском земствѣ. Из народника с сильным толстовским налетом он тогда постепенно и медленно превращался в настоящего политическаго либерала, искавшаго выхода для Россіи в утвержденіи конституціоннаго режима. Кн. Д. И. Шаховской заслуживает особой характеристики, которую я дам в другой главѣ своих "Воспоминаній". Здѣсь скажу только, что с его стороны и мое намѣреніе реагировать немедленно и опредѣленно на царскую рѣчь, и содержаніе и тон "Открытаго письма" не вызвали ни малѣйшаго возраженія.

К. К. Бауер, гимназическій товарищ одного из моих старших братьев, был по гимназіи и университету старше меня на четыре года, а по возрасту, пожалуй, был меня старше только на два-три года. Но если в моей политической жизни с кѣм-нибудь у меня сложились настоящія отношенія учителя к ученику, то именно с К. К. Бауером. Я имѣл на него очень большое вліяніе и в нѣкоторой мѣрѣ опредѣлял содержаніе его духовной жизни и даже его судьбы (4). Под моим вліяніем он не пошел по проторенным дорожкам. Получив великолѣпный университетскій диплом (в качествѣ одного из студентов того перваго выпуска Юридическаго факультета Петербургскаго Университета, который, поступив в университет в 1885 г., в 1889 г. держал чудовищно сгущенный и чисто физически трудный государственный экзамен по Университетскому уставу 1884 г.), Бауер принял должность секретаря Крестецкой (Новгородской губерніи) земской управы, послѣ того как я его свел с молодым тогда либеральным членом этой управы, милым и скромным, но весьма твердым в своем поведеніи и порядочности Александром Павловичем Храповицким, братом понынь здравствующаго митрополита Антонія.

Бауер и я мы оба учились в 3-ей СПб. гимназій. Младшій брат Бауера Михаил был моим товарищем по классу, но не мог, по неспособности, окончить полнаго курса гимназій. Его умственный уровень составлял разительный контраст с необыкновенными — правда, по преимуществу рецептивными — способностями брата. Отец К. К. Бауера был товарищем моего отца по Александровскому Лицею, но всю жизнь был небольшим чиновником таможеннаго вѣдомства, гдѣ уже наклонѣ лѣтъ исполнял скромныя обязанности секретаря директора департамента. Его брат, В. В. Бауер, был профессором всеобщей исторіи в СПб. Университетѣ. Из его учеников выдвинулся, как замѣчательный ученый и педагог, Г. В. Форстен. "Рабочій-революціонер" А. Ша-

4) О моем вліяніи на Бауера и в позднѣйшее время (уже в XX вѣкѣ, перед революціей 1905 г., но до его пріѣзда за границу) есть любопытное свидѣтельство правовѣрных социалдемократов большевицкаго лагеря. Близкое к редакціи заграничной «Искры» лицо писало из Самары этой редакціи о Бауерѣ, что послѣдній, вернувшись из ссылки, встал на почву всечеловѣческаго, а не классоваго социализма (это была в ту эпоху моя, как критическаго марксиста, позиція!). Указаніе это сопровождается слѣдующим замѣчаніем: «Кончит он (Бауер), по всей вѣроятности, с т р у в и з м о м. Очень жаль, ибо человек он очень значительный и цѣнный». См. журнал «Пролетарское Освобожденіе», 1928 г. № 6/7 (77/78), стр. 163.

повалов в своих крайне наивных воспоминаниях “По дороге к марксизму” (Москва, 1924, стр. 160) говорит о “буржуазной аристократической роднѣ” (замѣчательное, в сущности, противорѣчіе в двух рядах стоящих опредѣленіях!), с которой будто бы порвал Бауер. На самом дѣлѣ Бауер вышел из средней и скромной петербургской чиновничьей семьи нѣмецкаго происхожденія. Одна из сестер К. К. Бауера вышла замуж за офицера Клембовскаго, во время мировой войны бывшего уже видным боевым генералом.

К. К. Бауер нѣжно любил меня, и я платил ему тѣм же чувством. Это был живой человек, рѣдкой душевной чистоты, изумительно воспринимчивый и способный, с огромной памятью. Он недолго продержался в Крестецком земствѣ и, вернувшись в Петербург, с головой ушел в столичную общественную и политическую работу. Он стал секретарем трельяго, чисто экономическаго, отдѣленія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, общества, исторически и по существу бывшаго сельскохозяйственным, и через меня вошел в связь с дѣятелями начинавшагося тогда социалдемократическаго рабочаго движенія. Это в 1896 г. привело к его аресту. Бауер просидѣлъ в предварительном одиночном заключеніи в Петропавловской крѣпости почти два года и сослан был административно в Восточную Сибирь. Помню прощаніе мое с ним на Николаевском вокзалѣ — я не мог удержаться от слез при разставаніи с этим ставшим для меня дорогим и близким человеком, увѣзавшим в суровую ссылку. Либо тюрьма и ссылка, либо, что болѣе вѣроятно, какія-то тяжелыя личныя переживанія как-то сломили этого здороваго и жизнерадостнаго человека, потому что, когда Бауер, вернувшись из ссылки, пріѣхал ко мнѣ в Штутгарт, гдѣ я тогда издавал “Освобожденіе”, он произвел на меня и на мою жену тягостное впечатлѣніе не только надорваннаго и сломленнаго, но прямо таки душевно-больнаго человека. От меня из Штутгарта Бауер поѣхал в Швейцарію, откуда вернулся в Россію, гдѣ в 1905 или 1906 г. умер как-то загадочно быстро. Из моих долгих бесѣд с ним в Штутгартѣ я вынес впечатлѣніе какаго-то непоправимаго надлома, происшедшаго в личности этого нравственно удивительно привлекательнаго человека. Он в Штутгартѣ в 1904 г. много говорил, но как-то невразумительно и несосредоточенно. Но в 1894 и 1895 гг. этот человек был полон жизни, энергіи и упора. С увлеченіем он выслушал “Открытое письмо” и гектографическими чернилами своим четким крупным почерком переписал мой текст; так получилась одна “порція” экземпляров “Открытаго письма”, написанная рукой моего ученика, такого же, как я. “марксиста” и социал-демократа”, К. К. Бауера.

Другая порція была переписана рукою замѣчательно одаренной русской женщины, нижегородской помѣщицы Александры Алексѣевны Штевен, культурной работницы в области народнаго просвѣщенія. Ея статьи в “Вѣстникѣ Европы”, в которых изображалось ея общеніе с народною средой, дѣтской и взрослой, в свое время обратили на себя всеобщее вниманіе и рѣдкой наблюдательностью, и совершенно недюжинным литературным талантом. В Штевен поражали также жизненность и энергія, увлекавшія по-разному всѣх нас, в особенности

кн. Д. И. Шаховского и К. К. Бауера. Потом эта даровитая женщина вышла замуж за М. Д. Ершова, который на филологическом факультетѣ Петербургскаго Университета был одним из лучших учеников знаменитаго византиниста В. Г. Васильевскаго, но оставил ученую карьеру и по убѣжденію стал дѣятелем народнаго образованія, благодаря своим связям поступив на службу в министерство народнаго просвѣщенія на невидную должность инспектора народных училищ (кажется, впервые в Муромском уѣздѣ Владимірской губерніи), для того, чтобы в этой скромной должности не бороться с земством, а сотрудничать с ним. Это инспекторство Ершова представляло какую-то своеобразную аналогію тому служенію, которому в совершенно другой обстановкѣ кн. Д. И. Шаховской посвятил себя в Везьегонском земствѣ. В половинѣ 90-ых годов А. А. Штевен, впоследствии Ершова, увлекалась Л. Н. Толстым. Потом и она, и ея муж, испытав глубокую эволюцію своих взглядов, сдѣлались убѣжденными консерваторами и, в качествѣ таковых, конечно, уже не только не увлекались Толстым и толстовством, но и стали в опредѣленно враждебную позицію к яснополянскому старцу. М. Д. Ершов в XX-ом вѣкѣ был видным дѣятелем тульского земства и его выборным представителем в Государственном Совѣтѣ. Когда, в 1909-ом году я посѣтил Л. Н. Толстого в Ясной Полянѣ, я заѣзжал и к Ершовым в их Лебяжье на прославленной Тургеневиной и ея Касьяном Красивой Мечи. Контраст между народнически-анархическим мировоззрѣніем Толстого и государственно-консервативным мировоззрѣніем Ершовых тогда поразил меня своей непримиримой остротой, сказавшейся и во взаимных отзывах (мимоходом Толстой и даже Софья Андреевна весьма пренебрежительно отзывались мнѣ об А. А. Штевен-Ершовой, а, с другой стороны, Ершовы не скрывали своего осужденія по адресу Толстого и антипатіи к нему). Но в 1895-ом году этого контраста со стороны А. А. Штевен еще нельзя было даже и подозревать: тогда она была еще под обаяніем Толстого, однако, подобно всѣм нам, не раздѣляя народнически-анархических крайностей его воззрѣній, а потому всецѣло сочувствуя идеям либерализма и конституціонализма. Этим объясняется то, что Штевен с подлинным увлеченіем продѣлала работу переписки "Открытаго письма" и надписыванія конвертов для его разсылки.

К вечеру 19-го января вся эта работа была кончена. Письмо в запечатанных конвертах, опусканіе которых в почтовые ящики было точно-топографически распредѣлено между названными посвященными лицами, было в этот вечер разослано всѣм предсѣдателям Губернских Земских Управ, нѣкоторым избранным редакціям періодических изданій и нѣскольким, тоже особо избранным, лицам, — на мою долю досталось опустить конверты, адресованные предсѣдателям Губернских Управ в хорошо знакомый мнѣ почтовый ящик на Николаевском вокзалѣ.

Все было сдѣлано очень быстро, и именно быстротой своей, в соединеніи с чрезвычайной умѣренностью по существу, эта реакція на знаменитую царскую рѣчь о "безсмысленных мечтаніях" произвела в обществѣ сильное впечатлѣніе.

Через кн. Д. И. Шаховского текст “Открытого письма” был доведен до свѣдѣнія и главнаго инициатора тверского адреса, Ф. И. Родичева, и другого дѣятеля Тверского земства, Павла Асиякритовича Корсакова, занимавашаго тогда не маленькую в бюрократическом мірѣ должность председателя С.-Петербургской Казенной Палаты (по требованію его главнаго начальника, министра финансов С. Ю. Витте, Корсаков, как лицо, подписавшее тверской адрес, должен был немедленно оставить должность и вообще государственную службу). Они оба весьма сочувственно отнеслись к содержанію письма и его одобрили. Об этом в ненапечатанных еще набросках воспоминаній Ф. И. Родичева, любезно сообщенных мнѣ его дочерью, сохранился слѣдующій рассказ, из котораго явствует, что авторство письма иногда приписывалось именно самому Родичеву, — исторія происхожденія этого документа в свое время была, по разным ображеніям, превосходно законспирирована всѣми прикосновенными к нему лицами. Ф. И. Родичев пишет об этом так:

“19-го января (1895 г.) послѣ произнесенія рѣчи о бессмысленных мечтаніях появилось “Открытое письмо к Николаю II”.

Письмо начиналось с указанія, что земству нечего было мечтать об участіи в управленіи, потому что оно и так участвовало в управленіи. Указывалось, что слова царя быют по самым скромным надеждам, возвѣщают упорство в сопротивленіи развитію мысли и самодѣятельности общества, отождествляют самодержавіе с чиновничьим сословным режимом и вызывают на борьбу всѣ живыя силы общества.

Письмо оканчивалось словами: “Вы первый пачали борьбу, и борьба не заставит себя ждать”.

Молва приписывала мнѣ авторство этого письма. Но я не писал его. Оно написано в квартирѣ Александры Михайловны Калмыковой, у которой жил тогда П. Б. Струве и, кажется, Потресов (5). Кн. Д. И. Шаховской принес мнѣ на прочтеніе и цензуру (6) проект этого письма; я его одобрил цѣликом и сомнѣвался только в послѣдней фразѣ. Я не был увѣрен в том, что борьба не заставит себя ждать. — Молодые люди имѣли больше вѣры, и фраза о борьбѣ осталась”.

О впечатлѣніи, произведенном “Открытым письмом” в заграничной революціонно-эмигрантской средѣ того времени, свидѣтельствует передовая, тогда же помѣщенная в “Летучих Листках Фонда Вольной Русской Прессы” и явно принадлежавшая перу С. М. Кравчинскаго-Степняка:

“В то время, как мы здѣсь писали наш отвѣт на речь Ни-

5) А. Н. Потресов жил на своей квартирѣ в Озерном переулкѣ.

6) Тут Ф. И. Родичев ошибается. Я отчетливо помню, что ознакомлен с «Открытым письмом» Родичев был уже *post factum*. Это опредѣлялось, прежде всего, исключительной спѣшностью всего этого шага.

колая II, люди, напряженно слѣдившіе за ходом событій на мѣстѣ, изготовляли свой. Читатель найдет этот замѣчательный документ в настоящем же листкѣ. В нем пѣтъ той рѣшительности в теоретическом обоснованіи политических требованій, какую представляет голос политическаго изгнанника-революціонера, — голос в настоящем случаѣ суммарный, — и самыя слова “демократическая конституція” еще не произнесены; но практическое заключеніе относительно тактики предстоящей борьбы в них одинаково. Это залог успѣха, — залог, значеніе котораго возрастает тѣм болѣе, чѣм внимательнѣе мы вчитаемся в “Открытое письмо к Николаю II”, и чѣм пристальнѣе взглянемъ в обстоятельства, сопровождавшія царскую рѣчь... “Открытое письмо” исходит не от “дѣтей”, а от “отцов”, и “отцы” заговорили языком, каким подобает говорить отцам: с чувством отвѣтственности за будущее, с увѣренностью в своей силѣ, с ясным пониманіем положенія дѣл и своих собственных желаній и с рѣшимостью вступить в упорную, хотя и медленную, борьбу. Конечно, авторы “письма” представляют только один из типов “отцов”. Но представителей этого типа, очевидно, достаточно, чтобы указывать путь менѣе решительным, менѣе выдающимся, и они знают, как это сдѣлать; они организованы: 17/29-го января произнесена была “рѣчь”, а 19/31-го уже изготовлен на нее отвѣтъ, оттектографирован и разослан”.

О сильном впечатлѣніи, произведенном моим “Открытым письмом” к Николаю II, имѣются и другія примѣчательныя свидѣтельства. В письмѣ от 3-го марта (19-го февраля) 1895 года к Фридриху Энгельсу Г. В. Плеханов писал знаменитому *«alter ego»* и преемнику Маркса: “Прилагаю при сем отвѣтъ русских либералов на знаменитую рѣчь Николая. Письмо было перепечатано в Лондонѣ, но оно — подлинно; оно обошло Россію раньше, чѣм попасть в Лондон. Вы увидите из письма, что мы можем надѣяться на лучшія времена”. (Цит. письмо напечатано в изданіи: Г р у п п а “О с в о б о ж д е н і я Т р у д а”. Из архива Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. Москва. 1924. Сборник № 2, стр. 336-337). Плеханов, конечно, тогда и не подозревал, что “Открытое письмо” было написано мною. С другой стороны, гр. В. Н. Ламздорф, под 12 февраля 1895-го года, записал в своем “Дневникѣ”: “По рукам ходит копія О т к р ы т а г о п и с ь м а, адресованнаго Императору, в котором содержится протест против знаменитой рѣчи 17-го января о “безсмысленных мечтаніях”. Кажется, эта злополучная рѣчь-выговор имѣет самый печальный отклик в провинціи. Стихи, сочиненные Мятлевым, заканчиваются словами: *Dournovo — tête de veau* (“Красный Архив”, т. 46 (III), 1931 г., стр. 36).

То, что я, застрѣльщик “легальнаго” маркѣизма, тогда только что в кратчайшее время ставшій признанным “идеологом” этого движенія, в сущности и духовно, и фактически, как инициатор и автор “Открытаго письма”, объединился и сошелся с земскими либералами, этот

факт имѣл и большой исторический смысл, и немалое значеніе для моего личнаго политическаго развитія.

Между “марксизмом” моего типа и земским “либерализмом” такихъ людей, какъ Родичевъ, было не только тѣсное соприкосновеніе, но и ближайшее внутреннее родство.

Путемъ историческихъ размышленій и безошаднаго анализа и соціологическаго осмысливанія экономическихъ и политическихъ фактовъ современности русскіе марксисты той эпохи пришли къ отрицанію “народнической” схемы русскаго экономическаго, соціальнаго и политическаго развитія. Къ тѣмъ же отрицательнымъ выводамъ пришли немногіе послѣдовательные либеральные теоретики такого типа, какъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ. Интуитивно-художественно на этой “западнической” позиціи утвердился, какъ извѣстно, и И. С. Тургеневъ. Такие люди, какъ П. А. Корсаковъ и Ф. И. Родичевъ, своею практическою дѣятельностью были приведены къ такому же пониманію русскаго развитія. Родичевъ самъ в своихъ воспоминаніяхъ рассказалъ и о томъ, какое вліяніе имѣлъ на него Корсаковъ, самый, на мой взглядъ, ясный и, главное, трезвый русскій либеральный умъ, встрѣченный мною за всю мою жизнь, и о томъ, какъ онъ, самъ Родичевъ, в столкновеніяхъ практическаго дѣятеля с жизнью, освободился отъ славянофильски-народническихъ предрассудковъ в пользу общины, артели, круговой поруки и т. п. прелестей патріархально-крѣпостнаго уклада.

Родичевъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ сражался в Сербіи и за Сербію въ качествѣ русскаго добровольца. Потомъ ему знаменитый русскій историкъ права и государствовѣдъ, профессоръ С.-Петербургскаго Университета, Александръ Дмитріевичъ Градовскій, предлагалъ остаться при университетѣ по каѳедрѣ государственнаго права. Родичевъ, избранный в почетные мировые судьи своего уѣзда, далъ себя назначить исполняющимъ обязанности участковаго мирового судьи и погрузился в эту работу, сдѣлавшую его деревенскимъ жителемъ, сельскимъ хозяиномъ, земцемъ и поставившую его лицомъ къ лицу с русскимъ сѣвернымъ крестьянствомъ. С ноября 1876 года онъ жилъ с крестьянами, разбираясь в ихъ дѣлахъ, в качествѣ мирового судьи, члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, предсѣдателя этого и другихъ уѣздныхъ присутствій, гласнаго земскихъ собраній и — *last but not least* — сельскаго хозяина, ведшаго такое предпріятіе, какъ винокуренный заводъ.

Родичевъ приступилъ къ этому бытовому и дѣловому общенію с крестьянствомъ с “распространеннымъ тогда среди молодежи убѣжденіемъ в великомъ значеніи общины, с вѣрой, что, благодаря общинѣ, в Россіи не образуется пролетаріата, и соціальный вопросъ будетъ разрѣшенъ мирнымъ развитіемъ общины”. “Мы восприняли, — говоритъ Родичевъ, — слова Герцена: “Успокойтесь, господа, у насъ есть община”.

“Я былъ, — продолжаетъ Родичевъ, — конечно, противникомъ взглядовъ Чичерина, видѣвшаго в общинѣ, в передѣлахъ, послѣдствіе вліянія крѣпостнаго права, и ждалъ, что жизнь свободнаго-крестьянства покажетъ быстрое развитіе и торжество общины. Община, вѣрили мы, это — та почва, на которой создастся новый общественный строй. Минуя бур-

жуазный период, свободная от язвы нищенствующаго пролетаріата, Россія мирным путем осуществит идеал социализма”.

Эти мечтательные взгляды были у Родичева совершенно развѣяны дѣловым соприкосновеніем с дѣйствительностью русской деревни. Постепенно, под вліяніем уроков жизни, опровергавших мировоззрѣніе, усвоенное из книг и воспринятое, как вѣрованіе, Родичев пришел к убѣжденію, что не община и не общинные навыки спасут Россію и выведут ее на путь прогресса, а утвержденіе личной свободы, раскрѣпощеніе крестьянства от остатков крѣпостного и тяглового режима. К 1881 году новые взгляды, вынесенные Родичевым из наблюденій над крестьянской жизнью, уже окончательно сложились и были сформулированы им в качествѣ члена комиссіи Тверскаго Губернскаго Земства, в замѣчательной запискѣ, представленной в знаменитую Кахановскую Комиссію и вызвавшей — по словам самого Родичева — нѣкоторый интерес в самом Кахановѣ. Не помню, обратил-ли сам Родичев мое вниманіе на эту записку, без всякаго сочувствія перепечатанную в 1887 году в одной почти забытой статьѣ “Русскаго Вѣстника” (кому принадлежала эта статья, подписанная буквой N.? Предполагаю, что либо К. Ф. Головину-Орловскому, замѣчательному консервативному публицисту и романисту, либо С. Г. Шегловитову, под псевдонимом С. Невѣднскаго, написавшему большую книгу о М. Н. Катковѣ, составившуюся из статей, печатавшихся в “Новом Времени”), или я, с молодости отличавшійся книголюбіем и библиографическим нюхом, самостоятельно отыскал ее, но когда я в “Новом Словѣ”, перешедшем с марта 1897 года в руки “марксистов”, стал вести под инициалами П. Б. внутренніе обзорѣнія, озаглавливаемые “Текущіе вопросы внутренней жизни”, то в первом же таком обзорѣніи, явившемся по существу небольшим исследованием, посвященным вопросу о всеословной волости, я воспроизвел родичевскую записку, вставив ее в общую историческую рамку проблемы “сословной отчужденности, или замкнутости крестьянства”, как “незавиднаго наслѣдія крѣпостного права, слишком медленно ликвидируемаго жизнью”.

«Личные права крестьян — писал 26-летний Родичев в 1881 г. — в сравненіи с правами лиц других привилегированных сословій существенно ограничены в силу особаго «податнаго» состоянія. Так называемое податное состояніе есть в сущности государственное крѣпостное право, скрывавшееся до 19-го февраля 1861 года за частным крѣпостным правом, которое в свое время из него выросло. Крѣпостное состояніе есть повинность человека работать в чью-либо пользу, причѣм гарантіей исполненія этой повинности служит ограниченіе его личной свободы и прежде всего его прикрепление к землѣ. До 19-го февраля крестьянин был повинен помещику работою или платежем; размер этой повинности был произволен; отбываніе ее гарантировалось ограниченіем личных прав крестьянина и властью помещика. Ныне повинность крестьянина определена строго, иногда она выше, иногда ниже прежней, отбываніе этой повинности обезпечивается оставшимися в силѣ прежними ограниченіями его свободы и подчиненіем его обществу и администраціи, к которым перешла почти в полной силѣ прежняя помещичья власть над личностью крестьянина. Это особенное состояніе крестьян в настоящее время не находит себе оправданія ни в соображеніях государственной необходимости, ни, тем более, с точки зренія справедливости и человеколюбія.

“Все сказанное, — так заканчивалась родичевская записка, — ...сводится к освобождению от прикреплённости к землѣ и к уничтоженію тѣх ограниченій прав, которыя ставят крестьянина в особое положеніе человѣка, живущаго не для себя и не так, как ему хочется, а для казны и как казнѣ выгодно. Закон и теорія говорят, что с 19-го февраля 1861 года труд крестьянина свободен, и сам он — свободный собственник. Опыт ежедневной жизни, из котораго берет свои понятія простой человѣкъ, доказывает ежечасно другое”.

Так между тѣми двумя русскими направленіями, которыя были извѣстны под наименованіями “марксизма” или “нео-марксизма” и “либерализма” или “демократизма” (с характерной русской прибавкой “земскій”), установилось не в силу личных отношеній, а в силу значительнаго совпаденія в пониманіи историческаго развитія и политических задач, весьма существенное взаимопониманіе и взаимоотношеніе. Про себя лично я могу категорически сказать, что уже в 1894-1895 годах я, будучи “марксистом”, был духовно столь же близок к Родичеву, Петрункевичу (котораго я лично тогда еще не знал) и вообще к земским либералам конституціонно-демократическаго типа, сколько и к русским основоположникам так называемаго “революціоннаго марксизма” — Аксельроду, Плеханову и Засулич. Но и эти послѣдніе, как я убѣдился потом на основаніи близкаго личнаго общенія, несмотря на теоретическую пропасть, отдѣлявшую их “революціонное” міровоззрѣніе от демократическаго либерализма, и духовно, и душевно сильно влеклись к послѣднему (в особенности ярко это влеченіе сказывалось всегда у Аксельрода, в 90-ых годах с симпатіей и даже нѣжностью отзывавшагося о Родичевѣ). Но об этом, равно как о моем соотношеніи и моих столкновеніях с Лениным, человѣком совершенно другаго чекана и умонаклоенія, — столкновеніях, занимающих в наших политических біографіях весьма видное мѣсто, рѣчь будет в другой главѣ моих воспоминаній. Сейчас же я постараюсь охарактеризовать здѣсь и личность Родичева, и мои дальнѣйшія с ним отношенія.

Родичев был по натурѣ своей политической трибун, с страстным темпераментом и большим ораторским дарованіем. По характеру своего ораторскаго дарованія он был сродни в извѣстной мѣрѣ Жоресу, но без той литературной культуры, а, главное, без той риторической выучки, которая сызмальства прививается всѣм французам. Родичев был в повой Россіи одним из трех больших ораторов. Двое других были: В. А. Маклаков и П. А. Столыпин. Силу и слабость Родичева, как оратора, составляло то, что он был и м и р о в и з а т о р, чѣм в сущности никакой оратор, а в особенности политической, не должен быть. Но то, что, будучи импровизатором, Родичев был большим оратором, именно и свидѣтельствует о его огромном ораторском дарованіи. Это был оратор Божьей милостью. Вѣдь у него до конца 1905 года, когда ему стукнуло 50 лѣтъ, не могло быть большаго ораторскаго опыта. По содержанію своих задач земскія собранія вообще не давали никакого ни ма-

теріала, ни простора для ораторских выступлений; это были собранія не политическія и к тому же — по закону — собиравшіяся рѣдко и засѣдавшія недолго. Адвокатом Родичев сдѣлался поздно, когда он уже был превосходным оратором, и адвокатурой занимался мало и, повидимому, нехотя (в отличіе от В. А. Маклакова, развившаго свой большой ораторскій дар на большой адвокатской практикѣ, уголовной и гражданской). Если бы Родичев присоединил к своему огромному ораторскому дарованію такую большую общую и литературно-риторическую культуру, какаѣ была у Жореса, из него бы получилось прямо громадное явленіе русской духовной культуры вообще, ибо в ряду тѣх трех ораторов, которых я упомянул выше, Родичев был, несомнѣнно, первым по природному дарованію. Но и так Родичев должен войти, как блестящая фигура в исторію русскаго словеснаго искусства в широчайшем смыслѣ и, тѣм самым, — в исторію національной литературы, подобно нашим лучшим духовным или церковным ораторам.

В поддержкѣ основаннаго в 1902 году под моею редакціей заграничнаго либеральнаго и конституціонно-демократическаго органа "Освобожденіе" Ф. И. Родичев принимал участіе и как политическій дѣятель, и как сотрудник, и как личный друг. Он продѣлал вмѣстѣ с "Освобожденіем" и с поддерживавшими его земскими либералами тот сдвиг налѣво, который в момент первой русской революціи 1905 года отвердился в образованіи партіи конституціонно-демократической, или партіи народной свободы.

Родичев принял программу этой партіи, но в частности та особенность социальной программы конституціонно-демократической партіи, которая заключалась в требованіи частичнаго принудительнаго отчужденія помѣщичьих земель в пользу крестьян, никогда не возбуждала в нем не только энтузіазма, но даже и простого сочувствія. Он предпочитал установленіе на земельную собственность прогрессивно-подходящаго налога в комбинаціи с налогом поимущественным. Но Родичев понимал политически-психологическую необходимость этого пункта для к.-д. партіи и критиковал принятіе претившаго ему пункта, кажется, лишь в интимных личных бесѣдах.

Во всѣх Государственных Думах (первой, второй, третьей, четвертой) Родичев был одним из немногих безспорно первоклассных по значенію ораторов: его слушали и иногда боялись. Но на его парламентском ораторствѣ — нужно сказать откровенно — неблагоприятно и невыгодно отразились два обстоятельства. Парламентскій оратор должен всего больше стремиться к тому, чтобы импонировать своим противникам или внушать этим противникам почтеніе и к защищаемому им дѣлу, и к нему самому, к оратору, — этот дар, это умѣніе было в высочайшей степени присуще В. А. Маклакову и составляло его силу. Родичев не умѣл или не хотѣл обезоруживать и покорять противников; скорѣе он им бросал вызовы или даже их прямо раздражал.

Другое обстоятельство состояло в том, что Родичев был чистым политиком и исключительно политическим оратором. Конечно, у него было солидное юридическое образованіе и значительный судебный и административный опыт. Но он, в отличіе от Маклакова, Кокошкина, Винавера,

Петражицкаго, Новгородцева, не был вообще юристом-специалистом. Вообще он не был ни в какой области и ни в какой мѣрѣ специалистом. Это могло быть источником силы, но также и — слабости. Иногда в его рѣчах поэтому не оказывалось объективнаго и непререкаемаго содержания, был только политическій темперамент и натиск, и онѣ производили впечатлѣніе декламаций. Это в особенности сказывалось к концу его парламентской карьеры, перед тѣм, как революція 1917 года смела самоё Государственную Думу.

Может быть, в связи с этим свойством не-специалиста стояло у Родичева то, что при большом знаніи жизни, опиравшемся на многолѣтній судебный и административный опыт, Родичев не оказался вовсе реальным политиком.

Впрочем, это была судьба и трагедія не его личная, а всей конституціонно-демократической партіи.

В его фигурѣ эта трагедія только обнаружилась особенно ярко в отпечатлѣлась особенно выразительно. Тут я касаюсь вопроса, для меня роковым образом сплетающагося со всей проблемой русской революціи.

Я однажды назвал Родичева л ю б о в н и к о м с в о б о д ы. Это была дѣйствительно всепоглощающая любовь всей его жизни, и он видѣл в деспотизмѣ русской самодержавной власти единственнаго врага и главное несчастье Россіи. Родичев был одержимый поэт и жрец либерализма.

И, как почти всѣ русскіе люди, возлюбившіе свободу, либералы типа Родичева видѣли опасность и угрозу для нея только в старой власти, в исторической власти монарха, в сущности уже капитулировавшей в 1905 году перед либеральной общественностью и переставшей окончательно быть тѣм “царизмом”, о котором на Западѣ принято было говорить с таким ужасом, и не замѣчали новой и в то же время по существу старой опасности — зараженія народа социальным и культурным революціонизмом интеллигенціи, — зараженія гораздо болѣе грознаго, гораздо радикальнѣе угрожавшаго началам свободы и господству права. чѣм какія-либо “реакціонныя” поползновенія монархической власти. Это была слѣпота в отношеніи к реальностям жизни.

Начиная с декабря 1905 года, с момента московскаго вооруженнаго возстанія — как бы ни опѣивать политику правительства в період 1905-1914 годов, — реальная опасность свободѣ и правовому порядку грозила в Россіи уже не справа, а слѣва. Последующія событія в Россіи и вся новѣйшая эволюція политической жизни в Европѣ ясно показали и доказали это. К сожалѣнію, вся русская оппозиція, с конституціонно-демократической партіей во главѣ, не понимала этого простого и яснаго соотношенія.

Этим опредѣлялась не только ошибочная политика, какую вели, но и неправильный духовный и душевный тон, который послѣ 17-го октября 1905 года брали силы русскаго либеральнаго демократизма в отношеніи царскаго правительства вообще и П. А. Столыпина, в частности. В частности, вся эта политика и весь этот тон были ошибочны еще и потому, что в эпоху 1905-1914 годов родичевскіе послужаты раскрѣпощенія крестьян были всѣ цѣликом приняты и осуществлены царским

правительством, и прочным фундаментом новаго, дѣйствительно свободнаго русскаго крестьянства становился призванный к жизни Столыпиным свободный от общины хуторянин и отрубник.

Правительство вообще, с царем во главѣ (но к П. А. Столыпину этот упрек приложим всего меньше), тоже не понимало, что с государственными силами оппозиціи, во главѣ которой духовно во всю ту эпоху стояли конституціоналисты-демократы, нужно было спорить не о власти, а о существѣ той политики, которую историческая власть царя должна была, в союзѣ с конституціонно-демократической оппозиціей, осуществлять в борьбѣ с надвигающимися на страну революціонными силами. Уступки тут должны были быть взаимными, и я думаю, со стороны оппозиціи онѣ и по существу, и по духу должны были быть гораздо болѣе глубокими и рѣшительными, чѣм со стороны исторической верховной власти. Но русская конституціонно-демократическая оппозиція просто не видѣла той опасности, которая грозила начаткам свободы и правовой культуры вообще в нашей странѣ со стороны революціоннаго максимализма и со стороны той народной низовой стихіи, которую этот максимализм подымал. Совершенно ясно, что одна, своими, только силами, конституціонно-демократическая оппозиція, взяв в свои руки всю власть, не могла бы справиться с этим революціонным натиском, что ей нужен был для этого союз с чисто-консервативными силами и элементами в народѣ, в обществѣ и, главное, в бюрократіи и в арміи. Теперь, так скажем *post factum* и *ex eventu* совершенно ясно, что, если бы в 1906 году или в какой-нибудь другой момент эпохи с 1906 по 1914 год было образовано "общественное" или даже "парламентское" министерство, ему бы пришлось с революціонным максимализмом интеллигенціи и народных масс вести не менѣе жестокую политическую и полицейскую борьбу, чѣм то был вынужден дѣлать Столыпин, или — жалко капитулировать перед торжествующей улицей.

То же в еще большей степени приложимо к эпохѣ великой войны, когда парламентское министерство имѣло бы историческое и политическое оправданіе только в том случаѣ, если бы оно вступило в гораздо болѣе рѣшительную борьбу с таившимся в тылу интеллигентским и народным пораженчеством. В силах-ли была бы парламентская, демократическая по намѣреніям и приѣмам власть, нормальным порядком, через призыв Императора, образовавшаяся, справиться с этим пораженчеством, болѣе чѣм сомнительно. Ни у кн. Г. Ё. Львова, ни у П. Н. Милюкова, ни у Ф. И. Родичева, ни, всего менѣе, у А. Ф. Керенскаго не было того государственнаго закала, который был у Клемансо.

Я не увѣрен в том, что на склонѣ лѣтъ, послѣ революціи и в результатѣ ея став "эмигрантом", Ф. И. Родичев понимал все это. Повидимому, как любовник свободы, может быть, по-своему любившій также и государство, как организацию порядка, но привыкшій к крѣпости и почти неизбежности государства в антипатичных ему формах капитулировавшаго в 1905-ом году самодержавія, — он как-то думал, что достаточно как можно рѣшительнѣе и окончательнѣе снять с Россіи могучій обруч исторической государственности, чтобы в странѣ прочно утвердились свобода и право. Это была, конечно, иллюзія не одного Ро-

дичева, но и большинства русских конституционалистов и демократов. В силу этой иллюзии, будучи в основѣ своего мировоззрѣнія всего ближе к консервативному либерализму (ибо социализм, как полное отрицаніе хозяйственной свободы, он умом и чувством отвергал), Родичев в то же время не понимал и не ощущал, в какой мѣрѣ по самой сути своих стремленій он сам, совершенно независимо от политических эмоцій, страстей и пристрастій, был близок к П. А. Столыпину. То освобожденіе русскаго крестьянства от вѣковых хозяйственных, социальных и административных пут, котораго в 1881 году требовал молодой либерал Родичев, было в 1906-1911 годах главной цѣлью стремленій зрѣлаго консерватора Столыпина. Это — просто неоспоримое историческое констатированіе.

Трагедія русскаго либерализма и с тѣм вмѣстѣ и трагедія русской государственности состояла в том, что, вмѣсто того, чтобы быть политическими союзниками, либерал Родичев и консерватор Столыпин оказались политическими противниками и даже врагами. И справедливость требует об этом роковом итогѣ русской исторіи начала XX вѣка сказать: «*peccatum est intra et extra muros*». *)

П. Струве.

Прага, июнь 1933 г.

---

*) То-есть, в вольном переводѣ: «Грѣх был и на защитниках стѣн, и на штурмующих.» (Ред.)

ПОЛУДЕННЫЙ ЖАР

Жаркій день, вся дворня на покосѣ, усадьба кажется брошенной, — во всей усадьбѣ только я и дурочка Глаша. Она гостит у нас, теперь сидит под раскрытым окном людской, обращенной задом к солнцу, темной, полной мух и оттого, что в ней пекли утром хлѣбы, очень жаркой. Сидит и что-то говорит: часто сидит так до самаго вечера и все говорит, вслух думает. Я вышел из дому, — увидав меня, кличет к себѣ:

— Папаша, поди-ка ко мнѣ. Поди, не бойся.

Я вхожу в тѣнь от избы и сажусь под окном на скамейку.

— Чего-ж мнѣ бояться, Глаша, я не боюсь.

Она качает головой:

— У, дурак, дурак. Как же не бояться? Я глухая, убогая, а спокоен вѣку боюсь. Все думаю, все боюсь. Прежде лежала сколько лѣтъ, а он меня в телѣжкѣ возил...

— Кто возил?

— Оська возил, сирота, отрок Божій, первый вор был на всѣх ярманках, потом, сказывали, в острогѣ в Задонскѣ сидѣл. Я, бывало, лежу, а он меня везет, по всѣм деревням впричѣтъ кричит, милостинку на меня просит, а я лежу, я, мол, убогая, безногая. Мнѣ не Бог ножки отнял, я сама отлежала их, сама в телѣжку легла, а то кто-ж бы мнѣ дал, кто милостинку сотворил? Никто бы не дал, дур и так на свѣтѣ много, побирушек, папаша, много, а народ, он жадный. Они всѣ, мужики-то, жадные, всякому жалко с копейкой разставаться, а корку-то, он ее блажѣй цыпленку размочит, цыпленка своего напичкает. Я и лежу, а он кричит, по полям, по деревням меня везет, по ярманкам. По ярманкам хорошо бывает, народ гамит, карусели летят, музыка, колокольчики, по церквам трезвон, не то что в полѣ, там-то и есть самый страх и жар.

— Какой страх и жар?

— У, дурак, дурак. Какой-же бывает жар? Полуденный жар, в какой Еву полуденный бѣс искусил. А как бросил Оська меня возить и телѣжку себѣ взял, я сама, папаша, стала просить, сама стала ходить, меня теперь всѣ знают, всѣ почитают, на станцію приду, жандар честь отдает, буфетчик чаем угощает. А по полям, по степям, нѣту там, папаша, живой души, одни видѣнія.

— Что ж тебѣ видится?

Задумалась, стала говорить, глядя в даль:

— В церковь вѣнчать привезли меня, папаша. Жених высокий, лютый, а красивый, заглядѣнье. Заглядѣнье, до чего хорош!

Себѣчи зажгли, вѣнцы на нас надѣли. Народ стоит, а никто ничего не говорит. Боятся, папаша. Боятся. А на мнѣ будто портки черныя, пинжак черный, я и рада, хорошая стою. Рада, веселая...

— Ну и что ж? Перевѣнчали вас, а потом?

Она очнулась от задумчивости:

— У, дурак! Нешто можно спрашивать? Он блуд со мной сотворил, а у меня сердце зашло, я аж пѣтухом закричала от той ужаси, проснулась и вся трясусь, плачу, рѣдью, а на меня ангелы крыльями дуют со всѣх сторон, ничего не видать, темь, погреб, а я вижу, как они бѣлѣются, вихрем выются округ меня... У, дурак, дурак! — ласково и восторженно сказала она грубым голосом и захохотала диким, блаженным хохотом. — А ты говоришь: не бояться! Как же не бояться?

Успокоившись, опять заговорила задумчиво:

— Да, вот он Преподобный был, а как погибал! Он святой был, Серафимом звали, ангелом, а сперва простой будильщик был. Была там обитель в лѣсу, а он монахов будил: «Вставайте, вставайте, душу не просите!» По ночам их будил. Семь лѣт будил, послушанье нес, потом дьяконом сдѣлали. А то все будил: вставайте, мол, — бѣсы на вас по кельям глядят, глазами горят, дыхают- кахают. А как дьяконом стал, еще пуше страсти натерпѣлся. Выйдет, выйдет к народу, поднимет орарь, хочет возгласить, а нѣт, ничего не может закричать. Стоит, молчит, во всѣ глаза смотрит. Народ стоит, ничего не видит, а он видит, и то в жар его кинет, то в чистый мороз: то красный как кумач сдѣлается, то как снѣг бѣлый. Да. Народ молчит и он молчит, только одно видит: по всей церкви ангелы служат, по воздуху плывут, кадилами, дымом машут, грозой сверкают, ризы бѣлыя, крылья бѣлыя... Я тогда у батюшки гостила, он все мнѣ сказывал, по книжкѣ читал. Как пьяный, так читать. Без умолку читал!

— У какого батюшки?

— У, как же не знаешь? У отца Феодора, Успенье Пресвятой Богородицы. Церковь Успенья Царицы Небесной! И Она, милый, тоже померла! Померла, папаша! И у него сын помер, от чахотки погиб, отец пьяница и он пьяница был. Вошли, а он на диванѣ лежит, закатил глаза, за рубашку себѣ сгреб, за грудь и только пѣну с губ пускает. Матушка вошла, поглядѣла — дышит, мол, ай уж нѣт? Нѣт, папаша, ничего не дышит! Царство Небесное! Заплакала, залилась, чего ж вы, кричит, в больницу не съѣздили. А батюшка на пасѣкѣ был, рой огребал, а он один в горницѣ лежал на этом диванѣ... Потом раздѣли всего, на пол стащили, пришли старухи с горячей водой, с ведрами, стали его мыть, а он лежит, — худой лежит, папаша, бѣлый весь, как пшеничная мука бѣлый, голый. Потом рубашку на него крахмальную надѣли, на стол в ней положили, совсѣм новая была. Потом стали нищим его добро раздавать, мнѣ его прежнюю подарили, с косым воротом, а я взяла да ночью в бурьян бросила, он помер в ней, как же мнѣ ее носить? А гроб шибко несли! Батюшка спѣшит, кадиллом

взвывает, а сам плачет, рыдает: Коля мой, Коля, что ж ты надо мной надѣлал! Как же я тебя своими руками хоронить буду? Лучше сана лишусь, а сам не могу! А я, убогая, глупая, свое душаю, свое вспоминаю, как меня самое хоронили.

— Как это тебя хоронили, Глаша? Что это ты говоришь?

— Хоронили, милый, хоронили. Всѣ архирейи собрались, всѣ священники. Везет меня Оська в степи, а тут рабочая пора вот-вот, всѣ косить пойдут, всѣ ржи сухія, желтыя, горячія — гляну, гляну, а им конца-краю нѣту, желтыя, аж глаза ломит, жар огнем душит, и нигдѣ-то ни души живой, ни голоса, будто всѣ на свѣтѣ смолкли, померли! Хлѣб стоит, горит, грач, и тот боком на дорогѣ сидит, бѣльма завел, закатил, огнем во весь зоб дышит. А я лежу, закрыла глаза и лежу, меня мухи, оводы ѣдят, а он как пьяный идет, качается, бесиком в пыли мѣсит, нагнулся вперед, тащит меня. Вся спина, рубаха от мух черная, пьют его пот... Он бы давно ограбил, убил меня в этой степи, в этот жар и зной, сам мнѣ это говорил, со слюнями смѣялся, дурак, и никто бы на свѣтѣ ничего не знал, не слышал, она, эта степь, до самаго моря идет, да что ж он мог ограбить у меня! Один дерюжный мѣшок с корками, с печеными яйцами, с мѣдными копѣйками. Что с меня, милый, взять? Я и задремала, только слышу вдруг — идут и поют, идут на нас по этим желтым ржам и все громче поют, всѣ в ризах в золотых, в черных, в серебряных... Я глянула, а они прямо на нас идут, хороните, поют, рабу Божию во блаженном успеніи, машут на меня горячим ладаном! Закричал тут Оська дурак не своим голосом и помчал во весь дух куда глаза глядят — тѣм мы, папаша, и спаслись, тѣм только и спаслись, милый. А то бы давно мои косточки в землѣ гнили!

Ив. Бунинъ

1947 г.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Опять тот сон! Опять полудремота!
Ни образов, ни слов не уловлю..
И в этом снѣ всегда уходит кто то —
Не знаю кто, но я его люблю.

И я брожу по черным острым скалам,
Перехожу бурлящiе ручьи..
Как тяжело моим глазам усталым
Искать слѣды — сама не знаю чьи!

И я в тоскѣ смертельной пробуждаюсь
И я не знаю — сплю или не сплю.
И все ищу, среди людей блуждая,
Кого во снѣ так горестно люблю.

2.

Старик, похожій на старуху,
К роялю кресло подкатив,
Стал пальцем подбирать по слуху
Старинный дѣдовскiй мотив.

И вдруг запѣл, заблеял нѣжно,
Как заболѣвшая овца,
Так безобразно безнадежно,
Так без начала, без конца:

«Я очи знал. О, эти очи.
«Как я любил их, знает Бог!
«От их волшебной, страстной ночи
«Я душу оторвать не мог.»

И как фальшивил он ужасно!
Какія он там очи знал?
А за окном блаженно ясно
Закат безмолвный догорал

И луч над горестным видѣньем
Простер в воздушной высотѣ
Как бы святым благословеньем
От нас сокрытой красотѣ.

Т Э Н Д Е М

(Рассказ)

Тандем этот был нѣжно-фисташкового цвѣта с серебряными жилками. Оба его руля были выгнуты по энергичной, но вмѣстѣ с тѣм как бы чувственно-тѣлесной кривой. Его четыре педали, вычурно-ажурныя и одѣтыя в свѣтло-сѣрую резину, мягко поддавались усилюм ног. Оба сѣдла из коричневатой кожи, видимо рассчитанныя на скорѣе аскетическія ягодицы, смотрѣли, правда, в землю сухими хищными клювами. Но это возмѣщалось аппетитною пухлостью шин, слегка выпиравших из ободов, и цѣлый рой искр сверкал на солнцѣ в тонких осях колес.

Все это было четко, блестяще и «модернисто», вродѣ дорогой ортопедической машины.

Госпожа и господин Пусид так и говорили: не «тандем», а «машина».

— «Мы берем машину сегодня»? или

— «Ты выгладила наши костюмы для выѣзда на машинѣ»?

Ибо нужно ли говорить, что когда они выѣзжали на своей машинѣ, чета Пусид облачалась в строго-одинаковую у обоих специальную форму одежды. Такой-же изумруднаго цвѣта жилет облегал роскошныя формы госпожи Пусид и сухенькую фигурку ея супруга. Такой-же вязаный колпачек с помпоном покрывал длинный череп мужа и пышный шиньон жены. Такіе-же велосипедныя штаны со вздержкой «эклер» обтягивали мужскія и женскія яшки. И одинаковыя-же перчатки из мягкой блестящей кожи придавали рукам обоих супругов вид каких-то зеленоватых лягушечьих лапок.

Нѣсколько господин Пусид был слегка близорук и страдал внезапными болями в правой икрѣ, тандем вела обычно госпожа Пусид с ея орлиным зрѣніем и богатыми мускулами. Над ними сначала слегка подсмѣивались за это извращеніе велосипедных и супружеских догматов, но очень скоро всѣ жители мѣстечка Валуле-Клу должны были признать, что эта спортивная пара не лишена извѣснаго благородства.

Каждое воскресенье утром можно было видѣть, как чета Пусид покидала маленькій городок и устремлялась, как два спаренных зеленых жука, к далеким туманно-дымчатым горизонтам.

Пригнувшись под одним и тѣм же углом к рамѣ велосипеда, с одинаково изогнутыми спинами, с точно синхронизированными

движеніями ног и с одним и тѣм-же выраженіем сдержаннаго пыла и трансцендентной важности на лицѣ, они казались двумя хорошо подогнанными частями нѣкоего механическаго прибора. Никогда муж и жена не были так близки друг-другу, не приобщались так восхитительно один другому, не вибрировали так чудно в униссон, как на сѣдлах своего тѣндема. Разверзавшееся перед ними в быстром движеніи пространство, прерывистый свист вѣтра в ушах, запах пыли и придорожной травы и блаженная усталость мускулов ошняла их куда вѣрнѣе, чѣм давно уже забытыя ласки их давняго жениховства. Они буквально составляли одно цѣлое. Они были едины: одна голова, одно тѣло, одна пара рук и ног, в которых горячилась одна и та-же кровь. И когда они возвращались вечером домой и устанавливали машину в передней своей квартиры, они глядѣли друг на друга глазами, полными нѣжности и усталости, как два любовника, просыпающіеся в одной постели.

Увы, эти еженедѣльные выѣзды не имѣли одинаково благотворнаго вліянія на здоровье обоих супругов Пусид. В то время как вольный воздух и ножная моціон оживляли плоть и укрѣпляли роскошныя мускулы госпожи Пусид, муж ея казалось все болѣе сжимался, сушал и окостенѣвал послѣ каждой новой прогулки. Цвѣтъ лица его дѣлался все болѣе восковым. Близорукіе его глазки щурились и мигали на свѣту. Все чаще подрагивал он от негнѣмаго сухото кашля. И улыбался он как-то криво, с видом бодрющагося больного. Так он в один прекрасный день и умер, с полной покорностью судьбѣ....

Общественное мнѣніе осудило госпожу Пусид за то, что она «надорвала ему жилы своей машиной». Но, позлословив, все не могли не согласиться, что вѣншія проявленія ея вдовьяго отчаянія заслуживали всяческой похвалы.

Похороны были роскошныя. Угощенія самая разнообразныя. Туалеты ея были скромно-добротны и достойны ея горя, все как полагается.

Каждое воскресенье утром, госпожа Пусид садилась на свой гѣндем и отправлялась на кладбище, являя грустное, прямо таки сердце-раздирающее зрѣлище всеѣм жителям мѣстечка Балю-ле-Клу.

Госпожа Пусид, в глубоком траурѣ, занимала по своему обыкновенію переднее мѣсто тѣндема, а заднее сѣдло, блестящее, пустое, ненужное, горестно и жутко напоминало о дорогом, безвозвратно-ушедшем. Энергично крутя педали, вдова не оборачивалась; ея тяжелое, распухшее от слез и красное от горя лицо выдѣлялось ярким пятном среди черноты ея траурных одѣяній. На скатѣ пышной груди блестѣлъ небольшой драгоценный крестик. Безконечная черная вуаль плыла за нею по вѣтру, как чернильнаго цвѣта дым. Но самые насмѣшливые люди не смѣли улыбаться, когда она проѣзжала у них под окнами. Про нее говорили: «Она так мужественно переносит свое горе, что ей можно простить все».

Мало по малу, однако, эти трогательныя поѣздки на кладбище осуществлялись все рѣже. Несчастливая женщина начала уставать от публичнаго проявленія горя, которое уже притуплялось от времени. Она очень страдала от одиночества. Иными веселыми вечерами она долго оставалась у раскрытаго окна, слегка распаренная, жадно вдыхая запах свѣже-перевернутой земли, и глубоко вздыхала, нервно покручивая двойныя тесемки своего лифчика. Ей грезились сладострастныя паденія в объятія нѣкаго незнакомца, без лица и без имени. Жажда ласк, признаній, нѣжных слов обуревала ее сердце. Крупныя слезы наворачивались на тяжелыя вѣки волоокой вдовы.

Как-то ей пришлось зайти к торговцу велосипедами, чтобы купить свѣтло-коричневые кожаные торока, которые присматривал в свое время ее покойный муж. Приказчик, доставшій их ей на показ, оказался ражим парнем с бычьей шеей и челюстями людоѣда. С перваго же взгляда на него, несчастная женщина почувствовала, что теряет голову. Мужчина этот дѣйствительно умѣлъ глядѣть женщинамъ прямо в глаза с восхитительным нахальством. Она пролепетала:

— «Сколько-же это стоит?»

Когда-же он отвѣтил:

— «Пятьдесят семь франков, семьдесят пять сантимов», ей показалось, что он взял ее за руку...

— «Я вернусь, я подумаю», проронала она.

Сама не знала, как вышла, ноги ея подкашивались, на сердцѣ цѣли птички. В тот день звоночек, прикрѣпленный к их калиткѣ прозвучал окончательным похоронным звоном для бѣднаго господина Пусид.

Узнать имя приказчика и назначить ему свиданіе было уже для госпожи Пусид дѣлом несложным. Ея сдержанный, но явственный пыл, а главное обѣщаніе устроить его на лучше оплачиваемое мѣсто у одних добрых друзей, прельстили сразу Августина Бушо, и он предложил вдовѣ повидаться с нею у него как-нибудь попозже вечером. Жил он, по его словам, в десяти километрах от мѣстечка, в небольшом домикѣ на отлетѣ ото всѣх со старым слабоумным отцом, цѣлыми днями лѣпившим слоников из хлѣбнаго мякиша, и с сестренкой-идіоткой: ни она, ни отец, конечно, им не помѣшают.

«Доѣхать-же Вам ко мнѣ на Вашем тандемѣ — плевое дѣло»...

Она склонила голову, обуреваемая стыдом и вождельніем.

— «Хорошо, сказала она: я буду у Вас завтра часам к десяти вечера... Но, что Вы навѣрное обо мнѣ думаете?!...» И прибавила: «Вѣдь, знаете, это будет в первый раз».

Пухлыя блѣдныя тучи катились по темному вечернему небу. Луна казалась среди них блѣлым пятном, дрожащей желатиистой медузой, плывущей в глубокой водѣ. Легкій вѣтерок поды-

мал с дороги голубоватую пыль, еле-еле шевеля траву на придорожных откосах. Воздух был свѣж. Безмолвіе природы прерывалось лишь какими-то болотными шопотами.

Госпожа Пусид рѣшительно нажимала на педали, катя к своему возлюбленному. Велосипедный фонарик бросал таинственный, как лампочка взломщика, луч на гладкую дорогу. Откинув вдовью вуаль, с открытым лбом, она полузакрытыми глазами видѣла уже образы своего близкаго счастья. Кровь билась в ея жилах не столько от усилія быстрой ѣзды, сколько от волненія и предвкушенія «великаго приключенія», от котораго отдѣляло ее всего лишь нѣсколько минут: пріѣзд в незнакомый дом, гдѣ ее уже ждет ОН; тиски его сильных объятій вокруг ея талии... Дальнѣйшаго она даже не смѣла себѣ представить.

Вдруг заяц перебѣжал ей дорогу одним прыжком, и в тот-же миг она услышала крик совы. Вздогнув, она прибавила ходу. Колеса шуршали равномерно по гравію, как сминаемая крахмальная матерія. Неожиданно раздался сухой металлическій стук. Она затормозила. Оказалось, что соскочила цѣпь. Она слѣзла с велосипеда и принялась натягивать ее обратно на шестерни при свѣтѣ фонарика. Она нервничала, лицо ея было потно, руки испачкались в смазочном маслѣ и грязи. Гдѣ-то вдалекѣ пробило десять часов.

Исправив наконецъ аварію, она взгромоздилась обратно на гандем и быстро закрутила обѣими ногами, чтобы наверстать потерянное время. Но не проѣхала она и ста метров, как с тихим вздохом прорвалась задняя шина. На починку ея ушло снова четверть часа. Затѣм внезапно потух фонарик и пришлось потратить еще десять минут на восстановленіе электрических контактов.

С растущим раздраженіем и тревогою она задавала себѣ вопрос, по какому странному совпаденію сыпятся на нее всѣ эти мелкія непріятности в тот самый вечер, когда ей болѣе чѣм когда-либо хотѣлось, чтобы все прошло гладко.

Когда она проѣзжала через темный лѣсок с свисающими, как тряпки, вѣтвями, ей показалось, что кто-то тяжело дышит у ней за спиною. Она обернулась. Никого. Ночь кругом была полна журчаньем невидимаго ручья. Потрескивали слегка вѣтки. Поднимая голову, она видѣла сквозь сходящуюся листву темную прогалину неба с растрепанными вѣтром блѣдными тучами.

— «Что за глупость! я же не сумашедшая, пробормотала она: Еще минут семь, и я буду у него»....

Жуткій вздох раздался опять за ея спиною, и госпожа Пусид, холодѣя от ужаса, отняла правую руку от руля, чтобы пере-креститься. Она ясно узнала специфическій звук тяжелаго дыханія своего мужа, такого каким он имѣл обыкновенія осторожно давать ей понять, не роняя своего мужского достоинства, что ему невмоготу и что он только не смѣет ее просить побавить немного ходу.

Она наклонилась низко вперед и закрутила ногами так, что колѣни упирались ей в живот.

— «Матильда»...

Знакомый голос шептал ей имя у ней за спиною. «Это галлюцинація слуха», подумала она, стараясь превозмочь собственное разстройство. И дѣйствительно, голос умолк. Но она знала теперь безошибочно, что он был там, за ее спиною. Она ясно ощущала его присутствие, она чувствовала, как все его тѣла замедляет ход машины; она даже слышала сухое потрескиваніе его праваго колѣна. Это был он, он, сомнѣній быть не могло! Она уносила с собою его призрак в ночи. Она не смѣла обернуться, боясь разглядѣть в темнотѣ фосфорически-зеленоватое, как у утопленника, лицо с черной дырой рта, умоляющими страшными глазами и ноздрями, развѣденными червями...

Она покосилась все-же назад, не поворачивая головы, и ей показалось, что она видит сбѣгающія капельки пота, ниспадающаго на землю с невидимаго чела.

— «Гу! Гуу!» стонал призрак.

— «Альберт. Это ты?», пролепетала несчастная женщина.

— «Гу! Гуу!...»

Она сдѣлала нарочно крутой зиг-заг, в надеждѣ выбить его из сѣдла. Но он сидѣл крѣпко и каждый миг она готова была ощутить на шеѣ холодные клейкіе пальцы или беззубый рот своего покойнаго мужа. Внѣ себя, задыхаясь от рыданій, она стала кричать:

— «Оставь, оставь меня!»

— «Гу! Гуу!» отвѣчал он.

Но вот наконецъ дорога вырвалась из-лѣсу, и с перваго-же поворота стал виден дом Августина Бушо, бѣлая постройка на полу-горѣ под темной шапкой широкой черепичатой крыши. Она вздохнула с облегченіем и, в послѣднем усиліи, прибавила еще ходу. Скорѣй! Скорѣй! Она различала теперь закрытыя ставни и жидкія стебли ползучих роз вдоль стѣны. Но дверь была открыта, и в ярко освѣщенномъ четырехугольникѣ выдѣлялась, подобная крабу, коренастая фигура Августина. Он ее ждал. Он ее видѣл. Она спасена. Еще два-три поворота колес, еще только один... Обѣими руками нажала она на тормаз, поровнявшись с калиткой...

Но в этот миг случилось что-то поразительное и поистинѣ ужасное. Тормаз спасовали перед какою-то нечеловѣческой силою. Сколько она ни нажимала на оба стальныхъ привода, кто-то за нею крутил педали с таким остервенѣніем, что тѣмъ же стрѣлою понесся дальше в темноту и неизвѣстность. Она успѣла только разглядѣть, какъ Августин всплеснул руками, и взвыла:

— На помощь! На помощь!

Но призрак уносил ее с головокружительной быстротою и она судорожно вѣшпилась в ручки руля, чтобы не упасть...

Они сметали молодыя фруктовыя деревья, как траву. Дорога

поглощала их с воем взбѣсившагося мотора. Какіе-то пруды взметались за ними с блеском взвихренного металла. Птицы разстрѣливали их своими криками на лету...

— «Остановись! Я больше не могу!»

Она теряла сознаніе. Ей нечѣм было дышать.

— Гу! Гууу!

Внезапно ей показалось, что на нее надвигается огромная и расплывчатая масса свѣта, и она в ужасѣ закрыла глаза... Когда она их открыла, пейзаж рѣзко переизменился. Они катили через звонкій мост над каким-то потоком, чье ледяное дыханіе ударило ей в лицо вмѣстѣ с грозным шумом сердитой волны. Затѣм они понеслись по равнинѣ, усыпанной кустами, на которой то и дѣло вспыхивали там и сям желтыя искры. Со всѣх сторон поднимался чей-то хохот. Вдруг пошел ровный густой дождь. За спиною она продолжала слышать чудовищные вздохи призрака.

Холодный пот и дождь промочили насквозь ея траурное платье, которое стало прилипать к тѣлу. Вуаль тоже намочила и липла к лицу, будто волосаная. Она хотѣла ее отстранить, но вуаль стала уваливать, как живая. Она вырывалась из рук, кружилась в воздухѣ и возвращалась звонкими пощечинами, чтобы затѣм снова взвиться наверх шелестом мокрых крыльев.

Внезапно наступила полная тишина. Вуаль еще раз забрала высоты, паря над ея головою, и вдруг с быстротою молніи обернулась удавкою вокруг шеи.

Она страшно икнула и запрокинула голову. В это мгновеніе она разглядѣла за собою облаченного в фистанковый жилет го-мункула, прозрачнаго, как крылья стрекозы. На его рѣсеницах дрожали капельки дождя. Сквозь его растерзанныя губы прорывался свѣтящійся пар дыханія. Ребра выдѣлялись темными полосами под легкой, как туман, одеждой.

Она издала зѣбрино-подобный крик и обѣими руками ухватилась за свою шею. Но петля сжималась всё болѣе, мѣшая дышать и врѣзаясь в кожу, как тонкая веревка. Огненные шары лопались у ней в головѣ. Язык высунулся изо рта, и она почувствовала, как она опрокидывается и летит стремглав в какую-то страшную пустоту, полную гула и плеска...

Никто ее никогда больше не видѣл.

Жители Вало-ле-Клу рассказывают, что в иные дождливые вечера, до сих пор можно слышать дребезжащій шум велосипеднаго звонка, доносящійся откуда-то снизу по теченію рѣки, огибающей мѣстечко. Люди в страхѣ баррикадируют двери, наглухо закрывают ставни. Звон приближается, растет, слышится уже на самой улицѣ. И если прижать глаза к жалюзи, можно разглядѣть фистанково-зеленый тандем, бѣшеным ходом мчащійся в ночи. Заднее мѣсто пусто. На переднем-же сидит толстая женщина в черном платьѣ и над нею развѣвается, пляшет и треплется безконечная траурная вуаль, раздираемая вѣтром.

Б А Л Л А Д А

Вся жизнь твоя глубокий, долгий сон
Души, что спит в тугих объятьях тѣла,
Она давно проснуться-бы хотѣла,
Но сон глубок и ночь со всѣх сторон.

И снится ей невѣроятный мѣр,
Внесенный мутною волной кошмара:
Поет слѣпец, шумит Гвадалквивир,
Рыдает сладострастная гитара.

И подходя к безумному концу,
Все потеряв и всюду побѣждая,
Солдат ребенка хлещет по лицу,
А у ребенка щечка золотая.

Забудь, забудь... Но как забудешь ты
Увидѣнное этими глазами? —
Небесный луч срываясь с высоты
Земными преломляется слезами...

В автомобилѣ мчится в ночь старик,
Он весь распух от денег и от власти,
И никогда, ни на единый миг,
Старик не знал любви и не был счастлив.

А под мостом от стужи изнемог
Другой старик, другой тоской гонимый,
И чтобы он не отморозил ног,
Ладонями их грѣют херувимы.

Между мечей побѣдный меч звенит,
И слава над челом плывет героя,
Но слышит он, как заступом стучит,
Могильщик, для него могилу роя.

Плывет корабль к безвѣстным берегам,
И стаи птиц летят к далеким гнѣздам,
Плывет самоубійца по волнам
Прозрачный лик подняв к высоким звѣздам.

Ты знаешь, как прекрасны поутру
Гор голубых зеленые отроги,
Зачѣмъ-же ты спускаешься в дыру
Подземной, электрической дороги?

Зачѣмъ-же ты... — «Но мнѣ вѣдь надо ѣсть,
Я должен покоряться и трудиться...» —
Но на землѣ была благая вѣсть
О лиліях и о небесных птицах...

Проснись, проснись! — Уже похоже что
Ты просыпаешься. Но нѣтъ, все так-же точно
Часы стучат и небо налито
Дождем, и дождь в канавѣ водосточной.

И длится жизнь — глубокой, долгій сон
Души, что спит в тугих объятьях тѣла,
Она давно проснуться-бы хотѣла,
Но сон глубок и ночь со всѣх сторон.

Влад. Смоленскій.

« Ц Ы Г А Н Е »

(Страницы из повѣсти «Дмитрій Тиверин»).

Граф Михаил Львович ТОЛСТОЙ.
1879—1944.

Каждый день, вернувшись со службы, Митя возил Вѣрочку по Москвѣ. Они ѣздили в Кремль осматривать соборы, в Третьяковскую галерею, в Румянцевскій и Историческій музеи. А вечером часто отправлялись в большой и малый театры, в «комендантскую» ложу, которую дядя предоставил в их распоряженіе.

За день до отъѣзда Гариных дядя устроил у себя прощальный обѣд.

В концѣ обѣда в сосѣдней залѣ неожиданно послышался говор и звук настраиваемых инструментов. Дядя прислушался, улыбнулся, ничего не сказал, и продолжал что то громко рассказывать.

— Дмитрій! Кто там в залѣ? — спросила Екатерина Павловна.

— Сюрприз! — хитро взглянув, отвѣтил генерал, — скоро узнаешь.

Обѣд кончился.

— Митрофан, — крикнул генерал своему старому камердьеру: — Открывай двери!

Среди залы, полукругом, во главѣ со знаменитой Варей Паниной, сидѣл хор Яровских цыган.

При входѣ генерала и гостей толстый, очень смуглый дирижер хора, Христофор, низко поклонился, дал на гитарѣ тон, и цыгане запѣли хоровую пѣсню «Матушка», которая из чуть слыш-

наго пѣнннсснмо, постепенно ускоряясь, кончилась сильным «форто» и рѣзко оборвалась.

Вѣрочка, никогда не слышавшая цыган, с растерянным лицом сидѣла рядом с Митей.

Одна пѣсня смѣнялась другой. Запѣвали все разные цыганки. Вѣрочкѣ особенно понравилась маленькая, смуглая, хорошенькая Настя. Когда она сильным, грудным голосом запѣла веселую пѣсню «Валенки» и сорок разнообразных голосов лихо подхватили, вторя друг другу самыми оригинальными вторами, — у всѣх на душѣ стало весело. А дядя, притопывая ногой и выкрикивая цыганскія слова, еле мог усидѣть на мѣстѣ.

Послѣ Насти генерал попросил спѣть знаменитую Варю Панину. Она сидѣла в серединѣ хора, облокотясь на сосѣднїй стул, — толстая, вялая, некрасивая до безобразія, с огромными на выкатѣ глазами, — в накинутаой на плечи бѣлой шали с длинной бахромой, с громадными брильянтами в ушах и на пальцах.

Казалось невѣроятным, что такая кувалда, такая уродина могла сводить с ума. Но мужчины, увлеченные ея пѣніем, забывали ея наружность, тратили на нее громадныя деньги.

Подстроив гитару, Христофор подошел к Варѣ и дал нѣсколько звучных аккордов.

— Ваше превосходительство, что спѣть прикажете? — обернулся он к генералу.

— Пока что хочешь, а там видно будет...

Послѣ гитарнаго вступленія, вдруг полились звуки глубокаго бархатнаго контральто:

«Что дѣлать, сердце мнѣ с тобою?
Как тайну мнѣ в душѣ своей сокрыть?
Куда ж бѣжать, бѣжать с моей тоскою,
В моей ли власти не любить?..»

— пѣла Варя старинный романс.

Выпуклые глаза заблестѣли, лицо вспыхнуло вдохновеніем. Она совершенно преобразилась, вдруг перестала казаться безобразной, и вся ушла в пѣсню.

Вѣрочка замерла и слушала, затаив дыханье. Ей казалось, что волосы шевелятся у нея на головѣ и она, сама того не замѣчая, крѣпко сжимала Митину руку, который, тоже, сам сидѣл как на иголках.

Пѣсня кончилась. Варя снова поблекла. Только глаза продолжали блѣстѣть.

Подозвав к себѣ Христофора, она сказала ему что то по цыгански и тотчас же запѣла любимый романс генерала: «Когда на него ты глядишь такъ умильно, а я, одинокій стою...»

Она пѣла все с большим и большим воодушевленіем. Не было сомнѣнія, что собственное пѣніе доставляло ей самой громадное наслажденіе.

Пропѣвъ нѣсколько романсов одна, а потом дуэтом с старым, высоким, черным цыганом с густыми, сѣдѣющими усами, Егором

Иваньчем, по прозванію «Рябчик», Варя приказала хору слѣть плясую, под которую вышла плясать молодая цыганка — Даша.

Тряся плечами, мелкой дрожью, Даша сдѣлала нѣсколько падающих шагов перед Гариным, этим самым приглашая его выйти с ней плясать и, выбивая дроб каблуками, плавно поплыла по кругу.

— Что же вы, Сергѣй Иваныч, не идете? Идите плясать! — кричал генерал, толкая Гарина со стула. — Такая красавица приглашает, а вы сидите!

Сергѣй Иваныч вышел на середину залы, выбил дробь руками по икрам, вынул из кармана платок и пошел за Дашей.

Плясал он прекрасно — так, как пляшут настоящіе цыгане. Хор одобрительно смотрѣл на него, и цыганки, оскалив бѣлые зубы, с одушевленіем, в такт хлопали в ладоши.

— Ну, батюшка, Сергѣй Иваныч, уважил пляской! Спасибо! — гортанными голосами говорили старыя цыганки. — По старинкѣ плясешь. Так старики наши плясывали. Спасибо тебѣ родной!

Послѣ пляски лед совершенно растаял, всѣ еще болѣе оживились. Варя подозвала Настю и приказала ей провѣличать генерала. Налив бокал шампанскаго, Настя к нему подошла:

За дружеской бесѣдою,
Коль пир идет кругом,
Примѣру дѣдов слѣдуя,
Мы пѣсню вам поем.

запѣла она. И тотчас молодья и старыя цыганки в разноцвѣтных, ярких шаях, с длинной, почти касающейся пола, бахромой, и стоявшіе сзади смуглые мужчины с гитарами в руках, улыбаясь и показывая сплошные бѣлые зубы, дружно подхватили:

«Хор наш поет пригѣвъ любимый,
И вина полились рѣкой,
К нам пріѣхал наш родимый
Генерал наш дорогой...»

Провѣличали Екатерину Павловну и Гариных, а затѣм женихов. Цыганам передалось общее настроеніе, и они уже без заказа сами выбирали старыя, красивыя пѣсни и пѣли с еще большим подъемом.

Наконец Христофор подошел к генералу и попросил их отпустить; они уже опаздывали в ресторан больше, чѣм на час.

— Еще одну, послѣднюю, разгонную! — прокричал генерал, — и по домам!

— Уж вы кумушки домой, всѣ голубушки домой — запѣли цыгане.

— А я домой не пойду! С кѣм останусь, не скажу — задорно выкрикнула Настя. Хор дружно подхватил тѣ же слова.

— Авело! — крикнул Христофор (что по-цыгански значит — довольно). Цыгане поднялись и, толпясь в дверях, стали выходить из залы.

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА.

В этот вечер парижский взволнованно синий,
Чтобы встрѣчи дожидаться и время убить,
От прилавка к прилавку в большом магазинѣ
Помоднѣй, подешевле, получше купить.

С неудачной судьбою — другой не бывает
У жестоких и праздных, таких вот, как ты —
В зеркалах электрической свѣт расцвѣтает
Фантастически-нѣжно, как ночью цвѣты.

И зачѣм покупаешь ты ленты и шляпки,
Кружева и перчатки?..

Конечно тебѣ

Не помогут ничѣм эти модныя тряпки
В гениально-безмысленной женской судьбѣ.

1947.

Зазѣваешься мечтая,
Дрогнет удочка в рукѣ,
Вот и рыбка золотая
На серебряном крючкѣ.

Так мгновенно, так, прелестно —
Солнце, вѣтер и вода.
Даже рыбокъ в рѣчкѣ тѣсно,
Даже ей нужна бѣда.

Нужно, чтобы небо гасло,
Лодка ластилась к водѣ,
Чтобы закипало масло
Нѣжно на словородѣ.

Ничего не вернуть. И зачѣм возвращать?
Разучились любить, разучились прощать,
Забывать никогда не научимся...

Спит спокойно и сладко чужая страна.
Море ровно шумит. Наступает весна
В этом мирѣ, в котором мы мучимся.

1947.

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ДЕНИС ДАВЫДОВ»

(ДѢТСТВО И ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЛУЖБЫ)

Рисунок неизвѣстнаго художника. — Денис Давыдов кавалергардским корнетом, 1803-1804 г.г. (По листу из собр. Д. Д. Давыдова, Париж).

I.

Свой род Давыдовы вели от знатнаго мурзы Минчака Касаевича, выѣхавшаго в началѣ 15 в. из Большой Орды на службу к Бел. Кн. Василю Дмитріевичу. Татарское происхожденіе семьи очень занимало Дениса Давыдова, собиравшаго генеалогическія свѣдѣнія о своем родѣ. По семейным преданіям в прославленном родовом имѣніи Давыдовых — Каменкѣ — хранились даже какія-то собственноручныя замѣтки Дениса Давыдова по этому поводу.

О своих татарских пращурах Давыдов любил вспоминать. Так, пріятелю своему гр. П. А. Строганову, он писал:

«Блаженной памяти, мой предок Чингисхан,
Грабитель, озорник, с аршинными усами,
На ухарском конѣ, как вихрь перед громами
В блестящем панцырѣ влетал во вражій стан...»

и далѣе указывал, называя себя «потомком Батыя»:

«Я тѣм же пламенем, как Чингисхан, горю...»

Один из прадѣдов Дениса, состоявшій в посольствѣ Царя Михаила Федоровича в Лондонѣ и женатый на англичанкѣ Howard из рода Dukes of Norfolk, внес в род Давыдовых англійское начало независимости и сознанія собственного достоинства, отличавшее впоследствии членов этой семьи и выработавшее их нѣсколько «странный» по свидѣтельству современников характер. Самый девиз родового герба: «Богу и Государю» как бы подчеркивал отказ Давыдовых повиноваться беспрекословно земной власти, и так повелось, как писал позднѣе сын Дениса Давыдова Василій, что «всѣм членам моего семейства и рода изстари чины и почести или не давались, или они их не искали...»

Денис Давыдов родился 16 іюля 1784 г. в Москвѣ в родовом домѣ Давыдовых, в котором впоследствии обосновалось «Дворянское Собраніе». Родовым же владѣніем было и столь прославившееся позднѣе «жалкое подмосковное село Бородино», гдѣ семья Давыдовых проводила лѣто, когда не уѣзжала в свое орловское имѣніе. Отец Дениса Давыдова Василій Денисович командовал в чинѣ бригадира Полтавским легко-конным полком, стоявшим в селѣ Грушеvkѣ, Полтавской губ.

«Четыре Кавалерійских полка, вспоминал впоследствии Денис Давыдов, стояли лагерем близ Днѣпра... у села Грушевки. Дом, занимаемый нашим семейством, был высокій и обширный, но выстроенный на скорую руку для Императрицы Екатерины во время ея путешествія в Крымскую Область... Лагерь полка отстоял от дома не далѣе ста шагов. Я и брат мой жили в лагерѣ...» Говоря далѣе о своем дѣтствѣ, Давыдов вспоминал: «с семилѣтняго возраста я жил под солдатской палаткой — при отцѣ моем... Забавы дѣтства моего состояли в метаніи ружьем и в маршированіи, а верх блаженства в ѣздѣ на казачьей лошади с покойным Филиппом Михайловичем Ежовым, сотником Войска Донского».

Воспоминанія дѣтства навсегда остались в памяти Давыдова, много позднѣе, уже пятидесяти лѣт отроду, он снова писал: «Я видѣл Екатерину, Румянцева, Потемкина, Безбородко...» Сильнѣе всего запомнились, однако, Давыдову его встрѣча и разговор в лагерѣ Грушеvkѣ с Суворовым. Об этих на всю жизнь запечатлѣвшихся минутах Давыдов в своей «Встрѣчѣ с великим Суворовым» рассказал так:

«... в одну ночь я услышал.. шум и сумятицу... Суворов остановился в десяти верстах от нас... Можно себя вообразить

взрыв моей радости. Впрочем радость и любопытство овладѣли не одним мною. Я помню, что покойная мать и всѣ жившіе у нас родственники и знакомые, даже лакеи, кучера, повара и служанки... все собиралось, спѣшило и бѣжало туда, гдѣ остановился Суворов, чтобы хоть раз в жизни взглянуть на любимого героя, на нашего боевого полубога...» Под утро «все зашумѣло вокруг нашей палатки, закричало: «скачет, скачет». Мы выбѣжали и увидѣли Суворова в ста саженьях от нас, скачущаго во всю прыть мимо нашей палатки. Я помню, что сердце мое тогда упало, как послѣ упало оно при встрѣчѣ с любимой женщиной...»

Когда Суворов «несся» мимо Давыдовых, адъютант его крикнул: «граф, посмотрите, вот дѣти Василія Денисовича». Суворов остановился, чѣм и воспользовались мальчики Давыдовы, чтобы подойти к нему ближе. Тогда Суворов задал Денису Давыдову вопрос: «любишь ли ты солдат, друг мой?». Денис «в порывѣ дѣтскаго восторга» отвѣтил: «Я люблю графа Суворова, в нем все: и солдаты, и побѣда, и слава». На это, как запомнилось Давыдову, Суворов будто-бы сказал: «О, помилуй Бог, какой удачѣй. Это будет военный человѣкъ».

Тут Суворов прищипорил коня и поскакалъ далѣе к своей палаткѣ. Слова Суворова западали глубоко в душу Давыдова, который, готовясь в будущем стать «военным человѣком», пока что «замахал саблею, выкололъ глаза дядькѣ, проткнулъ шлык няньѣ и отрубил хвост борзой собагѣ, думая тѣм исполнить пророчество великаго человѣка», как юмористически писал он позднѣе в автобиографіи.

Мать Давыдова — Елена Евдокимовна — была дочерью бывшаго Новороссійскаго Намѣстника Щербинина, извѣстнаго богача Екатерининскаго царствованія. Бригадиру Давыдову она принесла много денег, однако «широкая, размашистая жизнь» подтачивала благосостояніе семьи. К тому же Василій Денисович был одержим «пагубной страстью к игрѣ», доведшей его в 1801 г. «к беспорядкам в полку», как тогда называли неправильности в веденіи полковой кассовой отчетности. Он был привлечен к суду, а имѣніе его конфисковано; пришлось ему ѣхать хлопотать в Петербург. При вѣздѣ в столицу при случайной встрѣчѣ с Павлом, когда, по этикету, всѣ ѣдущіе в каретах обязаны были, поравнявшись с императором, останавливаться и выходить, а мужчины даже сбрасывать, не считаясь с погодой, шубы и плащи, провинившійся бригадир, опасаясь царскаго гнѣва, принужден был спрятаться под каким-то мостом. Не помогли, несмотря на всѣ связи, затѣянные им хлопоты и преданіе Давыдова суду осталось в силѣ. По возвращеніи в Москву у него в видѣ протеста перебивала «вся Москва», но все же на имѣніе Василія Денисовича «за растрату» было наложено крупное взысканіе, которое бывший бригадир и платил по частям долгіе годы. По его смерти остаток долга пришлось выплачивать семьѣ вплоть до 1817 г., когда только по ходатайству всесильнаго тогда друга Дениса ген. адъютанта

Закревскаго казенная недоимка, наконец, была Государем прощена.

Денис Давыдов, несмотря на эту печальную исторію, питал всю свою жизнь «безграничную любовь» к отцу, память о котором никогда не покидала его. Так в 1838 г., незадолго до своей смерти, Денис Давыдов в письмѣ к сыну своему Василию указывал: «я в душѣ хранил всегда память отца...» Василий Денисович прямо заявлял, со слов Дениса Давыдова, что память об отцѣ «удерживала его от проступков».

Пагубная страсть бригадира навсегда отбила у Дениса Давыдова охоту к картам и до самой почти смерти, незадолго до которой он научился и притом очень плохо играть в модную тогда игру «мушку», он к картам не притрагивался.

Конфискація имѣнія и періодическія выплаты долга довели семью до бѣдственнаго положенія. Давыдовы находились «в крайности»; дошло до того, что иногда «приходилось питаться одним картофелем». Между тѣм подходило «время Денису с братом службы». Отец хотѣлъ было записать обоих сыновей в Иностранную Коллегію. Однако Денис Давыдов, памятовавшій разговор с Суворовым, как выпавшее ему в дѣтствѣ «счастье» и «полный слов героя», предсказавшаго ему славное солдатское будущее, «не хотѣлъ другого поприща кромѣ военнаго».

Настояв на своем, шестнадцати лѣтъ отроду, Денис Давыдов в началѣ 1801 г., с 400 руб. асс. в карманѣ, в кибиткѣ отправился в Петербург для поступленія в Кавалергардскій полк.

II.

Опредѣленіе Давыдова в полк не обошлось без хлопот: уж очень был он мал ростом. Однако это затрудненіе удалось преодолѣть и Давыдов был зачислен в Кавалергардскій полк «эстандарт-юнкером». Из тихой семейной обстановки Давыдов попал в среду, гдѣ свободное от службы время проводили шумно и разгульно:

«..... на долгих ужинах веселых,
В кругу гусаров посѣдѣлых
И черноусых удалцов».

Один из современников, вспоминая впоследствии об этих разудалых былых днях, писал: «В кавалеріи было болѣе кутежа, чѣм в пѣхотѣ... гусарское ухарство еще не вышло из моды». В одном из своих ранних стихотвореній: «Гусарскій пир» Давыдов изобразил думы и пожеланія молодого офицера, попавшаго в новую для него обстановку широкаго и как бы постоянного праздника:

«Ради Бога трубку дай.
Ставь бутылки перед нами,

ДЕНИС ДАВЫДОВ.

Литография Бакмана (1830-е г.г.).

Из «Сборника биографий кавалергардов», изд. Панчулидзевым в 1906 г.

Всѣхъ наѣздниковъ сзывай
 Съ закрученными усами.
 Чтобы хоромъ здѣсь гремѣлъ
 Эскадронъ гусаръ летучихъ,
 Чтобы на небо взлетѣлъ
 Я на ихъ рукахъ могучихъ;
 Чтобы стѣны отъ ура
 И тряслись, и трепетали...»

Шумно веселились и пили тогда гусары, но не отставали отъ нихъ и штатскіе. Кн. Вяземскій отмѣтилъ в одной изъ своихъ курьезныхъ записей о видѣнномъ и слышанномъ, что какъ-то в 1806 г. в одномъ «отдаленномъ губернскомъ городѣ губернаторъ испрашивалъ разрѣшеніе пить за здоровье Государя на предстоящемъ обѣдѣ малагою, а не шампанскимъ, потому что все шампанское в городѣ и уѣздѣ выпито братьями С., извѣстными своимъ разгуломъ в Москвѣ и находившимися в означенномъ городѣ в то время». Подражая офицерству, шумно пировала вслѣдъ за штатскимъ дворянствомъ и учащаяся молодежь. «Ужели трезваго найдемъ за скатертью студента», восклицалъ в 1814 г. даже Пушкинъ.

На всѣхъ этихъ пирушкахъ царило помимо вольнаго разгула широкое, отмѣнное гостепріимство. Радужіе хозяевъ, бывшее в тѣ времена общимъ явленіемъ, было доведено нѣкоторыми богатыми и знатными людьми до предѣловъ своего рода культуры. Такъ в Москвѣ своимъ широкимъ гостепріимствомъ славилась Еропкины, у которыхъ, когда они наѣзжали в столицу из деревни, былъ открытый домъ, такъ что къ нимъ «приходилъ обѣдать ежедневно, кто хотѣлъ, будь только опрятно одѣтъ и веди себя за столомъ чинно; и сколько бы за столомъ, вспоминалъ современникъ, ни сѣло челоуѣкъ, всегда для всѣхъ доставало кушанья». В Петербургѣ однимъ изъ такихъ безграничныхъ хлѣбосоловъ былъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ: домъ его на Мойкѣ, гдѣ ежедневно накрывали на 50 кувертовъ, былъ, какъ отмѣчалъ Булгаринъ, «храмомъ роскоши и хлѣбосольства», а гр. Сегюръ писалъ о немъ: «С утра до вечера тамъ слышались веселый говоръ, хохотъ, звуки музыки, шумъ пѣра: тамъ ѣли, смѣялись, пили и танцевали цѣлый день; туда приходили безъ приглашеній и уходили безъ поклоновъ, тамъ царствовала свобода. Это былъ пріютъ веселья».

Хлѣбосолы водились и в военной средѣ. На одного изъ нихъ Давыдовъ даже какъ-то жаловался кн. Вяземскому: «всякаго приглашаетъ онъ de venir manger la soupe. Бѣдовый онъ челоуѣкъ; такъ и слышишь въ приглашеніи: покорнѣйше прошу пожаловать отобѣдать, а не то извольте драться со мной на шести шагахъ разстоянія... пригласитель съ пистолетомъ, приставленнымъ къ горлу...» заканчивалъ шутивно Давыдовъ.

Произведенный 9-го сентября 1802 г. в корлеты, а 2-го ноября 1803 г. в поручики, Давыдовъ встрѣчалъ на полковыхъ и пріятельскихъ пирушкахъ не только товарищей по полку и друзей-военныхъ, но и рядъ лицъ, составлявшихъ «передовую» молодежь» того

времени. Так, встрѣчаясь тут неизмѣнно с гр. Шуваловым, Давыдов столь же неизмѣнно предлагал ему тост в память Ломоносова. С бокалом в рукѣ Давыдов постоянно обращался к Шувалову все съ тѣми же словами:

«Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шувалов,
Которыя стекло чтутъ ниже минераловъ».

Среди другихъ пріятелей выдѣлялся флигель-адъютантъ С. Н. Марин, участникъ дворцоваго переворота 11-го марта 1801 г., когда он оказалъ цѣнное содѣйствіе заговорщикамъ, продержавъ подъ ружьемъ в продолженіи всей ночи внутренней караулъ Михайловскаго Замка. Дѣятельный в будущемъ соратникъ Багратиона, Маринъ былъ авторомъ знаменитаго в свое время марша русской гвардіи:

«Пойдемъ, братцы, за-границу
Бить отечества враговъ».

Большой популярностью в военной средѣ пользовались его пародіи и эпиграммы, которыя оказали в извѣстной степени вліяніе и на первые — в 1803 г. — поэтическія попытки Давыдова, направивъ ихъ в русло сатиры.

Первое произведеніе Давыдова в этомъ жанрѣ — басня «Голова и Ноги». В ней он пробовалъ — довольно робко — говорить о бунтѣ ногъ противъ головы. Ноги упрекали голову в томъ что она «бѣдными ногами, какъ шашками» вертитъ, и угрожали ей возможностью, «споткнувшись, о камень расшибить» ее. Басня эта получила однако настолько большое распространеніе в спискахъ, что, напр., декабристъ бар. Штейнгель в своемъ повинномъ письмѣ Государю изъ крѣпости в 1826 г. наравнѣ съ «сочиненіями Пушкина, дышащими свободою», упоминалъ и про нее, говоря: «кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованных... не цитировалъ басни Дениса Давыдова».

Ободренный «карманнымъ» успѣхомъ первой басни Давыдовъ вслѣдъ написалъ и вторую подъ названіемъ «Рѣка и Зеркало». Это былъ, вѣрнѣе говоря, переводъ басни гр. Сегюра: «Дитя, Зеркало и Рѣка», за годъ до того напечатанной в прозаическомъ переводѣ в «Новостяхъ Русской Литературы». В передѣлкѣ Давыдова, басня эта, в которой говорилось о томъ, какъ:

«За правду колкую, за истину святую,
За сихъ враговъ царей, деспотъ
Вельможу осудил...»

не могла не вызвать рѣзкаго недовольства властей. Дѣйствительно, Ш-е отдѣленіе охарактеризовало ее, какъ «возмутительное сочиненіе». Но и друзья автора считали басни Давыдова «вольными сочиненіями» и, напр., Маринъ сообщалъ кн. М. С. Воронцову: «Да-

выдов кавалергардскій, написал двѣ басни, которыя я тебѣ отправлю с первым курьером, ибо иначе посылать их невозможно».

Вступив на литературный путь, Давыдов послѣ двух басен свой сатирической талант направил в своем третьем литературном опытѣ: «Сон» против общих недостатков сословія, к которому принадлежал и сам. Довольно безобидная в общем сатира Давыдова уличала и клеймила «воровство, грабительство, измѣну», т. е. тѣ недостатки эпохи, которые ему довелось наблюдать; попутно однако юмор Давыдова останавливался и на человѣческих слабостях отдѣльных лиц. Так попало и пріятелю его Марину, о котором Давыдов, намекая на его пристрастіе к слаганію стихов, язвительно говорил:

«... и милый наш Марин
Не пачкает бумаги».

Сообщая Воронцову о новом произведеніи Давыдова, возбудившем легкое недовольство в задѣтых им кругах, Марин в январѣ 1804 г. указывал: «маленькому Давыдову мыли за стихи голову: он написал «Сон», гдѣ всѣх ругает без милосердія».

Дружескій оппор от имени затронутых Давыдовым офицеров дал ему пріятель его поручик Преображенскаго Полка Аргамаков в шутовом стихотвореніи, в котором от имени Аполлона обращался к Давыдову со словами:

«Ты дар свой стихотворства
Во зло употребил,
Ты, мальчик, зашалился...
Осмѣивать пустился
Почтенных ты особ».

На бѣду Давыдова в дѣло вмѣшалось начальство, усмотрѣвшее в поэтических шалостях гусарскаго поручика слишком большую вольность. По обычаю того времени расправа была коротка: 13-го сентября 1804 г. Давыдова в наказанье перевели из гвардейскаго полка ротмистром в Бѣлорусскій гусарскій полк, квартировавшій в глухом провинціальном углу Кіевской губерніи. Насильственным переводом в армію на Давыдова был как бы возложен «вѣнец изгнанія», создавшій ему особаго рода славу.

Ш.

Давыдову пришлось смѣнить свѣтскую сутолоку столицы на безшабашную и удалую жизнь в глухом медвѣжьем углу. Развлеченій в свободное от службы время было мало. В карты Давыдов не играл, оставалось убивать время в товарищеских бесѣдах и на пирушках. Отставал однако Давыдов от пріятелей и в питѣ. Пуш-

кин картинно изобразил безцѣльное и праздное завершение дня тянувшего свою ляжку провинціального офицера:

«... молодой драгун усатый
Поутру сидя у окна,
Стаканы сушит всё до дна
И чтоб прогнать остаток сна
Из трубки пѣнковой дым тянет сѣроватый».

Было еще одно развлечение — танцы и ухаживанье за мѣстными красавицами. Об этом красочно вспоминал Давыдов в автобіографіи: «молодой гусарскій ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку до упаду».

Правда, у Давыдова было еще одно занятіе: вступив раз на стезю литературнаго творчества, он уже не оставил «бесѣды с музами». «Он призывал их во время дежурств своих в казармы, в госпиталь и даже в эскадронную конюшню», отмѣчал Давыдов в автобіографіи. Стихи писал он «своей красавицѣ, которая их не понимала, потому что была полька». Стихи эти не сохранились и никаких слѣдов их найти не удалось.

Очевидно Давыдов, если и грѣшил за это время стихотворством, то очень потаенно. Дѣло в том, что всякое проявленіе грамотности в средѣ провинціального офицерства было дѣлом чуть ли не зазорным. Кн. Вяземскій рассказывал, как один из сослуживцев Давыдова — Хитрово, когда какой-то пріятель случайно нашел у него в гусарской сумкѣ элегіи Парни, «умолял его молчать и не губить. Товарищи, говорил он, любят меня, считают служакой и гулякой и чуть ли не безграмотным. Когда провѣдают, что я читаю французскія книжки — я человек пропащій, мнѣ в полку житья не будет». Давыдов, правда, образованностью мало отличался от остальных своих сослуживцев. Программа наук, пройденная им до службы, не была слишком обширной. «Как тогда учили?», вспоминал позднѣе Давыдов. Натрали ребят наружным блеском... учили лепетать по-французски, танцовать, рисовать и музыкѣ; тому же учился Давыдов до тринадцатилѣтняго возраста. Тут пора была подумать и о будущности; он сѣл на коня, захлопал арапником, полетѣл со стаєю гончих собак по мхам и болотам — и тѣм заключил свое воспитаніе». В тѣ времена родители торопились отдавать мальчиков на службу, чтобы они скорѣе могли выйти в чины, а потому обычно в пятнадцать лѣтъ скудное воспитаніе их заканчивалось.

Дѣйствительно, в формулярном спискѣ Давыдова значилось лаконически: «по-россійски и французски читать и писать умѣет». Другим знаніям и не откуда было быть. Да и то с русской грамотой Давыдов до самой смерти оставался не в ладах: — «литера в рѣшительно не давалась ему», говорил сын его Василій, — так

что грамматическія ошибки в рукописях Давыдова приходилось впоследствии исправлять учителю его дѣтей А. И. Башилову. *)

По определеніи в полкъ Давыдов явился к своему двоюродному брату А. М. Каховскому, человѣку, по его отзыву, «замѣчательному по своему необыкновенному уму и свѣдѣніям». Под его вліяніем и вслѣдствіе упреков его «за вступленіе на службу неучем», Давыдов «не только обратился к военным книгам, но пристрастился к ним даже. Несмотря на молодость свою он рано обнаружил вдумчивость и разсудительность, выдѣлявшія его из среды товарищей. «Скопив небольшой капитал», он немного позднеѣ, по возвращеніи в Петербург, «на своей квартирѣ в продолженіи нѣскольких мѣсяцев» стал брать уроки по стратегіи и фортификаціи у какого-то майора Торри, пока не разобрался в том, что он не больше как «хвастун, пустослов и человѣкъ весьма ограниченных свѣдѣній».

Товарищем Давыдова по этим занятіям, в которых они «друг другу отдавали отчет в успѣхах» оказался Иван Иванович Дибич. тогда скромный подпоручик Семеновскаго полка, «за два года пред тѣм привезенный из Берлинскаго кадетскаго корпуса совершенным неучем». Эта «маленькая, толстенъкая, рыжая, криволицая... фигурка» превратилась в будущем в російскаго фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго, в лицѣ котораго Давыдов впоследствии яростно клеймил военную бюрократію и «плацпарадную» военщину Николаевскаго времени.

Молодость их проходила вмѣстѣ. «Я зналъ Дибича с офицерскаго чина, писал Давыдов в автобіографіи, мы в одних чинах стаивали вмѣстѣ на внутренних караулах и потому часто находились неразлучно по цѣлым суткам... Он жаловался на бѣдность... я был в том же положеніи... и вмѣстѣ, горюя, прихлебывали у камина жиденъкій кофе...»

Возвращаясь к воспоминаніям своей молодости Давыдов много позднеѣ писал сыну... «Я имѣлъ несчастье жить среди людей безнравственных, увлекавших меня к разврату, к которому влекли меня и страсти... Но, благодаря Бога, я прошел чист и непорочен сквозь весь этот смрад». Девизом себѣ Давыдов поставил: «Береги честь смолоду», слова, взятые позднеѣ Пушкиным в качествѣ эпиграфа для его «Капитанской Дочки».

В письмѣ к сыну Давыдов пояснял, каким образом удалось ему удержаться от нравственной гибели: «Как поступил я для этого, писал он. На 17-м году своей жизни составил себѣ правила, от которых твердо рѣшился не отступать, я держался за них, как утопающій за канат спасенья»: Сохранить свою «чистоту» помогла Давыдову, кромѣ того, «память об отцѣ». По его словам, он всегда как бы слышал голос, напоминавшій ему: «что сказал бы батюшка?» Вопрос этот Давыдову приходилось ставить себѣ

*) Выдержки из писем Давыдова приведены в дальнѣйшем в правописаніи подлинников.

часто, так как вообще тон в провинциальной военной среде задавали:

«... гусары коренные,
Председатели бесѣд,
Собутыльники сѣдые.»

Типичным представителем этих кругов был сослуживец Давыдова по Бѣлорусскому полку, Бурцев, котораго в качествѣ «гусара гусаров» Давыдов воспѣл в рядѣ стихотвореній, создав ему литературное безсмертіе. «Добрый малый, но величайшій гуляка и самый отчаянный забулдыга из всѣх гусарских поручиков», по словам одного из современников, Бурцев держал в страхѣ участников «бесѣд», так что гр. Киселев, напр., даже прямо указывал, что его «всѣ боялись как буяна и забіяки», а Заблоцкій-Десятовскій утверждал даже, что Давыдов «по боязни пьянаго Бурцева восхвалял прозою и стихами».

Не боязнь, конечно, заставляла Давыдова так часто в своих стихах обращаться к колоритной фигурѣ Бурцева, стихотворную дань которому отдали между прочим и Пушкин, и кн. Вяземскій. За год до смерти Давыдов в письмѣ к сыну признавался в грѣхах своей юности: «во мнѣ играли страсти, писал он, болѣе чѣм в других моих товарищах». В широкой натурѣ и безудержном размахѣ Бурцева и схожих с ним пріятелей Давыдов находил нѣчто родное и созвучное своим чувствам и желаніям. Ему на самом дѣлѣ был близок и нужен этот:

«Бурцев, ёра, забіяка,
Собутыльник дорогой».

По настоящему радостно было Давыдову собираться «в круговую»:

«В дымном полѣ, на бивакѣ
У пылающих огней...»

гдѣ подавали с пуншем:

«... лохань златую
Гдѣ веселіе живет»,

а утвержденіе его, что в ней

«... сокрыт небесный жар»,

было совершенно искренним, а не только поэтической метафорой.

В напряженной атмосферѣ непрерывных военных походов, в шемпящем ожиданіи перелома, гдѣ

«нынче пить уже досужно»,

а уже

«завтра трубы затрубят,
завтра громы загремят»,

Давыдов высказывал общую всей военной средѣ мысль, когда утверждал:

«в благодѣтельном аракъ
Зрю спасителя людей».

Воспѣвая и восхваляя безшабашную жизнь гусаров Давыдов понемногу стал признанным пѣвцом ея. Стихи его, по его собственному выраженію, пользовались широкою «рукописною или карманною славою». Современники часто возвращались к ним, говоря о былых годах. Так, напр., вспоминая о молодежи 20-х годов, жандармскій генерал В. Р. Зотов позднѣ писал: «стихи Давыдова плѣняли почти все наше военное поколѣніе ... кто не списывал этих удалых стихов в одну завѣтную тетрадку».

Совершенствуя стих свой, Давыдов, в котором постоянно жил «никогда не дремлющій бѣс», как он образно называл любовь к поэзіи, стал создателем военной пѣсни. В ней у него не было, как отмѣтил один из современников, «ни поддѣльщиков, ни подражателей». Стих его, образный, яркій, самобытный, давал, как отмѣтил Пушкин, «почувствовать, что можно быть оригинальным». Пушкин позднѣ говаривал, что перенял у Давыдова манеру «крутить стих», что и уберегло будто бы его от подражанія другим и способствовало сохраненію им оригинальности. Дѣйствительно, от стихов, как позднѣ и от прозаическаго слога Давыдова, «Русью шахло, хотя до угара и до ошибка, хотя до выноса вѣх святых» по красочному выраженію кн. Вяземскаго. В них «отразился русскій склад, русская жизнь до хрища, до подноготной».

Гусарскія пѣсни создали Давыдову огромную популярность, породив одновременно у многих убѣжденіе, что Давыдов, воспѣвавшій разгульную и веселую жизнь гусаров и славившій так краснорѣчиво вино, и сам к нему склонен. Мнѣніе это было очень далеко от дѣйствительности, так как Давыдов был болѣе чѣм сдержан в потребленіи алкоголя; оно однако настолько укоренилось в умах и так пристало к имени Давыдова, что даже гораздо позднѣ, в 30-х годах, вел. кн. Константія Павлович в разговорѣ с А. П. Ермоловым, двоюродным братом Давыдова, счел возможным сказать ему: «твой, брат, Давыдов — пьяница.»

Вдали от шумных столичных развлеченій тянул между тѣм Давыдов воспѣтую им лямку гусарщины в глубоком убѣжденіи, что он:

«... рожден для службы царской»,

и, сознательно ограничивая свой кругозор, восторженно восклицал:

«Я люблю кровавый бой...
«Сабля, водка, конь гусарскій
«С вами вѣк миѣ золотой».

Давыдов в своих пѣснях отражал взгляды военной среды

своего времени. Так, как он, «в самом дѣлѣ думали девять десятых офицеров легкой кавалеріи в началѣ нынѣшняго столѣтія», говорил Булгарин, приводившій, как показательный, сохранившійся «в памяти старых воинов» отрывок из стихотворенія Давыдова, особенно удалого, особенно «гусарскаго»:

«Гусары, братцы, удалцы,
Рубаки — чорт мою взял душу!
Я с вами, братцы-удальцы,
Я с вами чорта не потрушу!
Лишь только дайте мнѣ стакан...»

Примѣрно тѣм же вѣяніям отдал позднѣе дань Пушкин, когда в своей одѣ «Усы», вспоминая о былых годах, говорил, обращаясь к усачу-гусару:

«Веселый гость, любовник пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавиц и усов!»

«Краса природы» — ус, «чернобурый в завитках» составлял предмет особой заботы заправскаго гусара. Недаром славил его Пушкин:

«За уши ус твой закрученный
Вином и ромом окропленный
Гордится юной красотой...»

Любовь к этому обязательному по понятіям того времени атрибуту мужества, удалства и отваги осталась у Давыдова в силѣ до самой смерти, а холить его он не переставал никогда. «Усатый воин», прозвал Давыдова Жуковский в своем к нему «Посланіи» в 1818 г.; «наш черноусый молодец» — Стромиллов в 1837 г. Далеко не сразу однако удалось Давыдову обзавестись «закрученными усами». Природа, обдѣлившая его ростом, и здѣсь как бы хотѣла поиздѣваться над ним. На первом по-времени из дошедших до нас изображеній Давыдова — очень занятом рисункѣ неизвѣстнаго художника 1803-4 г. г. — у молодого кавалергардскаго поручика чуть только пробиваются усы, очень мало напоминающіе «аршинные усы» Чингисхана, о родствѣ с которым так любил вспоминать Давыдов.

IV.

Оставшіеся в столицѣ друзья Давыдова не прерывали между тѣм своих настойчивых хлопот о возвращеніи изгнанника из армейской глуши в Петербург. Старанья их в концѣ-концов привели к благополучному результату. Да и как же им было не увѣнчаться успѣхом, когда во главѣ заступников находился брат Нарышки-

ной, обольстительной возлюбленной Государя, лейб-гусар кн. Четвертинскій. Марья Антоновна не знала отказа у Александра, который, назначив как-то по ея просьбѣ малоподходящее лицо присутствовать в Сенатѣ, как бы извиняясь перед министром юстиціи Дмитріевым, пояснял ему: «Я никак не мог отказать ей, я обѣщал...»

Когда просьбы за Давыдова дошли до Александра из уст плѣнительной Нарышкиной, судьба опальнаго гусара была рѣшена в его пользу и 4-го іюня 1806 года состоялся обратный перевод его поручиком в лейб-гусарскій полк. В началѣ сентября Давыдов, вернувшись в Петербург, прослѣдовал в Павловск, гдѣ квартировал эскадрон, в который он был назначен. Командовал эскадроном кн. Четвертинскій, с которым Давыдов теперь сошелся еще ближе. Очень подружился он и со своей заступницей, Марьей Антоновной Нарышкиной, которая с Давыдовым обходилась как с «нѣжно-любимым сыном». Она любила говорить, что в глазах его — «*La flamme de l'immortalité*» и всячески содѣйствовала ему в его служебных и амурных дѣлах. Давыдов повѣрял ей свои сердечныя тайны, читал ей свои стихи и не без основанія называл ее своим ангелом утѣшителем в жизненных невзгодах.

Жизнь в эскадронѣ проходила, как говорил сам Давыдов: «ладно; у нас было болѣе дружбы, чѣм службы, болѣе рассказов, чѣм дѣла, болѣе золота на ташках, чѣм в ташках, болѣе шампанскаго (разумѣется в долг), чѣм печали.. всегда веселье и всегда на веселѣ».

Длительно-безпечная и спокойная жизнь была однако не по нраву Давыдову: «мнѣ было тогда 22 года, вспоминалъ он, я кипѣлъ честолюбіем, уставал от бездѣйствія, чах от избытка жизни...» К тому же гвардія за два года отсутствія Давыдова из столицы побывала в походах, билась под Аустерлицем. «От меня еще пахло молоком, писал Давыдов, от нея несло порохом».

Давыдов всячески добивался — но пока что тщетно — назначенія в дѣйствующую армію, коротая невольные досуги с товарищами и в свѣтских салонах, гдѣ за ним понемногу устанавливалась слава остроумнаго собесѣдника и ѣдкаго насмѣшника. Современники позднѣе любили приводить западавшіе в их память язвительные отзывы Давыдова о вещах и людях. Так, например, А. И. Тургенев, с которым Давыдов познакомился еще юношей в Москвѣ, вспоминалъ в качествѣ «острой и справедливой» сдѣланную Давыдовым характеристику ген. адъютанта Уварова, под начальством котораго Давыдов служил в 1802-3 г. г. в Кавалергардском полку. Уваров, в молодости малозначительный офицер, сдѣлал блестящую карьеру «амурными дурачествами» с матерью фаворитки Павла кн. Лопухиной, а также тѣм, что «вѣчно в разговорѣ дичь порол; два Императора дичи Уварова благосклонно слушали». Давыдов заклеил этого баловня счастья эпиграммой, в которой сказал про него раз навсегда к нему приставшую фразу: «он умничает глупо, а дурачится умно».

Не щадил Давыдов своим остроуміем и других вліятельных лиц, облекая свои ядовитые отзвыы зачастую в стихотворную форму. Стихи эти не сохранились, но их было, повидимому, не мало; один из пріятелей Давыдова, гр. Васильев, служившій в Преображенском полку, сочинил даже французскіе стихи, гдѣ, жалуясь на чрезмѣрную плодовитость язвительной Музы Дениса Давыдова и сравнивая его с одноименным тираном Сиракуз, называл Давыдова «тираном наших ушей».

Когда под Іеной была разбита прусская армія, в Петербургѣ заговорили о возможности «движенія войск наших на помощь союзникам». Давыдов, все еще мечтавшій о назначеніи на фронт, возложил теперъ всѣ надежды на фельдмаршала гр. Каменскаго, знавшаго еще отца и дѣда его. «Я ожил, вспоминал он. Как бѣшенный пустился я в столицу, чтобы развѣдать о средствѣ втерѣться к нему в адъютанты или быть приписану к какому-нибудь армейскому полку идущему за-границу». Однако, несмотря на всѣ усилія, Давыдову не удавалось добиться перевода. «Тщетны были старанія мои», писал он.

Убѣдившись в безуспѣшности обычнаго рода хлопот, Давыдов рѣшился на чисто гусарскую выходку. Зная любовь к чудачествам «живого и строителего» фельдмаршала, Давыдов попытался достичь успѣха у престарѣлаго главнокомандующаго пріемом, противорѣчившим «обыкновенным правилам общежитія».

Об этом «налетѣ», произведенном им на стараго графа, Давыдов так рассказывал в своей «Встрѣчѣ с Каменским»:

«16-го ноября, в 4-м часу пополудни, я надѣл мундир, сѣл в дрожки и пріѣхал к самому фельдмаршалу... Все спало в гостиницѣ... 9ый номер находился на третьем этажѣ. Подойдя к дверям номера, я завернулся в шинель и прислонился в углу...» Надежды Давыдова скоро оправдались. «Отворяется дверь и маленький старичок... является в халатѣ, с головою повязанной бѣлою тряпичей». Удивленный неожиданной встрѣчей граф обратился к Давыдову с естественным вопросом: «к кому вы пришли?» «К Вашему Сіятельству», — был отвѣтъ Давыдова. «Пожалуйте сюда», сказал на это Каменскій. «Я пошел за ним... в спальню», рассказывал далѣе Давыдов. «Что вам надо?», спросил снова Каменскій. Тогда Давыдов объявил ему о своем желаніи служить на войнѣ, назвав себя и напомнив об имени отца. Каменскій вспомнил его. «любил и очень любил его, заявил он Давыдову, да и с дѣдушкой твоим мы были пріятелями».

Разговорившись далѣе с Давыдовым, Каменскій признался, что выходка пришлась ему по вкусу: «хорошо, сказал он, нынче же буду просить тебя с собою и расскажу Государю, как ты ночью ворвался ко мнѣ... Это я люблю, это значит ревность неограниченная, горячая; тут душа, тут сердце...»

Поутру о «наѣздническом наскокѣ» на фельдмаршала заговорили в Петербургѣ; в домѣ Нарышкиной только и разговоров было, что о «смѣлом набѣгѣ на бѣшенаго старика». Однако Госу-

дарь, несмотря на просьбу Каменскаго, отказал в назначеніи к нему адъютантом Давыдова. Тот уже считал, что всѣ его планы рушились и что ему придется остаться при «иззящном занятіи равняться во фронтѣ и драть горло перед взводом». Вѣроятно, так и было бы, если бы в дѣло еще раз не вмѣшалась Нарышкина. «одно слово которой было тогда повелѣніем». По ея ходатайству 5-го декабря 1806 г. Давыдов был, наконец, зачислен в дѣйствующую армію адъютантом к Багратиону, командовавшему авангардом.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Двѣ дѣвочки. Одна с косою тугой,
Другая стриженная послѣ кори
Идут аллеей, за руки держась.
Кто эти дѣвочки? Садится солнце
И нѣжно плачут жаворонки в небѣ,
В аллеѣ тѣнь, и камень бѣл и сух.
Кто эти дѣвочки? То ты, быть может,
И я, и вмѣстѣ нам идти легко.
Дом далеко, а рай почти что рядом.
Оттуда к нам идут навстрѣчу двое:
Мой милый друг, мой старшій брат, товарищ
Ушедших юных лѣтъ, и твой отец.
Они нас долго ждали. В этот вечер
Они ото всего нас оградят,
Мы никогда их больше не покинем.
А эта жизнь, и все, что послѣ было,
И что теперь, и то еще, что будет,
Давай все это правдой не считать.
Мы так прошли с тобой по той аллеѣ:
Рука с рукой. Ты стрижена, как мальчик,
А у меня коса. Нам десять лѣтъ.
И вѣчным миром приняло нас небо.

1948.

ОТ РЕДАКЦИИ

В августъ 1946 г. в Москвѣ центральный комитет коммунистической партіи, по докладу Жданова, сурово осудил Зощенко за ряд рассказов, печатавшихся в первые послѣвоенные мѣсяцы в журналах «Ленинград» и «Звѣзда». Наибольшій гнѣвъ партіи и Жданова навлек рассказ «Приключеніе обезьяны», гдѣ «клеветнически изображены совѣтскіе люди в уродливо-карикатурной формѣ, как примитивные, глухие и малокультурные обыватели». Это «злостно-хулиганское изображение совѣтской дѣйствительности» завершалось у Зощенко преступным выводом, будто «в клѣткѣ зоологическаго сада дышется спокойнѣе нежели в совѣтском быту».

Опала Зощенко извѣстна всѣм в эмиграціи; но, так как совѣтское правительство приняло мѣры к тому, чтобы «пасквильные рассказы» Зощенко не проникли за-границу, то их почти никто в эмиграціи и не прочел. Воспроизводим, поэтому, для наших читателей полностью и «Приключеніе обезьяны», и еще другой рассказ Зощенко из того же «пасквильнаго» цикла, — «Фотокарточку».

I

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ОБЕЗЬЯНЫ

В одном городѣ на югѣ был зоологическій сад. Небольшой зоологическій сад, в котором находились один тигр, два крокодила, три змѣи, зебра, страус и одна обезьяна или, попросту говоря, мартышка. И, конечно, разная мелочь — птички, рыбки, лягушки и прочая незначительная чепуха из міра животных.

В началѣ войны, когда фашисты бомбили этот город, одна бомба попала прямо в зоологическій сад. И там она разорвалась с громадным оглушительным треском. Всѣм звѣрям на удивленіе.

Причем были убиты три змѣи — всѣ сразу, что, быть может, и не является таким уж тяжелым фактом. И, к сожалѣнію, страус. Другіе же звѣри не пострадали. И, как говорится, только лишь отдѣлались испугом.

Из всѣх звѣрей наиболѣе всего была перепугана обезьяна, мартышка. Ея клѣтку опрокинуло воздушной волной. Эта клѣтка упала со своего возвышенія. Боковая стѣнка сломалась. И наша обезьяна выпала прямо на дорожку сада.

Она выпала на дорожку, но не осталась лежать неподвижной

по примѣру людей, привыкших к военным дѣйствіям. Наоборот. Она тотчас влѣзла на дерево. Оттуда прыгнула на забор. С забора на улицу. И, как угорѣлая, побѣжала.

Бѣжит и, навѣрно, думает: «нѣтъ, думает, если тут бомбы кидают, то я не согласна». И, значит, что есть силы бѣжит по улицам города. И до того быстро бѣжит — будто ее собаки за пятки хватают.

Пробѣжала она через весь город. Выбѣжала на шоссе. И бѣжит по этому шоссе прочь из города. Ну — обезьяна. Не человек. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться в этом городѣ.

Бѣжала, бѣжала и устала. Переутомилась. Влѣзла на дерево. Съѣла муху для подкрѣпленія сил. И еще пару червячков. И заснула на вѣткѣ, там, гдѣ сидѣла.

А в это время ѣхала по дорогѣ военная машина. Шофер увидѣлъ обезьяну на деревѣ. Удивился. Тихонько подкрался к ней. Накрыл ее своей шинелькой. И посадил в свою машину. Подумал: «Лучше я ее подарю каким-нибудь своим знакомым, чѣм она тут погибнет от голода, холода и других лишеній». И, значит, поѣхал вмѣстѣ с обезьяной.

Приѣхал в город Борисов. Пошел по своим служебным дѣлам. А маргышку в машинѣ оставил. Сказал ей:

— Подожди меня тут, милочка. Сейчас вернусь.

Но маргышка наша не стала ждать. Она вылѣзла из машины через разбитое стекло и пошла себѣ по улицам гулять.

И вот идет она, как миленькая, по улицѣ, гуляет, прохаживается, задеря хвост. Народ, конечно, удивляется, хочет ее поймать. Но поймать ее не так-то легко. Она живая, проворная, бѣгает быстро на своих четырех руках. Так что ее не поймали, а только замучили напрасной бѣготней.

Замучилась она, устала и, конечно, кушать захотѣла.

А в городѣ гдѣ она может покушать? На улицах ничего такого съѣдобнаго нѣтъ. Не может же она со своим хвостом в столовую зайти. Или в кооператив. Тѣм болѣе денег у нея нѣтъ. Скидки нѣтъ. Продуктовых карточек она не имѣет. Кошмар.

Все-таки она зашла в один кооператив. Почувствовала, что там что-то такое имѣется. А там отпускали населенію овощи — морковку, брюкву и огурцы.

Заскочила она в этот магазин. Видит — большая очередь. Нѣтъ, в очереди она не стала стоять. И не стала расталкивать людей, чтобы пробиться к прилавку. Она прямо по головам покупателей добѣжала до продавщицы. Вскочила на прилавок. Не спросила, почему стоит кило морковки. А просто схватила цѣлый пучок морковки. И, как говорится, была такова. Выбѣжала из магазина, довольная своей покупкой. Ну — обезьяна. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться без продовольствія.

Конечно, в магазинѣ шум произошел, гам, переполох. Публика закричала. Продавщица, которая вѣшала брюкву, та вообще

чуть в обморок не грохнулась от неожиданности. И действительно можно напугаться, если вдруг рядом, вмѣсто обычнаго, нормальнаго покупателя, скачет что-то такое мохнатое, с хвостом. И еще, вдобавок, денег не платит.

Публика бросилась за обезьяной на улицу. А та бѣжит и на ходу морковку жует, кушает. Не понимает, что к чему.

И вот впереди всѣх бѣгут мальчишки. За ними взрослые. А позади бѣжит милиционер и дует в свой свисток.

И вдруг, откуда ни возьмись, выскочила собака. И тоже погналась за нашей мартышкой. При этом, такая нахалка, не только тявкает и лает, а прямо-таки норовит схватить обезьяну своими зубами.

Наша мартышка побѣжала быстрѣй. Бѣжит и, навѣрно, думает: «Эх, думает, зря покинула зоосад. В клѣткѣ спокойнѣй дышится. Непремѣнно вернусь в зоосад при первой возможности».

И вот бѣжит она что есть мочи, но собака не отстает и вот-вот хочет ее схватить.

И тогда наша обезьяна вскочила на какой-то забор. И когда собака подпрыгнула, чтоб схватить мартышку хотя бы за ногу, та со всей своей силы ударила ее морковкой по носу. И до того больно ударила, что собака завизжала и побѣжала домой со своим разбитым носом. Навѣрно подумала: «Нѣт, граждане, лучше я буду дома спокойно лежать, чѣм ловить вам обезьяну и испытывать такіа пренепріятности».

Короче говоря, собака убѣжала, а наша обезьяна прыгнула во двор.

А во дворѣ в это время колот дрова один мальчик, подросток, нѣкто Алеша Попов.

Вот он колет дрова и вдруг видит обезьяну. А он очень любил обезьян. И всю свою жизнь мечтал имѣть при себѣ какую-нибудь такую обезьяну. И вдруг? — пожалуйста.

Алеша скинул с себя пиджачок и этим пиджачком накрыл мартышку, которая забилаь в угол на лѣстницѣ.

Мальчик принес ее домой. Накормил ее. Чаем напоил. И обезьяна была очень довольна. Но не совсем. Потому что Алешина бабушка сразу ее не взлюбила. Она накрѣчала на мартышку и даже хотѣла ударить ее по лапѣ. Все из-за того, что когда пили чай и бабушка положила свою откусанную конфету на блюдечко, обезьяна схватила эту бабушкину конфету и запихала ее в свой рот. Ну — обезьяна. Не человек. Тот если и возьмет что, так не на глазах же у бабушки. А эта прямо в присутствіи бабушки. И, конечно, довела ее чуть не до слез.

Бабушка сказала:

— Вообще это крайне непріятно, когда в квартирѣ живет какая-то макака с хвостом. Она будет меня пугать своим нечеловѣческим видом. Будет прыгать на меня в темнотѣ. Будет кушать мои конфеты. Нѣт, я категорически отказываюсь жить в одной квартирѣ с обезьяной. Кто нибудь из нас двоих должен находиться

в зоологическом саду. Неужели же непременно я должна перейти в зоологический сад. Нѣтъ, уж пусть лучше она находится там. А я буду продолжать жить в моей квартирѣ.

Алеша сказал бабушкѣ:

— Нѣтъ, бабушка, вам не надо переходить в зоологический сад. Я вам гарантирую, что маргышка больше ничего у вас не съѣст. Я ее воспитаю как человекѣ. Я научу ее кушать с ложечки. И пить чай из стакана. Что касается прыжков, то не могу же я запретить ей лазать на лампу, которая висит на потолкѣ. Оттуда, конечно, она может прыгнуть вам на голову. Но вы, главное, не пугайтесь, если это произойдет. Потому что это всего лишь безобидная обезьяна, привыкшая в Африкѣ прыгать и скакать.

На другой день Алеша ушел в школу. И попросил свою бабушку присмотрѣть за обезьяной. Но бабушка не стала за ней смотрѣть. Она подумала: «Вот еще, стану я смотрѣть за всяким чудовищем». И с этими мыслями бабушка взяла и нарочно заснула в креслѣ.

И тогда наша обезьяна вылѣзла через открытую форточку на улицу. И пошла себѣ по солнечной сторонѣ. Неизвѣстно — может быть, она прогуляться хотѣла, но может быть, и рѣшила снова заглянуть в магазин, чтоб там что-нибудь себѣ купить. Не на деньги, а так.

А по улицѣ проходил в это время один старик. Инвалид Гаврилыч. Он шел в баню. И в руках нес небольшую корзинку, в которой лежало мыло и бѣлье.

Он увидѣлъ обезьяну и сначала даже не повѣрил своим глазам, что это обезьяна. Он подумал, что это ему показалось, поскольку перед этим он выпил кружку пива.

Вот он с удивленіем смотрит на обезьяну. И та на него смотрит. Может быть, думает: «Это еще что за чучело с корзинкой в руках».

Наконец Гаврилыч понял, что это настоящая обезьяна, а не воображаемая. И тогда он подумал: «Дай-ка я ее словлю. Отнесу завтра на рынок и там продам ее за сто рублей. И на эти деньги подряд выпью десять кружек пива». И с этими мыслями Гаврилыч стал ловить обезьяну, приговаривая:

— Кыс, кыс, кыс... подойди сюда.

Нѣтъ, он знал, что это не кошка, но он не понимал, на каком языкѣ с ней надо разговаривать. И только потом сообразил, что это высшее существо из міри звѣрей. И тогда он вытащил из кармана кусочек сахара, показал его обезьянѣ и сказал ей, поклонившись:

— Красавица маргышка, не желаете ли скушать кусочек сахара.

Та говорит: «Пожалуйста, желаю»... То есть вообще-то она ничего не сказала, потому что она говорить не умѣет. Но она просто подошла, схватила этот кусочек сахара и стала его кушать.

Гаврилыч взял ее на руки и посадил в свою корзинку. А в

корзинкѣ было тепло и уютно. И наша мартышка не стала оттуда выскакивать. Быть может, она подумала: «Пусть этот старый пень понесет меня в своей корзинкѣ. Это даже интересно».

Сначала Гаврилыч думал отнести ее домой. Но потом ему не захотѣлось домой возвращаться. И он пошел с обезьянкой в баню. Подумал: «Еще и лучше, что я с ней в баню схожу. Я там ее вымою. Она будет чистенькая, пріятенькая. На шею я ей бантик привяжу. И мнѣ за нее на рынкѣ дорожке дадут».

И вот он со своей мартышкой пришел в баню. И стал с нею мыться.

А в банѣ было очень тепло, жарко — прямо как в Африкѣ. И наша мартышка была очень довольна такой теплой атмосферой. Но не совсѣм. Потому что Гаврилыч намылил ее мылом, и мыло попало в рот. Конечно, это невкусно, но уж не настолько, чтоб кричать, царапаться и отказываться мыться. В общем, наша мартышка стала плевать, но тут мыло попало ей в глаз. И от этого мартышка совершенно обезумѣла. Она укусила Гаврилыча за палец, вырвалась из его рук и, как угорѣлая, выскочила из бани.

Она выскочила в ту комнату, гдѣ раздѣвались люди. И там она всѣх перелугала. Никто же не знал, что это обезьяна. Видят — выскочило что-то такое круглое, бѣлое, в пѣнѣ. Кинулось сначала на диван. Потом на печку. С печки на ящик. С ящика кому-то на голову. И снова на печку.

Нѣкоторые нервные посетители закричали и стали выбѣгать из бани. И наша обезьяна тоже выбѣжала. И спустилась вниз по лѣстницѣ.

А там внизу находилась касса с окошечком. Обезьяна прыгнула в это окошечко, думая, что там ей будет покойнѣе и, главное, не будет такой суетни и толкотни. Но в кассѣ сидѣла толстая кассирша, которая ахнула и завизжала. И выбѣжала из кассы с криком:

— Караул! Кажется бомба попала в мою кассу. Накапайте мнѣ валеріанки.

Нашей мартышкѣ надоѣли всѣ эти крики. Она выскочила из кассы и побѣжала по улицѣ.

И вот бѣжит она по улицѣ, вся мокрая, в мыльной пѣнѣ. А за ней снова бѣгут люди. Впереди всѣх мальчишки. За ними взрослые. За взрослыми милиціонер. А за милиціонером наш престарѣлый Гаврилыч, кое-как одѣтый, с сапогами в руках.

Но тут снова, откуда ни возьмись, выскочила собака, та самая, которая вчера за ней гналась.

Увидѣв ее, наша мартышка подумала: «Ну, теперь, граждане, я окончательно пропала».

Но собака на этот раз не погналась за ней. Собака только посмотрѣла на бѣгущую обезьяну, почувствовала сильную боль в носу и не побѣжала, даже отвернулась. Навѣрно подумала: «Носов не напасешься — бѣгать за обезьянами». И хотя отвернулась, но сердито залаяла — дескать, бѣги, но чувствуй, что я тут.

А в это время наш мальчик, Алеша Попов, вернувшись из школы, не нашел дома своей любимой обезьянки. Он очень огорчился. И даже слезы показались на его глазах. Он подумал, что теперь уже никогда больше он не увидит своей славной, обожаемой обезьянки.

И вот от скуки и грусти он вышел на улицу. Идет по улицѣ меланхолической такой. И вдруг видит — бѣгут люди. Нѣтъ, сначала он не подумал, что они бѣгут за его обезьяной. Он подумал, что они бѣгут благодаря воздушной тревогѣ. Но тут он увидѣл свою обезьяну, всю мокрую, в мыльѣ. Он бросился к ней. Схватил ее на руки. И прижал к себѣ, чтоб никому ее не отдавать.

И тогда всѣ бѣгущіе люди остановились и окружили мальчика.

Но тут из толпы вышел престарѣлый Гаврилыч. И, всѣм показывая свой укушенный палец, сказал:

— Граждане, не велите этому парнишкѣ брать на руки мою обезьяну, которую я завтра хочу продать на рынкѣ. Это же моя собственная обезьяна, которая укусила меня за палец. Взгляните всѣ на этот мой распухшій палец. И это есть доказательство того, что я говорю правду.

Мальчик Алеша Попов сказал:

— Нѣтъ, эта обезьяна не его, это моя обезьяна. Видите, с какой охотой она пошла ко мнѣ на руки. И это тоже доказательство того, что я говорю правду.

Но тут из толпы выходит еще один человек — тот самый шофер, который привез обезьяну в своей машинѣ. Он говорит:

— Нѣтъ, это не ваша обезьяна. Это моя мартышка, потому что я ее привез. Но я снова уѣзжаю в свою воинскую часть, и поэтому я подарю обезьяну тому, кто ее так любовно держит в своих руках, а не тому, кто хочет ее безжалостно продать ради своей выпивки. Обезьяна принадлежит мальчику.

И тут вся публика захлопала в ладоши. И Алеша Попов, сияющій от счастья, еще крѣпче прижал к себѣ обезьяну. И торжественно понес ее домой.

Гаврилыч же со своим укушенным пальцем пошел в баню думываться.

И вот с тѣх пор обезьяна стала жить у мальчика Алеши Попова. Она и сейчас у него живет. Недавно я ѣздил в город Борисов. И нарочно зашел к Алешѣ — посмотреть, как там она у него живет. О, она хорошо живет. Она никуда не убѣгает. Стала очень послушной. Нос вытирает платком. И чужих конфет не берет. Так что бабушка очень теперь довольна, не сердится на нее и уж больше не хочет переходить в зоологическій сад.

Когда я вошел в комнату к Алешѣ, обезьяна сидѣла за столом. Она сидѣла важная такая, как кассирша в кино. И чайной ложечкой кушала рисовую кашу.

Алеша сказал мнѣ:

— Я воспитал ее как человекѣка, и теперь всѣ дѣти и даже отчасти взрослые могут брать с нея примѣр.

ФОТОКАРТОЧКА

В этом году мнѣ понадобилась фотокарточка для пропуска. Не знаю, как в других странах, а у нас на периферіи заснять на карточку не является простым обыкновенным дѣлом.

У нас имѣется одна художественная фотографія. Но она помимо отдѣльных граждан снимает еще группы и мѣропріятія. И, может быть, поэтому слишком долго приходится ждать полученія своих заказов.

Так что, являясь скорѣй отдѣльным лицом, чѣм группой или мѣропріятіем, я побезпокоился заранѣе и заснялся за два мѣсяца до срока.

Когда мнѣ подали мои фотокарточки, я удивился, как непохоже я вышел. Передо мной был престарелый субъект совершенно неинтересной наружности.

Я сказал той, которая подала мнѣ карточки:

— Зачѣм же вы так людей снимаете? Глядите, какие полосы и морщины проходят сквозь все лицо.

Та говорит:

— Обыкновенно снято. Только надо учесть, что у нас ретушер на бюллетенѣ. Некому замазывать дефекты вашей нефотогеничной наружности.

Фотограф, находясь за портьерой, говорит:

— А чѣм он там еще недоволен?

Я говорю:

— Неважно сняли, уважаемый. Изуродовали. Развѣ ж я такой?

Фотограф говорит:

— Я опереточных артистов снимаю, и то они нисколько не обижаются. А тут нашелся один такой — морщин ему много... Объектив берет слишком рѣзко, рельефно... Не знаете техники, а тоже суетесь быть критиком.

Я говорю:

— На что ж мнѣ рельеф на моем лицѣ — войдите в положеніе. Мнѣ бы, говорю, просто сняться, как я есть. Чтоб было на что глядѣть.

Фотограф говорит:

— Ах, ему еще глядѣть нужно. Его же сняли, и он еще на это глядѣть хочет. Капризничает в такое время. Дефекты видит... Нѣтъ, я жалѣю, что я так прилично снял. В другой раз я вас так сниму, что вы со стоном на карточки взглянете.

Нѣтъ, я не стал с ним спорить. Неважно, думаю, какая фотокарточка на пропускѣ. И так все видят, какой я есть.

И с этими мыслями являюсь в отдѣленіе. Сержант милиціи стал лѣпить карточку на мой пропуск. Послѣ говорит:

— По-моему, на карточкѣ это не вы.

— Гдѣ же, говорю, не я. Увѣряю вас, это я. Спросите фотографа. Он подтвердит.

— Всякій раз фотографа спрашивать это что и будет. Нѣтъ, я хочу на карточкѣ видѣть данное лицо, без вызова фотографа. А тут я наблюдаю совсѣм не то. Какой-то больной сыпным тифом. Даже щек нѣтъ. Пойдите переснимитесь.

— Товарищ, говорю, начальник, войдите в положеніе...

— Нѣтъ, нѣтъ, говорит, и слышать ничего не хочу. Переснимитесь.

Бѣгу в фотографію. Говорю фотографу:

— Видите, как слабо снимаете. Не клеивает вашу продукцію.

Фотограф говорит:

— Продукція самая нормальная. Но, конечно, надо учесть, что для вас мы не засвѣтили полную иллюминацію. Снимали при одной лампочкѣ. И через это тѣни упали на ваше лицо, затемнили его. Однако, не настолько они его затемнили, чтоб ничего не видеть. Эвон как уши у вас прилично вышли.

— Ну, хорошо, говорю, уши. А щеки, говорю, гдѣ? Уж щечки-то, говорю, должны быть, как принадлежность человѣческаго лица.

Фотограф говорит:

— Не знаю. Ваших щек мы не трогали. У нас свои есть.

— Тогда, говорю, гдѣ же они, мои щеки? Я, говорю, двѣ недѣли провел в домѣ отдыха. Четыре кило веса прибавил. А вы тут одной своей съемкой чорт знает что со мной сдѣлали.

Фотограф говорит:

— Да что я себѣ взял ваши щеки, что ли? Кажется, вам ясно говорят — затемненіе упало на них. И через то они не получились.

Я говорю:

— А как же тогда без щек?

— А, говорит, как хотите. Переснимать не буду. Всѣх переснимать — это я преміи лишусь и плана не выполню. А мнѣ план дороже вашей нефотогеничной физиономіи.

Посѣтители говорят мнѣ:

— Не нервнируйте фотографа. А то он еще хуже будет людей снимать.

Один из посѣтителей говорит мнѣ:

— Уважаемый, бѣгите на рынок. Там фотограф «Пушкой» снимает.

Бѣгу на рынок. Нахожу фотографа. Тот говорит:

— Нѣтъ, я снимаю только со своей бумагой. Без бумаги лучше не являйтесь ко мнѣ, все равно снимать не буду. А с бумагой сниму. И если у вас есть перина — тоже сниму. Ко мнѣ тетя из Барнаула прѣехала — ей спать не на чем.

Я было хотѣлъ уйти, но тут слышу какой-то продавец меня к себѣ кличет. Говорит:

— Давай подходи к моему магазину. Имѣю готовую продукцію.

Смотрю, у него на газетѣ разложены всякія разныя готовые фотокарточки. Их штук триста.

Продавецъ говоритъ:

— Выбирай себѣ любую и дѣлай с ней, что хочешь. Хоть на лоб себѣ наклеивай. Погоди, дай я тебѣ сам подберу. Тебѣ какъ — по размѣрам или по сходству?

— По сходству, говорю. Только, говорю, выбирай такую, чтоб щеки были.

Тотъ говоритъ:

— Можно и со щеками. Но только они будутъ дороже на пять рублей... На, прими вот эту фотокарточку. Лучше ее не найти. И щеки есть и нельзя сказать, чтоб сходство начисто отсутствовало.

Я заплатил тридцать рублей за двѣ фотокарточки и пошел в отдѣленіе.

Сержантъ милиціи стал дѣлать мою карточку. Послѣ говоритъ:

— Такъ вѣдь это ж баба.

— Гдѣ же, говорю, баба. Мужчина в пиджакѣ.

Сержантъ говоритъ:

— Гдѣ же к чорту мужчина, если у него на груди брошка. Через эту брошку я и замѣчаю, что это баба.

Поглядѣлъ я на фотокарточку — вижу, дѣйствительно женщина. Маркизетовая кофточка под пиджакомъ. На груди брошка с лейзажемъ. А прическа мужская. И щеки мои.

Сержантъ говоритъ:

— Явитесь сюда с настоящими карточками. Но если вы еще раз предъявите мнѣ женскую или дѣтскую фотокарточку, то вряд ли вы отсюда выйдете, поскольку у меня мелькаютъ подозрѣнія, что вы хотите скрыться под чужой наружностью.

Цѣлую недѣлю я провел, как в туманѣ. Хлопотал, гдѣ бы сняться. На восьмой день, бесѣдая с фотографомъ, я почувствовал себя худо. И тогда они вынесли меня в сад и положили на траву, чтоб там меня овѣялъ свѣжій воздухъ. Придя в себя, я пошел в отдѣленіе. Положил на стол свои первые фотокарточки без щек и сказал сержанту:

— Вот все, что я имѣю, товарищъ начальник. И больше ничего не предвидится.

Сержантъ поглядѣлъ на карточки, потом на меня и говоритъ:

— Вот теперь ничего себѣ получилось. Похожи.

Я хотѣлъ сказать, что я и не переснимался вовсе. Послѣ взглянул на себя в зеркало — дѣйствительно, вижу, есть теперь нѣкоторое сходство. Получилось.

Сержантъ говоритъ:

— И хотя на карточкѣ вы немного болѣе облѣзлый, чѣм на

самом дѣлѣ, но, говорит, я так думаю, что через год вы сравняетесь.

Я говорю:

— Я раньше сравниюсь поскольку мнѣ нужно еще сниматься для проѣздного документа, для членскаго билета и для посылки фотокарточек моим родственникам.

Тут сержант наклеил мою фотокарточку и горячо поздравил меня с полученіем пропуска.

ИЗ КНИГИ «ЗЕМЛЯ»

Повстрѣчали гармониста
На окраинѣ села...
Вдруг тальянка серебристо
Тишину разорвала.
Парни с пѣсней, рядами,
По четыре, по три в ряд:
— Эй, пошли, дѣвчата, с нами! —
Только дѣвушки молчат.
Парни вправо — дѣвки влѣво.
Парни взад — онѣ вперед.
Но бойчѣй звенят напѣвы,
Вся деревня уж поет.
Под Андрееву двухрядку
По саратовски поют.
Вот и дѣвушки украдкой
Гармонисту знак дают:
Знай, мол, Ваня, ширь-бары,
На кадрили настрой лады! —
Закружились вихрем пары,
И деревья и сады...
Юбки, кофточка, узоры,
Полушалки, кружева,
Смѣх, улыбки, лица, взоры,
Ух! Кружится голова.
А всего, всего чудеснѣй —
Звуков сладостный полет.
Разнозвонной русской пѣсней
Все без умолку поет.

— На окошкѣ два цвѣточка,
Голубой да аленькій;
Мой миленочек красивый,
Только ростом маленькій —
— Вѣйся, вѣйся, развѣвайся!
В правой ручкѣ, тросточка;
Не ходи, духанька, замуж,

Жди меня, подросточка. —
 — Елочка, сосеночка,
 Колючая — боюсь я;
 Молоденька дѣвченочка,
 С тобою разстаюся я. —
 — Коля, Коля, Николай,
 Коля-Николушечка;
 Кому Коля — негодяй,
 Мнѣ — дѣвченкѣ — душечка! —
 — Поиграйте, поиграйте,
 Хорошо играете:
 Ваше сердце на покоѣ,
 Про мое не знаете. —
 — Не ругай меня, мамаша,
 Что я поздно прихожу;
 Я послѣдній год гуляю,
 Скоро замуж выхожу. —
 — Ты играй, играй, двухрядка,
 Только не подыгрывай;
 Ты, прѣзжій гармонист,
 Со мною не заигрывай. —
 — Ох, тоненькій, тоненькій
 На рѣченькѣ ледок!
 Ох, легонькой, легонькой
 У дѣвушек умок! —
 — Балалаечка, звени,
 Звени-звени, позванивай;
 Да не в шуточку звени,
 Подарочки выманивай. —
 — Хулиган мальчишка я,
 Гонят дѣвушки меня;
 Любят только вдовушки,
 Отчаянны головушки. —
 — Голубой платок линияет
 На моей головушкѣ;
 Мой миленочек страдает
 На чужой сторонущкѣ. —
 — Неужели в самом дѣлѣ
 Пожелтѣл зеленый сад?
 Неужели в самом дѣлѣ
 Хочет милочка бросать? —
 — Скоро, скоро Троица,
 Березки понакроются;
 Милый вспомнит, поцѣлует
 Сердце успокоится. —
 — Я, дѣвченочка, богата:
 Три колечка, двѣ косы;
 Цѣловал меня усатый —
 Попадали в рот усы. —

— Я не сам ворота мазал --
Мазала мазилочка;
Я не сам губил дѣвченку —
Помогла бутылочка. —
— В полѣ цвѣтики цвѣтут,
Алые цвѣточки;
Скоро годжки идут,
Юные годочки. —
— Не ходите, дѣвки, замуж:
Замужем не весело;
Я на что была веселой,
Голову повѣсила. —
— Василечек, Василечек,
В полѣ цвѣтик василек;
Ты такой-же синеокой,
Вася, Вася, Василек. —
— Сядем, миленькій, побоем,
Щец горячих похлебаем;
Друг на друга поглядим,
Будто меду поѣдим. —
— На окошечкѣ бутылочка
Ничѣм не налита;
Я, молоденька дѣвченочка,
Ничѣм не занята. —
— Думал уточку убить,
Сѣрая закрикала;
Думал дѣвушку забыть,
Бѣдная заплакала. —
— Милый — роза, милый — роза,
Милый — роза чайная;
При тебѣ сижу веселой,
Без тебя — печальная...

То не вѣтер по над кленами,
Не вѣтер вдаль плывет,
То молодость зеленая
Поет, поет, поет...

«СТИХИ О ПЕТЕРБУРГѢ»

Печатаемые ниже стихотворения, предоставленные редакци
Г. П. Струве, принадлежат перу одной советской поэтессы.

ПАВЛОВСК

На бѣлыя рѣсницы маргариток
Легла роса: цвѣт снѣга и колонн.
Двѣнадцати аллея песчаный свиток
Развернут вширь. Здѣсь правит Аполлон.

И желтизна дворцовых стѣн — как осень,
Как маргариток желтенькій глазок.
Нам отдых дан. Мы большего не просим.
На солнечных часах нам выйдет срок.

Недвижен Павел, озирая службы.
Гдѣ гонг сзывает граждан на обѣд.
О, милый Павловск, храм нетлѣнной дружбы —
С той родиной, которой больше нѣтъ.

ФЕЛЬТЕН *)

С глухой конюшни крик истошный,
Французскій говор в свистѣ пург —
Екатерининскій, роскошный,
Тяжеловѣсный Петербург.

Но в полукругах ломких линий.
В крутых извилах — (путь огня!) —
Она, смотри, цѣла донынѣ,
Прямая линия твоя.

Дубы Петра сухой и четкій
Плѣнил навѣки твой чугуи;
Высокій строй твоей рѣшетки —
Как плѣни гранитных струи...

*) Юрій Фельтен (1730-1801), русскій архитектор, директор Академии Художеств, сподвижник Растрелли.

Какой судьбой — никто не скажет
И меньше всех, быть может, ты —
Но всходят стѣны Эрмитажа,
Геометрически просты.

Колокола и окна — нѣмы,
Но церковь — нѣтъ, я не могу:
Она лѣпною теоремой,
Голубкой стынет на снѣгу...

И пусть Невы разбита дельта
На планах вдоль и поперек:
Краеугольным камнем Фельтен
В той стройке бѣшеной залег.

Т Ю Т Ч Е В

ЖИЗНЬ И СУДЬБА.

(К 75-лѣтію кончины).

Тютчевъ

...«Как звѣзды ясныя в ночи». Это стихи Тютчева. Да, звѣзды. «Любуйся ими — и молчи». Но стихи рождены жизнью. Тютчевскіе стихи и особенно изошли из его жизни и судьбы. Может быть, сама жизнь эта есть нѣкое художественное произведение?

Ея начало озарено почти волшебю: роскошный дом имѣнія Овстуг (Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи). Изящный, ласковый мальчик, очень одаренный, баловень матери. В домѣ смѣсь духа православнаго с французскими вліяніями. — Так и всегда было в барствѣ русском. Говорили в семьѣ по-французски, а у себя в комнатѣ Екатерина Львовна, мать поэта (урожденная графиня Толстая), читала церковно-славянскіе часословы, молитвенники. псалтыри.

«Юный принц» возрастал привольно. Учился, но нельзя сказать, чтобы умучивался трудом — навсегда осталось широкое, вольготное отношеніе к работѣ.

Если уж говорить о дарах судьбы, удачах ранняго его дѣтства, то это будут двѣ фигуры, по крови ему не родственныя, но принявшія на свои руки его младенчество, юность: дядька и учитель. Хлопов и Раич.

Нѣкогда крѣпостной Татищева, а затѣм отпущенный, Николай Афанасьевич Хлопов поступил на службу к отцу поэта. Был грамотный, богомольный, разсудительный человекъ. Пользовался полным довѣріем и уваженіемъ хозяев. Мальчику исполнилось четыре года, когда попал он в руки Николая Афанасьича — и долго продолжалась дружба, очень нѣжная, между барченкомъ — позже дипломатом, поэтом — и полу-рабом. За нѣсколько лѣтъ до смерти с волненіемъ вспоминает Тютчев, в письмѣ к брату, о дѣтски-восторженной привязанности своей к Николаю Афанасьевичу.

Явное дѣло: всѣ позднія его «бѣдныя селенья», «смиренная нагота» Россіи были даны уже с дѣтства, почти с колыбели в обликѣ эгом. Николай Афанасьевич Хлопов есть просто сама народная и православная Россія, приблизившаяся к ребенку идохнувшая на него всей кротостію и простотой своей.

Семен Егорович Раич тоже была Россія, но Россія высоко просвѣщенная. Не в себѣ лишь замкнутая, а в даровитости своей вбирающая весь мір — поэзіи и культуры. Учитель не из обычныхъ. Брат митрополита Филарета Кіевскаго, ученый, отчасти и сам поэт. Человекъ возвышенной настроенности, безкорыстный, склонный к энтузіазму. Рим, Италія, вот что влекло его. Переводилъ Виргилія, Тассо, Аріосто. Через него Тютчевъ с отрочества полюбил горизонты болѣе далекіе, чѣм Овстуг, Брянск и Орел. Раичъ сдѣлал из него отличнаго латиниста — и уж вот четырнадцати лѣтъ, за переводъ в стихахъ из Горація, он становится членом Общества Любителей Россійской Словесности в Москвѣ. Какой успѣх! Какой триумфъ дома, у себя — первый и, кажется, послѣдній, в литературной жизни Тютчева.

В тѣ времена счетъ годовъ шел быстрѣе: пятнадцатилѣтній мальчикъ, с блестящими, правда, способностями, готовился ко вступленію в Университетъ (Московскій). И вот первая встрѣча, тоже отчасти волшебная, с настоящимъ, уже знаменитымъ поэтомъ: отецъ повел его в Кремль, представлять Жуковскому.

«Малый дворъ», двор Великаго Князя Николая Павловича находился тогда (в 1818 г.) в Москвѣ. Жуковскій при немъ также. Тютчевы попали в Кремль какъ разъ в минуту, когда у В. Кн. Александры Федоровны родился сын, будущій Императоръ Александръ II. Палили пушки, гудѣли колокола. Жуковскій с бокалом шампанскаго, какъ близкій к царской семьѣ человекъ, из окна Чудова монастыря поздравлялъ народъ. На молоденькаго поэта это

произвело такое впечатлѣніе, что чрезъ пятьдесятъ пять лѣтъ, полу в параличѣ, пытался онъ вспомнить в стихахъ это раннее утро, «смирненную» келію «незабвеннаго Жуковскаго» в Чудовомъ монастырѣ, гулъ колоколовъ и салюты.

А тогда все еще было для него впереди: отлично учился, могъ какъ равный разсуждать о литературѣ с Мерзляковымъ, выѣзжалъ в свѣтъ и уже начиналъ безконечную, сложную и драматическую исторію своего сердца, своихъ влюбленностей.

В 1821 году Университетъ оконченъ, в февралѣ 22-го онъ уже в Петербургѣ, служитъ в Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а в іюнѣ графъ Осерман-Толстой, родственникъ матери, увозитъ его в своей каретѣ за границу. Устраиваетъ сверхштатнымъ чиновникомъ нашей миссіи в Мюнхенѣ. В той-же каретѣ, на козлахъ, уѣзжалъ с молодымъ бариномъ домашній ларъ Тютчевыхъ, Николай Афанасьевичъ Хлоповъ: Россія шла за поэтомъ на западъ.

И пришла прочно, вселилась в нѣмецкой квартирѣ Тютчева в Мюнхенѣ. Пока служилъ онъ в миссіи, писалъ незрѣлые еще стихи и занимался романами, Николай Афанасьевичъ велъ хозяйство, былъ самъ и поваромъ, и опекуномъ. Готовилъ русскія блюда, удивляя иностранныхъ гостей, для себя устроилъ особый московско-православный уголъ с иконами и лампадкама — с нимъ явился в Мюнхенѣ тотъ русскій языкъ, котораго, кромѣ какъ у Хлопова, ни у кого тамъ не было — біографъ можетъ дивиться, какъ это удалось Тютчеву такъ сохранить свою русскость и языкъ: но у Пушкина была няня, у Тютчева дядька.

Николай Афанасьевичъ переписывался из Мюнхена с Екатериной Львовной — разсказывалъ ей о сынѣ, который писалъ домой лѣниво, рѣдко. К сожалѣнію, письма Хлопова не сохранились. Только об одномъ осталась семейная память: оно касается юной графини Амаліи Максимиліановны Лерхсфельдъ. («Я помню время золотое...»). Дядька сердито докладывалъ, что «Федоръ Иванычъ изволили обмѣняться с нею часовыми цѣпочками и вмѣсто своей золотой получили в обмѣнъ только шелковую».

Онъ прожилъ с поэтомъ до самой его женитьбы, в 1826 году, а потомъ уѣхалъ в Россію и черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ, в домѣ Тютчевыхъ-же. Воспитаннику завѣщалъ замѣчательную Феодоровскую Икону Божіей Матери — все придумалъ самъ: по четыремъ угламъ иконы изображенія святыхъ, чьи дни знаменательны в жизни Тютчева. Напримѣръ, в верхнемъ углу Апостолъ Варѣоломей и надпись — день отъѣзда в Баварію (11 іюня 1822, день св. Варѣоломея). На Преподобнаго Макарія выпадаетъ какая-то таинственная исторія в Мюнхенѣ. Николай Афанасьевичъ надписалъ: «Генваря 19-го, 1825 года Федоръ Иванычъ долженъ помнить, что случилось в Минхинѣ отъ его нескромности и какая грозила опасность». Но в слѣдующемъ углу св. Евфимій Великій с изъясненіемъ: «20 Генваря, т. е. на другой-же день все кончилось благополучно». А всему образу «Празднество Февраля 5-го; в сей день мы с Федоромъ Ивановичемъ пріѣхали в Петербургъ, гдѣ онъ вступилъ в службу».

И еще одна надпись, тоже на задней сторонѣ иконы, посрединѣ: «В память моей искренней любви и усердія к моему другу Федору Ивановичу Тютчеву».

Икона священо хранилась у поэта, в кабинетѣ его, до самой кончины. «Моему другу, Федору Ивановичу Тютчеву»...

**

Роман с Амаліей Лерхенфельд, от котораго в литературѣ осталась драгоцѣнность, в жизни Тютчева крупно не отозвался, ни Амалію Максимиліановну (которой было шестнадцать лѣтъ), ни его самого не сломил. Все это было очень юно и невинно. Ничего рѣшительнаго не случилось, все само собою растаяло и испарилось, добрыя-же отношенія остались навсегда. Амалія Максимиліановна вышла замуж, сначала за барона Крюднера, потом за графа Адлерберга. Жила в Россіи, всегда Тютчеву была союзною державой. Это она привезла стихи его в Петербург в 36 году, она-же хлопотала за него позже пред правительством — через Бенкендорфа. А совѣм поздно, за три года до своей кончины, встрѣтив ее в Карлсбадѣ уже немолодой женщиной, Тютчев написал ей нѣжные, не столь прославленные, как ранніе, все-же хорошіе стихи. («...И то-же в вас очарованье, и та-ж в душѣ моей любовь»).

В 1826 году он женился в Мюнхенѣ на г-жѣ Петерсон, урожденной графинѣ Ботмер, «представительницѣ старѣйшей баварской аристократіи». Это уже судьба — двѣнадцать лѣтъ жизни вмѣстѣ, три дочери, радость и горе, драмы и ревность (ревновали всегда Тютчева, его, а не он — участь в этом иная, чѣм Пушкина). Как и Амалія Максимиліановна, Эмилиа Элеонора была красавица, видимо, и вообще очаровательная женщина, пылкаго характера и сильных чувств. Его-же, кромѣ нея, привлекали и другія. Он вообще, по природѣ своей, не мог быть вѣрен — в разных обликах являлось ему «вѣчно-женственное» и прельщало. Привело-же это в мюнхенской жизни, к тому, что однажды Эмилиа Элеонора пыталась на улицѣ заколоться кинжалом. (Он сам признавался, что любит она его так, как «ни один человекъ не был любим другим»). Удивительна и в самом Тютчевѣ сила чувства и переживанія, несмотря на разсѣянный, как бы вѣрообразный эрос: когда в 1838 году Эмилиа-Элеонора умерла, он посѣдѣл в одну ночь от потрясенія. Но в это-же время любил и другую, будущую свою вторую жену, тоже любовью трудной и драматической.

Эта другая была тоже германскаго происхожденія, тоже аристократка, тоже вдова и тоже на четыре года старше его — баронесса Эрнестина Феодоровна Дёрнберг-Пфеффель.

В 1837 г. Тютчев получил повышеніе по службѣ — его назначили в Турин, старшим секретарем посольства нашего при Сардинском дворѣ. Жена, Эмилиа-Элеонора, уѣзжала в Россію.

он оставался один. Весной 1838 года она возвращалась из Петербурга на том самом «Николаѣ I-м», на котором плыл юный Тургенев. Близ Любека на пароходѣ начался ночью пожар, недалеко от берега он и затонул. Эмилія Тютчева с тремя дѣтьми мужественно вела себя на палубѣ, успокаивала дѣтей, стоя у трапа, гдѣ внизу, сбоку бушевало пламя — они дожидались очереди спуститься в лодку. В этом показала себя много выше Тургенева. Но была уже здоровьем надломлена, возвращалась домой на новыя тягости с мужем, потрясеніе первое на морѣ всетаки было большое — это ее и скосило. Тою-же осенью Жуковскій, тогда сопровождавшій наслѣдника, встрѣтился в Комо с Тютчевым (позже — и на генуэзской Ривьерѣ, в Кіавари). Отозвался о нем так: «необыкновенно гениальный и весьма добродушный человек, мнѣ по сердцу» — их пути всегда сходились, — но был удивлен, что вот так убивается он по умершей, «а говорят, любит другую». Не только «говорят», но на Эрнестинѣ Федоровнѣ Дёрнберг Тютчев довольно скоро и женился. По службѣ это обошлось ему дорого.

Он тогда жил в Туринѣ. Вънчаться приходилось в Швейцаріи. Посланник отсутствовал, по лѣтнему времени дѣл никаких, с браком по опредѣленной причинѣ надо спѣшить — Тютчев поступил рѣшительно: не дожидаясь отпуска запер посольство и самовольно уѣхал в Швейцарію.

Обвѣнчался благополучно и во время. Но службы лишился. Его просто уволили.

**
*

Не надо думать, что его мюнхенская жизнь только и заключалась в дѣлах любви. Этот блестящій, высокообразованный молодой человек, по портрету нѣчто вродѣ юнаго Гёте, в тогдашняго покроя сюртукѣ, высоких воротничках и галстукѣ, с огромным лбом, прекрасными глазами и правильно вьющимися кудрями много сил отдавал и другому: литературѣ, философіи. Общенье его — с людьми высокой марки. Шеллинг считал его «достойным собесѣдником» (.«ein sehr ausgezeichnete Mensch, ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man sich immer gerne unterhält») — Шеллинг был тогда профессором Мюнхенскаго Университета и Тютчев, хорошо освѣдомленный в германской философіи, не только с ним бесѣдовал, но и спорил — обладая, очевидно, равносильным вооруженіем — негнчал в особенностях по православной линіи.

В поэзіи Гёте и Шиллер были близки ему, лично сошелся он с Гейне — по сближающей чертѣ романтизма. И не только встрѣчался, но и переводил из него — первые переводы Гейне на русскій принадлежат Тютчеву. (Тютчев болѣе зрѣлый и Гейне поздній мало, конечно, совмѣстимы, но в мюнхенскія времена это не удивляет).

Главное-же, начинал писать сам, и как слѣдует. В началѣ двадцатых годов это еще «юношеское», но среди другого прекрасный перевод шиллеровской «Пѣсни радости» — через шестьдесят лѣтъ знаменитый гимн этот в тютчевском одѣяніи переселится в «Братьев Карамазовых». Есть и из Гейне, но Лермонтов сосною своей затмил тютчевскій кедр.

Рожденіе Тютчева — великаго лирика — 1828-30 гг.: «Видѣніе», «Сон на морѣ» и другія вещи. Теперь явился в литературѣ нашей уже не ученик Раича, хотя бы и член Общества Любителей Словесности, а ни на кого, ни на что непохожій истинный и огромный поэт — в прозрѣніях природы, космоса, сердца, как и в напѣвах стиха далеко опередившій свое время.

Загадочна его художественная судьба.

«Молчи, скрывайся и таи
«И чувства, и мечты свои...»

Вот заповѣдь, от которой не отступил он ни на шаг. Так скрывать, так таить все свое самое драгоценное уж не знаю кто мог бы. Всматриваясь в его жизнь поражаешься: но как-же сам он относился к своему дѣлу? Да, писал, в великой непосредственности, почти ссннамбулической, всегда в дыханіи поэзіи, волшебнo преображая чувства, мысли... Что тут высокое творчество, сомнѣній нѣтъ. Но почему такая уж предѣльная от *всѣх* замкнутость? Себѣ и Богу? Художнику это чувство знакомо: Ты, Всевышній, судья мой. В Твоей вѣчности слабый мой голос, малаго Твоего созданія, войдет, может быть, нѣкоей искрой в неглубинный мір и сохранится, хотя я и писал это *для себя*. Это понятно. Но не все в этом. Художник вѣдь *человѣкъ*. Он живет среди братьев, своих, и другой своей стороною, обращенной к людям стремится внѣдрить в них созданіе свое. Кто из писателей не желает распространенія своего слова? Сколько драм из за трудности дойти до читателя! Не одно тут тщеславіе: всякій, кто отдал жизнь литературѣ, считает свое дѣло важным, а, значит, *ждушим* отвѣтнаго воспріятія.

Поэт тютчевскаго размѣра неужто не сознавал, что его дѣло, хоть тихо и уединенно, но огромнѣйшей важности? Слѣдя за днями его, получаешь впечатлѣніе: дипломат, философ, даже политик, утонченно трепетный человек, отзывающійся и на мір, на природу, на женское обаяніе, блестящій острословный собесѣдник... — и *между прочим* пишет стихи. Так, будто бы для забавы, и значенія им не придает. Гдѣ Пушкин, гдѣ профессія, труд невидимый, но упорный?

Вот возвращается он домой, в дождливый вечер, весь промокшій. Дочь снимает с него пальто. Он говорит небрежно: «J'ai fait quelques rimes» — и читает их. Она записывает. Это знаменитыя «Слезы людскія, о слезы людскія...» Бог знает, не записала бы Анна Феодоровна, может, они бы и не сохранились?

До 1836 года никто почти и понятія не имѣл, что вот есть такой поэт Тютчев. Мелочи появлялись в малоизвѣстных альманахах («Урація», «Галатей») и журналах (вродѣ «Молвы»). Камергер Федор Иванович Тютчев пописывал стишки. Но для службы это не важно, для жизни тоже. Надо было, чтоб сослуживецъ, князь Иван Гагарин заинтересовался писаніемъ его. Амалія Максиміліановна отвезла стихи его в Петербург — через Жуковского и Вяземскаго они попали к Пушкину, издававшему тогда «Современникъ». Он напечатал их в своемъ журналѣ. Подпись: *Ө. Т.* — «Стихотворенія, присланныя из Германіи».

Для чего давать свое полное имя? Пусть будетъ какой-то *Ө. Т.* «из Германіи». Такъ продолжалось и дальше. Автор никакого вниманія не обращал на свое дѣйствіе. Оно жило подпольно, само по себѣ, и до времени мало извѣстно. Кое кто его цѣнил. Но за годы — ни одного печатнаго отзыва.

Дальше идет и совѣмъ странное: с 1840 по 1854 г. г., за четырнадцать лѣтъ ни одного стиха вовсе в печати нѣтъ. А писал он теперь какъ разъ больше всего и едва ли не лучше всего. *J'ai fait quelques rimes...* — завернется в плащ, как полумѣсяцъ таинственный гдѣ-то за облаками — с него довольно. Какъ тайный, блѣдный мѣсяцъ... Даже не скажешь, Богу-ли предложены его стихи, или он их стихійно-волшебнo поет и ни о чемъ не думает — сейчас же забывает.

В 1850 году добрался до него Некрасов. Написал статью в «Современникѣ»: «Русскіе второстепенные поэты» — среди них Тютчев. (В извѣстной статьѣ Гоголя из «Переписки с друзьями» он рядом с Туманским и Плетневымъ. Знаменитыми считались тогда Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Крылов и Кольцов). Некрасов Тютчева очень хвалит. Но и объясняет: «поэтическая дѣятельность г. *Ө. Т.* продолжалась только пять лѣтъ» (стихи печатались в «Современникѣ» с 1836 по 1840 г.). «Не можемъ сказать навѣрное, печатал-ли он или нѣтъ гдѣ нибудь свои стихотворенія прежде». Но кто же он сам? Некрасов старается убѣдить, что все-таки русскій, хотя стихи присланы из Германіи. Гдѣ живет? Жив-ли еще? Пожалуй что и умер — «с тѣхъ поръ это имя вовсе исчезло из русской литературы. Неизвѣстно навѣрное, обратило ли оно на себя вниманіе публики в то время, какъ появилось в печати; но положительно можно сказать, что ни один журналъ не обратил на него ни малѣйшаго вниманія».

Такъ Некрасов писал в Петербургѣ, гдѣ в это самое время жил Тютчев, жил открыто, блистал в салонахъ, при всемъ томъ «добродушій», о которомъ говоритъ Жуковский, былъ болѣе всего извѣстен остроуміемъ и острословіемъ, далеко не такъ добродушнымъ. Это дневная сторона его. А ночная, подземная: *quelques rimes*, тайныхъ, никому почти невѣдомыхъ, прокладывавшихъ путь къ безсмертію. Но не черезъ академіи. Нынѣ безъ Общества Любителей Словесности!

Для Некрасова же, его почитателя и хвалителя, Тютчева просто нѣт. Он растаял, куда то исчез, испарился.

**
*

Испариться Тютчев не мог никуда. Послѣ исторіи с самовольной отлучкою из Турина нѣкоторое время не служил, а потом и это наладилось. Лѣтом 44-го года, с Эрнестиною Федоровной и дѣтьми навсегда возвратился в Россію, поселился в Петербургѣ. С него сняли опалу, вернули «служебныя права и почетныя званія». Назначен был состоять при государственном канцлерѣ «по особым порученіям».

И вот этот европеец блестящій, дипломат, causeur, политик (как раз появилась его статья о Россіи и Германіи, очень замѣченная)... — и поэт! — становится вновь «русским». Каждый год ѣздит в Москву, на лѣто в родной Овстуг. Тут в нем двойное: и чувство к Россіи, великое, мистическое. И всегдашняя напитанность западом — от него не отойдешь. С одного конца он славянофил. Хомяков, Аксаков считают его своим. Но представить себя Тютчева в мурмолкѣ или боярском костюмѣ... Европа сидѣла в нем так же прочно, как Николай Афанасьевич Хлопов.

Петербург даже нравился ему, но Петербург именно и был для него Европа, все то же общество русско-международное, «свѣтъ», дипломаты, министры, дамы, все тот же французскій язык. Да и там съвер казался ему иногда «безобразным сновидѣньем». И оттуда влек его юг, солнце, Италія.

Что же говорить о деревнѣ! Сколь ни дворец в Овстугѣ, но круг первобытность. Он мог выйти в поле, в теплый лѣтній вечер: небрунныя еще крестцы ржей, горькій запах полыни по межам, смиренный воз с навитыми снопами, мужик ведет лошадь степенно, воз поскрипывает и поле таким кажется златисто-безмѣрным, и другіе возы, бабы, дѣвки там гдѣ то вдали двигаются беззвучно — все это очаровательно, в глубоко-мистическом духѣ свое и пронзающее... — но жизнь как на необитаемом островѣ. Поля, лѣса, небо, смиренные люди полу-рабы, кто из них может прочесть двѣ строки напечатаннаго? Гдѣ Шеллинг, Гейне, салоны, дамы? Гдѣ связь с центрами и политики и культуры? Без этого трудно ему было жить. Брянская глушь обладала своей прелестью, но долго выдержать в русской деревнѣ, куда и газеты не доходили, он не мог.

По одному стихотворенію 1849 года можно подуматъ, что и вообще к Россіи он относился прохладно.

«Итак, опять увидѣлся я с вами,
«Мѣста немилыя, хоть и родныя...»

Оно кончается совѣм печально:

«Ах, нѣтъ, не здѣсь, не этотъ край безлюдный
«Былъ для души моей родимымъ краемъ —
«Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
«Великій праздникъ молодости чудной —
«Ах, и не в эту землю я сложилъ —
«Все, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!»

Но вотъ какъ разъ и тишина, нѣкое убожество, безотвѣтность родины и народа — это волновало и умиляло *несмотря* на великолѣпный западъ. Въ поколыхиваніи коляски, ѣдетъ ли онъ гдѣ-нибудь около Рославля или подъ Овстугомъ — тамъ то вотъ и возникаетъ другое, всегда жившее в немъ, «другъ» Николая Аѳанасьевича Хлопова, жившее подспудно и неистребимо: и природа русская, и особая красота смиренной христіанской души, души народа тогдашняго —

«Эти бѣдныя селенья
«Эта скудная природа
«Край родной долготерпѣнья,
«Край ты русскаго народа!»

***

Какъ поэтъ к этому времени Тютчевъ созрѣлъ вполне — тайныя прозрѣнія в природѣ, чувство хаоса и трагедіи міра, призрачности блистательнаго дневнаго бытія, предчувствіе бурь общественныхъ, очарованіе и мучительность любви — все это выразилось уже в главныхъ своихъ частяхъ (эросу, впрочемъ, предстояли еще завершительныя, пронзающіе звуки). Но твореніе было разбросано или по старымъ журналамъ, или по рукописнымъ альбомамъ, просто в рукописяхъ — находилось вообще в безпорядкѣ полнѣйшемъ. Тютчеву пятьдесятъ лѣтъ, с фотографіи мурановскаго музея глядитъ важный и строгій обликъ поэта-философа, с чуть германскимъ отгнѣномъ, и у него ни одной книжки! Случай в литературѣ безпричѣрный.

С 48-года онъ служитъ старшимъ цензоромъ в Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, у него три дочери отъ перваго брака, дѣти отъ втораго — огромная семья, сложныя и трудныя отношенія с женой, сильный интересъ к политикѣ и полное равнодушіе к судьбѣ писаній своихъ. Какъ ранѣе Гагаринъ занялся ими, такъ теперь Тургеневъ выпустилъ книжку его стихотвореній — в 1854 году. Труд собранія, а отчасти и редактированія выпалъ Тургеневу. Тютчевъ ничего не дѣлалъ. Будто и не его стихи. Тургеневъ подправилъ кое что, можетъ быть, с согласія автора, а часть вѣроятно, самовольно. Во всякомъ случаѣ, Тютчевъ своею небрежностью задалъ задачу

теперешним литературовѣдам: что Тютчевское, что Тургенев подчистил.

Как бы то ни было, книжка вышла. Она окончательно привлекла к Тютчеву знаменитѣйших людей времени. Лев Толстой говорил, что без Тютчева нельзя жить и «для себя» ставил его «выше Пушкина». Достоевскій, Тургенев, из меньшей братіи Фет, Некрасов, Полонскій, Аксаковы, Аполлон Григорьев — всѣ стихами его восхищались. Но именно только элита. И художники. Критики все проморгали. Среди читателей его просто не знали — и так вплоть до Владиміра Соловьева, в девяностых годах вновь и окончательно открывшаго и прославившаго его — главным образом как поэта философскаго и мистическаго прозрѣнія. (Сторону эроса Соловьев в нем обошел.) Русскіе символисты приняли и передали славу его в XX-й вѣк, как провозвѣстника символизма.

Но в его собственной судьбѣ, в началѣ пятидесятих годов, как и в звукѣ писаній его, связанных с любовью, не все было закончено. Даже, пожалуй, сильнѣйшее и наступало.

В Смольном Институтѣ учились двѣ дочери Тютчева (от перваго брака) Дарья и Екатерина. Тютчев бывал там. У инспектрисы Института, Анны Дмитріевны Денисьевой он познакомился с ея племянницей и воспитанницей Еленой Александровной — дѣвушкой двадцати четырех лѣтъ.

До сих пор в список тютчевских странствій сердечных имена иностранок: Амалія, Эмилиа-Элеонора, Эрнестина — теперь является русская Елена. С ней входит и иной міръ.

Раньше были великолѣпныя графини в брилліантах декольтэ, с гладкими буклями над ушами. Елена Александровна Денисьева, хоть и дворянка, но из мелких, отец ея служил даже в провинціи исправником. Достаточно взглянуть на фотографію Елены Александровны: скромно одѣтая, в накидочкѣ, причесанная как причесывались в шестидесятих годах наши матери, интеллигентка с тяжким, нервным взглядом, болѣзненная, вспыхивающая, очаровательная в своей возбудимости и несущая уже в себѣ драму.

Тютчев встрѣтился с міром Достоевскаго. Так могла чувствовать, дѣйствовать Настасья Филипповна, или первая жена Достоевскаго.

Ея взгляд соотвѣтствовал участи. Горе принесла ей эта любовь, быстро перешедшая в связь. Горе Эрнестинѣ Федоровнѣ, женѣ законной, с которой продолжал он жить — женщиной холодной, выдержанной и сильной, крест свой несшей с достоинством. Горе взрослым дочерям его от перваго брака, горе дѣвочкѣ Лелѣ, дочери Елены Александровны. Ему самому тоже. Но это рок, ничего нельзя сдѣлать. В его судьбу входило закланіе молодой жизни, его грѣх, породившій высокіе звуки поэзіи. За поэзію эту заплачено кровью.

Общество не прощало Тютчеву, а особенно Еленѣ Алексан-

дровнѣ «незаконности» их связи. Да еще у нея появились дѣти! Многие просто с ней раззнакомились, презрѣніе и отчужденіе над ней висѣли. А по Институту она была знакома с дочерьми Тютчева — вот и пришлось встрѣтиться, напримѣр, при раздачѣ шифров. Как она чувствовала себя при этом!

И, конечно, казалось ей, что недостаточно он ее любит. Она все отдала — положеніе, доброе имя, вообще всю себя. Он продолжает жить с семьей. Живет, служит, пишет стихи. У него и литература — тоже соперница. Свой мір. А он должен так же утопать в ней, Еленѣ Денисьевой, как она в нем.

Стихи его мало она понимала. Больше всего хотѣлось, чтобы в новом изданіи все и открыто было посвящено ей. На это он не пошел, вышла ужасная сцена, вполне из Достоевскаго.

Она была туберкулезная. Бурная жизнь, страданія сердца ускорили все, и в іюль 1864 года, послѣ четырнадцати лѣтъ связи с ним, она скончалась.

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тѣни покрывали —
Лил теплый лѣтній дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она —
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала, — увлечена,
Погружена в сознательную думу.

И вот, как бы бесѣдуя с собой,
Сознательно она проговорила:
(Я был при ней, убитый, но живой)
«О как все это я любила!»

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нѣтъ, никому еще не удалось.
О Господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось.

Если бы из гроба видѣла она, как принял он смерть ея, может быть, больше повѣрила бы в его любовь — хотя ей вообще нужна была безпредѣльность: все или ничего.

Вот что говорит об отцѣ и его положеніи в это время Анна Федоровна Тютчева, его дочь, жившая тогда в Германіи. «Я причащалась в Швальбахѣ. В день причастія я проснулась в шесть часов и встала, чтобы помолиться. Я чувствовала потребность молиться с особенным усердіем за моего отца и за Елену Д. Во время обѣдни также мысль о них с большою живостью снова явилась у меня. Нѣсколько недѣль спустя я узнала, что как раз в этот день

и в этот час Елена Д. умерла. Я видѣлась снова с отцом в Германіи. Он был в состояніи близком к помѣшательству...» И дальше: «Он всѣми силами души был прикован к той земной страсти, предмета которой не стало».

Сама она дошла до горестной, страшной мысли, что Бог не придет на помощь его душѣ, «жизнь которой была растрчена в земной и незаконной страсти».

А трагедія продолжалась: приносился в жертву еще новый агнецъ. Леля, дочь Тютчева и Денисьевой, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, училась в извѣстном петербургском пансіонѣ Труба (она носила фамилію Тютчева, он узаконил ее). Однажды дама, мать сверстницы Лели по пансіону, спросила ее, как поживает ея мама — разумья Эрнестину Федоровну. Леля не поняла и отвѣтила о своей матери. Недоразумѣніе тут же выяснилось. На дѣвочку это произвело такое впечатлѣніе, что она убѣжала из пансіона и сказала Аннѣ Дмитріевнѣ, что никогда больше туда не вернется. Заболѣла нервным расстройством. А за ним скоротечная чахотка и она скончалась — в один день с полуторагодовалым братцем своим Колей.

Это прошло мимо литературы. Смерть матери прославлена в стихах. О гибели дочери нѣтъ ничего.

**
*

Так заканчивал свою жизнь удивительный человекъ Федор Иванович Тютчев, нѣкогда юный принц Овстуга, баловень матери, мечтатель, не вмѣщавшійся ни в какія рамки, музыкантъ стиха, нарушавшій современные ему каноны его, предвосхищая будущій, юный дипломат и великій побѣдитель сердецъ женских. *Silentium* и кипѣніе страстей, созерцатель величія міра и душа непримиренная, душа Чистилища, человекъ вѣрующій, но владѣемый страстями, великій художник, как бы нехотя разбрасывающій богатства свои.

Ибсен на закатѣ дней считал, что проглядѣл собственную жизнь (для искусства). Флобер вообще все отдал искусству, от всего по монашески отказался. Тютчев был лирой, на которой сама стихія брала звуки, ей вѣдомые. Он лишь записывал — проносившійся сквозь него дуновение.

И был предан стихіи жизни. Эрос томил его до послѣдняго издыханія. Благочестиво-духовная Анна Федоровна желала бы, чтобы отецъ побѣдил духом, взшел на ступень над-жизненную. Этого ему не было дано. Ему было дано из своей жизни извлечь нѣкій нектаръ чарующій, в видѣ созвучій, в тишинѣ и безвѣстности собирать его, не гонясь ни за шумом и ни за славою. Шум не пришел и никогда имени этого не возмутит. Но пришла слава — поздняя и посмертная, благородная, настоящая золотая слава. В искусствѣ, к которому он относился как будто бы так равнодушно-

небрежно, он оказался побѣдителем — поздним, но прочным. Жизнь, которая будто волшебю улыбалась ему с ранняго дѣтства, несла за успѣхом успѣхъ, за однимъ женскимъ сердцемъ другое, и третье... — и еще мы не знаемъ какое! — вотъ она то и поднесла поражение. Кажется, это вродѣ закона: лирики побѣждаются жизнью. Они слишкомъ лунатичны и сомнамбуличны. Слишкомъ стихіямъ подвержены, являясь вѣрными арфами ихъ. Жизнь Тютчева можно разсматривать какъ художественное произведение: имя ему драма.

Никитенко записалъ у себя въ дневникѣ, въ іюнѣ 1873 года: «Недѣля прошла въ борьбѣ со смертію. Тютчевъ самъ вспомнилъ о священникѣ, но исповѣдываться не могъ — языкъ ему не повиновался.»

Умиралъ онъ на рукахъ Эрнестины Федоровны, сознавая всю тяжесть и трудность прожитого, всю отвѣтственность души своей, «болѣзненно грѣховной», и въ самыя страшныя минуты, уже разбитый параличемъ, видя смерть, держался за давнюю подругу — послѣднее утѣшеніе.

«Все отнялъ у меня казнящій Богъ:
«Здоровье, силу воли, воздухъ, сонъ,
«Одну тебя при мнѣ оставилъ Онъ,
«Чтобъ я Ему еще молиться могъ.»

Бор. Зайцевъ.

ПУШКИН ОБ ОТНОШЕНИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ

Всякому, сколько-нибудь знакомому с историей русской мысли, известно, какую центральную роль в ней играет тема об отношении России к Западу, — к тому, что с русской точки зрения обозначалось, как “Западная Европа” в смыслъ всего европейскаго континента на запад от русской границы. Проблемы не только общественно-исторической и политической жизни, но и философскія и религиозныя по большей части ставились и обсуждались в связи с этой темой, — что со стороны, т. е. внѣ отношенія к идейной атмосферѣ русской жизни, должно казаться странным и даже противостественным. Известно также, что спор между сторонниками и противниками слѣдованія Россіи по пути “западной Европы” — спор, принявшій свою классическую форму в борьбѣ между “западниками” и “славянофилами” в 40-ых годах 19-аго вѣка, — в иных формах велся, по крайней мѣрѣ, с конца 18-го вѣка, продолжался в теченіе всего 19-го вѣка и продолжается въ 20-мъ вѣкѣ вплоть до нашего времени. Здѣсь достаточно напомнить, что въ исторіи новѣйшей эмигрантской мысли “евразійство” было эфемерной вспышкой радикальной и духовно узкой формы стараго “славянофильства”. Все творчество покойнаго Н. А. Бердяева в известном смыслѣ вытекало из центральной для него вѣры в особое, не-европейское и активноевропейское существо и призваніе русскаго духа. В самой Россіи Ленин, сочетав Маркса с Бакуниным, в лицѣ большевизма создал особый вид антиевропейскаго марксизма: противопоставленіе правды “пролетарской” Россіи злу и разложенію “буржуазной” Европы есть возрожденіе, с совсѣм иным содержаніем, стараго націоналистическаго отталкиванія от Запада. Эта установка достигла, как известно, апогея вульгарности и недобросовѣстной тенденціозности в современном совѣтском націонализмѣ.

В этой проблемѣ совершенно особое мѣсто занимают воззрѣнія Пушкина. Как нам приходилось уже подчеркивать в других мѣстах ⁽¹⁾, Пушкин был не только величайшим русским поэтом, но и одним из самых сильных, пронизательных и оригинальных умов Россіи, “умнѣйшим целовѣком Россіи” (как опредѣлил его Николай I послѣ первой встрѣчи с ним); но, странным образом, несмотря на огромную литературу “пушкиновѣдѣнія”, идейныя воззрѣнія Пушкина остаются доселѣ мало изслѣдованными или во всяком случаѣ недостаточно оцѣ-

1) «Пушкин, как политическій мыслитель». Бѣлград 1937. «О задачах познанія Пушкина», Бѣлградскій сборник к юбилею Пушкина, 1937.

ненными. В частности, остались неясненными его совершенно оригинальные взгляды на занимающую нас здѣсь тему (2).

Пушкин не дожид до классической эпохи спора между “славянофилами” и “западниками”. Но в 30-ых годах он знал родоначальников обоих направлений. Первым западником — правда своеобразным, во многом отличным от западников слѣдующаго поколѣнія, — был его давнишній друг — в юности его духовный наставник — Чаадаев. Пушкин хорошо знал его взгляды и дожид до опубликованія (1836 г.) его знаменитаго “Философическаго письма”, на которое отвѣчалъ особым письмом к Чаадаеву (о чем подробнѣе ниже). Из двух основоположников славянофильства, Ивана Кирѣевскаго и Хомякова, первый при жизни Пушкина еще не оформил своих позднѣйших идей; но Хомяков уже с юных лѣтъ выработал свое славянофильское міросозерцаніе, и Пушкину приходилось идейно с ним сталкиваться. Основа спора была ему, таким образом, знакома. Но такому человѣку, как Пушкин, и не нужно было знать чужія мнѣнія, чтобы задуматься над столь основным вопросом русской духовной жизни. Он постоянно возвращается к этому вопросу и в своих художественных твореніях, и в своих размышленіях о русской и западной исторіи, в своих письмах, замѣтках и в дошедших до нас устных высказываніях. По этому матеріалу мы можем составить себѣ представленіе о совершенно своеобразной постановкѣ этого вопроса у Пушкина.

По своему непосредственному устремленію, по своим оцѣнкам Пушкин несомнѣнно был “западником” в том смыслѣ, что высоко цѣнил западную культуру, был убѣжден в ея необходимости для Россіи и скорбѣлъ о культурной отсталости Россіи по сравненію с Западом. Уже в самых ранних его письмах у него есть излюбленное противопоставленіе (в отношеніи явленій русской жизни) “азиатскаго” начала — “европейскому”, как низшаго высшему. Переселившись из Кишинева в Одессу, он пишет Александру Тургеневу: “надобно, подобно мнѣ, провести три года в душном азиатском заточеніи, чтобы почувствовать цѣну и не вольнаго европейскаго воздуха” (1823). Шутя он называет Россію “родной Турціей” и Петербург “сѣверным Стамбулом”. Когда находится щедрый издатель для его “Евгенія Онѣгина”, он пишет: “Какова Русь, да она в самом дѣлѣ в Европѣ — а я думал, что это ошибка географов”. Восхваляя статьи князя Вяземскаго, он называет их “европейскими”; находя пестроту внѣшняго украшенія книги “безобразной”, он прибавляет, что она “напоминает Азію”. В запискѣ о народном образованіи, поданной им Николаю I в 1826 г., он горячо отстаивает пользу европейскаго образованія и желательность ученія русских юношей за границей; в своем дневникѣ (14 апрѣля и 3 мая 1834) он рѣзко отрицательно отзывается об указѣ, ограничивающем право русских ѣздить в Европу. Он считает главной причиной относительной отсталости русской культуры татарское иго, которое

2) Цѣнная в других отношеніях книга В. Зѣньковскаго «Русскіе мыслители и Европа», Париж 1926, совершенно обходит взгляды Пушкина и лишь мельком упоминает его имя.

отдѣлило Россію отъ судебъ Европы. “Духовная жизнь порабощеннаго народа не развивалась. Великая эпоха Возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣвственными восторгами и благодѣтельными потрясенія крестовыхъ походов не отозвались в краяхъ печальнаго сѣвера”. Онъ рѣшительно отвергаетъ какое-либо культурное вліяніе татар на Россію: “Нашествіе татар не было, подобно наводненію Мавровъ, плодотворнымъ: татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи” (“О русской литературѣ, с очеркомъ французской” 1834); отвергаетъ онъ и какое-либо вліяніе татарскаго языка на русскій (“О предисловіи Лемонте к переводу басен Крылова” 1825). С другой стороны, онъ указываетъ на раздѣленіе церквей, какъ на причину, отдѣлившую Россію отъ остальной Европы и лишившую ее участія в великихъ событіяхъ европейской исторіи (письмо къ Чаадаеву 1836).

Но самое яркое выраженіе “западничества” Пушкина есть его отношеніе къ Петру Великому. Пушкинъ создалъ, какъ извѣстно, в своихъ художественныхъ произведеніяхъ — в поэмахъ “Полтава” и “Мѣдный Всадникъ”, в романѣ “Арапъ Петра Великаго” и в рядѣ мелкихъ стихотвореній — незабываемый образъ Петра, какъ “вѣчнаго работника на тронѣ”, человѣка, который “прорубилъ окно в Европу” и насадилъ европейское просвѣщеніе в Россіи. Онъ, правда, далеко не во всемъ былъ согласенъ с политикою Петра Великаго, считалъ его “воплощенной революціей — Робеспьеромъ и Наполеономъ в одномъ лицѣ”, ужасался жестокости его указовъ (которую онъ противопоставлялъ мудрости его законодательныхъ мѣръ) и признавалъ вредной “табелю о рангахъ”, видя в ней источникъ “демократическаго наводненія”, которое “выметаетъ дворянство”. Но эти частныя несогласія заслонены общимъ впечатлѣніемъ величія, в глазахъ Пушкина, историческаго преобразователя Россіи и убѣжденіемъ в благодѣтельности его реформъ. Пушкинъ остро сознавалъ, что вся русская культура 18-го и 19-го вѣка и всѣ начатки науки и искусства в Россіи имѣютъ своимъ источникомъ ту европеизацію Россіи, начало которой положилъ Петръ Великій. Онъ чувствовалъ самого себя органически связаннымъ с этимъ европейскимъ элементомъ, насажденнымъ в Россіи Петромъ. Можно сказать, что онъ безсознательно ощущалъ то, что позднѣе о немъ самомъ такъ мѣтко сказалъ Герценъ: “На призывъ Петра Великаго образоваться Россія черезъ 100 лѣтъ отвѣтила колоссальнымъ явленіемъ Пушкина”.

Но при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи отношенія Пушкина къ Петру Великому мы уже здѣсь найдемъ существенное отличіе между Пушкинымъ и типическимъ воззрѣніемъ западниковъ. Можно сказать, что “западники” сходились со своими противниками “славянофилами” в одномъ: оба лагеря считали преобразованія Петра н е о р г а н и ч н ы м и, не видѣли ихъ связи с національнымъ духомъ Россіи, а усматривали в нихъ прививку къ старой русской культурѣ какихъ-то совершенно новыхъ, внѣшнихъ началъ. Они расходились только в одномъ: западники считали такую прививку чуждыхъ элементовъ благотворной для Россіи, потому что не цѣнили уклада древней Россіи, находили невозможнымъ развитіе цѣнной культуры на основѣ русской національной самобыт-

ности и видѣли единственное спасеніе Россіи в усвоеніи западно-европейской культуры. “Славянофилы”, напротив, отвергали путь Петра Великаго, потому что дорожили древней русской культурой и насажденіе чуждых ей западныхъ началъ считали гибельнымъ ея извращеніемъ. Совершенно иное пониманіе мы находимъ у Пушкина. Пушкин — и в этомъ его мнѣніе подтверждается теперъ выводами русской исторической науки — ощущалъ національный характеръ дѣла Петра Великаго. Онъ подчеркиваетъ, прежде всего, національно-русскій патриотизмъ Петра: когда “самодержавною рукой онъ смѣло сѣялъ просвѣщеніе”, онъ “не презиралъ страны родной: онъ зналъ ея предназначеніе”. Петр, такимъ образомъ, повелъ Россію по пути европейской культуры, по мнѣнію Пушкина, именно исходя изъ убѣжденія, что національный складъ русскаго ума и духа можетъ на этомъ пути осуществить себя, свое собственное внутреннее предназначеніе. А. О. Смирнова сохранила в своихъ “Воспоминаніяхъ” слѣдующія слова Пушкина: “Я утверждаю, что Петръ былъ архирусскимъ человѣкомъ, несмотря на то, что сбрилъ себѣ бороду и надѣлъ голландское платье. Хомяковъ заблуждается, говоря, что Петръ думалъ, какъ нѣмецъ. Я спросилъ его на-дняхъ, изъ чего онъ заключаетъ, что византійскія идеи московскаго царства болѣе народны, чѣмъ идеи Петра” (1).

Уже отсюда видно, что Пушкинъ ставитъ вопросъ о “народности” (или “самобытности”) и ея отношенія къ усвоенію другихъ культур гораздо глубже, чѣмъ обычные западники и славянофилы. “Народность” означаетъ для него своеобразіе духовнаго склада народа. “Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тѣла обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физиономію” — таково примѣрное опредѣленіе “народности” у Пушкина (в незаконченномъ наброскѣ “О народности в литературѣ”, в которомъ онъ жалуется на распространенность слишкомъ узкихъ пониманій “народности”). Народность в этомъ общемъ смыслѣ совсѣмъ не предполагаетъ замкнутости отъ чужихъ вліяній, обособленности національной культуры. Напротивъ, субстанція народнаго духа, какъ все живое, питается заимствованнымъ извнѣ матеріаломъ, который она перерабатываетъ и усваиваетъ, не теряя отъ этого, а, напротивъ, развивая этимъ свое національное своеобразіе. Риторическій вопросъ, поставленный Пушкинымъ Хомякову, дѣйствительно убійственъ для позиціи національной исключительности и мѣтко выражаетъ подлинное существо дѣла. В самомъ дѣлѣ, если культура московскаго государства, в которой славянофилы видѣли адекватное выраженіе національнаго русскаго духа, выросла на почвѣ, оплодотворенной вліяніемъ Византіи, то отчего же культура Петербургской эпохи заранѣе объявляется чуждой и враждебной національному свое-

1) Подлинность «Воспоминаній» Смирновой оспорена и нѣтъ сомнѣнія, что ея дочь, издавшая ихъ, сильно ретушировала ихъ и многое внесла отъ себя. Но Мережковский (в статьѣ «Пушкин» в книгѣ «Вѣчные спутники») совершенно правъ в своемъ указаніи, что приводимыя в «Воспоминаніяхъ» гениальныя идеи Пушкина безусловно подлинны по внутреннимъ основаніямъ.

образію только потому, что она оплодотворена западными вліяніями? Будучи послѣдовательными, сторонники національной самобытности Россіи должны были бы отвергнуть не только Петра Великаго, но и Владиміра Святаго, просвѣтившаго Россію рецепціей византійскихъ христіанскихъ традицій; между тѣм, основнымъ тезисомъ славянофиловъ было именно убѣжденіе, что вѣрованія восточной православной, т. е. греческой церкви суть фундаментъ русскаго національнаго духа. “Мы восприняли отъ грековъ евангеліе и традиціи, а не духъ ребячества и споровъ. Нравы Византіи никогда не были нравами Кіева” — говоритъ Пушкинъ в уже упомянутомъ письмѣ къ Чаадаеву. Поэтому и Петр, несмотря на голландское платье и бритую бороду, могъ не стать “нѣмцемъ”, а остается подлинно русскимъ человѣкомъ. Безъ взаимодѣйствія между народами невозможно ихъ культурное развитіе, но это взаимодѣйствіе не уничтожаетъ ихъ исконнаго своеобразія, какъ своеобразіе личности не уничтожается ея общеніемъ съ другими людьми.

Пушкинъ зналъ это по самому себѣ. Никогда не преступивъ, какъ извѣстно, западной границы Россіи, онъ глубоко воспринялъ в себѣ западную культуру, воспитался сначала на Вольтерѣ и французской литературѣ, потомъ на Байронѣ, Шекспирѣ и Гете. Но онъ не пересталъ отъ этого не только быть, но и чувствовать себя русскимъ человѣкомъ. В его душѣ утонченнѣйшія вліянія западной культуры мирно уживались съ наивнымъ русскимъ духомъ, жившимъ в немъ и питавшимся народными сказками няни Арины Родіоновны. Онъ любилъ Россію Петра, стихію Петербурга, но онъ любилъ и Москву и древнюю Русь, и никогда у него не возникалъ вопросъ о несовмѣстности того и другого. Убѣжденный “западникъ”, онъ чужьмъ гениальнаго поэта и историка глубоко и вѣрно воспринималъ духъ русскаго прошлаго и своей исторической драмой “Борисъ Годуновъ”, своими историческими поэмами и повѣстями болѣе, чѣмъ кто-либо иной, содѣйствовалъ развитію русскаго историческаго самосознанія. Его обработки русскихъ народныхъ сказокъ суть образецъ художественнаго претворенія непосредственныхъ выраженій народнаго духа въ фольклорѣ; даже Жуковскому онъ долженъ былъ указывать, что въ старыхъ русскихъ легендахъ, повѣрьяхъ и сказкахъ не меньше матеріала для романтической поэзіи, чѣмъ въ произведеніяхъ западнаго фольклора. Онъ любилъ все, въ чемъ ощущалъ “русскій духъ” (Вступленіе къ “Руслану и Людмилѣ”); будучи въ указанномъ смыслѣ “западникомъ”, онъ ничуть не уступалъ славянофиламъ въ непосредственной любви къ русскому народному укладу, ко всему, въ чемъ выражается непонятное для “западнаго европейца” (но часто и его привлекающее) своеобразіе русской души.

Это сочетаніе “западничества”, воспріимчивости и любви къ европейской культурѣ, съ чувствомъ инстинктивной, кровной связи съ родиной во всемъ ея своеобразіи подкрѣплялось у Пушкина однимъ сознательнымъ убѣжденіемъ, которое — несмотря на простоту и лаконичность его выраженія — содержитъ глубокую философскую мысль. Пользуясь позднѣйшимъ терминомъ, можно сказать, что Пушкинъ былъ убѣжденнымъ почвенникомъ и имѣлъ нѣкую “философію почвенности”. Лучше всего онъ выразилъ ее въ извѣстномъ стихотвореніи 1830-го года:

Два чувства дивно близки нам —
 В них обрѣтает сердце пищу —
 Любовь к родному пепелищу,
 Любовь к отеческим гробам.
 На них основано от вѣка
 По волю Бога самого
 Самостоянье человека
 Залог величія его.
 На них основано семейство
 И ты, к отечеству любовь.
 Животворящая святыня!
 Земля была без них мертва,
 Без них наш тѣсный мір — пустыня,
 Душа — алтарь без божества.

Связь с “родным пепелищем” и с “отеческими гробами”, с родным прошлым, по мысли Пушкина, не сужает, не ограничивает и не замыкает человека, а, будучи, единственной основой его “самостоянія”, есть напротив, основа подлинной свободы и творческой силы, “залог величія” личности — и, тѣм самым, народа. Укорененность в родной почвѣ, ведя к расцвѣту духовной жизни, тѣм самым расширяет человеческій дух и дѣлает его воспримчивым ко всему общечеловѣческому. Этот мотив проникает и всю поэзію, и всю мысль Пушкина. Один из основных мотивов его поэзіи тема “пенатов” — религіознаго духа, которым обвѣян родной дом; в уединеніи родного дома, в отрѣшенности от “людского стада” только и возможно познавать “сердечную глубь”, любить и лелѣять “не-смертныя, таинственныя чувства”. В личной жизни Пушкина воплощеніем “алтаря пенатов” были два мѣста — родная деревня Михайловское, в которую он всегда возвращался для уединеннаго творчества, и Царское Село, в котором впервые, в годы отрочества и первой юности, раскрылась его духовная жизнь и произошла его первая встрѣча с музой. (Ср. стихотворенія “Вновь я посѣтил” и “Воспоминаніе в Царском Селѣ”). В послѣднем стихотвореніи поэт, возвратившись послѣ скитаній — внѣшних и внутренних — к родному мѣсту, гдѣ протекла его первая юность, чувствует себя блудным сыном, который в раскаяніи и слезах “увидѣл наконец родимую обитель”. Эта “родимая обитель” — мѣсто, с которым связаны впечатлѣнія дѣтства и юности, — сливается в сознаніи поэта с понятіем “родины”, “отчества”: “нам цѣлый мір — чужбина, отечество нам — Царское Село”.

Философскую мысль, лежащую в основѣ этих чувств и мыслей, можно лучше всего выразить въ короткой, но многозначительной формулѣ: чѣм г л у б ж е, тѣм ш и р е. Только в послѣдней, уединенной глубинѣ человеческаго духа, питаемой традиціей, воспоминаніями дѣтства, впечатлѣніями родного дома и родной страны, человек, соприкасаясь с послѣдней “несмертной”, таинственной, божественной глубиной бытія, тѣм самым обрѣтает свободу, простор для сочувствен-

наго воспріятія всего общечеловѣческаго. (Здѣсь, по аналогіи, — конечно, *mutatis mutandis* — приходит на ум отношеніе между “благодатью” и “свободой”: благодать не ограничивает человѣческой свободы, не конкурирует с ней, а, напротив впервые освобождает человѣка, дает ему широту, полноту, творческую свободу). Э т и м с н и м а е т с я с а м а д и л е м м а, лежащая в основѣ спора между “націоналистами” и сторонниками “общечеловѣчности”: л и б о преданность своему, исконному, родному, л и б о доступность чужим влияніям. Как отдѣльная человѣческая личность, чѣм болѣе она глубока и своеобразна, чѣм болѣе укоренена в глубинной самобытной духовной почвѣ, тѣ м б о л ѣ е общечеловѣчна (примѣр — любой гений), так и народ. Восприимчивость къ общечеловѣческому, потребность къ обогащенію извнѣ, есть в народѣ, как и в личности, признак не слабости, а, напротив, внутренней жизненной полноты и силы.

Именно отсюда вытекает у Пушкина сочетаніе “европеизма”, рѣзкаго отталкиванія от культурной отсталости Россіи с напряженным чувством любви къ родинѣ и національной гордости. Еще в первую эпоху своей жизни, гонимый правительством, негодуя на некультурность среды, в которой ему негдѣ было развернуть свой гений, и стремясь убѣжать из Россіи, он пишет, однако: “Мы в сношеніях с иностранцами не имѣем ни гордости, ни стыда... Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног, но мнѣ досадно, если иностранец раздѣляет со мной это чувство” (письмо къ кн. Вяземскому 1826). В зрѣлую эпоху и къ концу жизни это двойственное отношеніе къ родинѣ в просвѣтленной и умѣренной формѣ выражено в замѣчательных словах письма къ Чаадаеву (1836): “Я далек от того, чтобы восхищаться всѣм, что я вижу вокруг себя; как писатель, я огорчен . . ., многое мнѣ претит, но клянусь вам моею честью — ни за что в мірѣ я не хотѣл бы перемѣнить родину, или имѣть иную исторію, чѣм исторія наших предков, как ее нам дал Бог”. В дневникѣ Муханова 1832 г. записано устное высказываніе Пушкина, осуждающее “озлобленных людей, которые не любят Россію” и “стоят в оппозиціи не къ правительству, а къ отечеству” (Вересаев: “Пушкин в жизни”).

Теперь мы подготовлены къ разсмотрѣнію своеобразнаго систематическаго взгляда Пушкина на отношеніе между Россіей и Европой. С указанным выше принципиальным “европеизмом” у Пушкина сочетается твердое убѣжденіе в своеобразіи русскаго міра, в существенном отличіи между исторіей Россіи и исторіей Западной Европы. В программѣ одной из своих статей по поводу “Исторіи русскаго народа” Николая Полевого Пушкин говорит: “Поймите, что Россія никогда ничего не имѣла общаго с остальною Европою, что исторія ея требует другой мысли, другой формулы, чѣм мысли и формулы, выведенныя Гизотом из исторіи христіанскаго Запада”. “Россія была совершенно отдѣлена от западной Европы”. Пушкин доказывает, что в Россіи не было ни феодализма, ни независимых городских общин. Эту отдѣленность Россіи от остальной Европы и это своеобразіе ея исторіи Пушкин о т ч а с т и воспринимает — подобно “западникам” — как н е д о -

с т а т о к русской исторіи. “Феодализма у нас не было — и тѣм хуже. . . . Феодализм мог бы, наконец, развиться, как первый шаг учрежденія независимости (общины были второй), но он не успѣл. Он разсѣялся во времена татар, был подавлен Иваном III, гоним, истреблен Иваном IV. По отрывочным замѣчаніям этого наброска, можно прійти к заключенію, что Пушкин сожалеет, что исторія Россіи не создала тѣх навыков к личной свободѣ и независимости от власти, которые возникли в историческом процессѣ Европы. Этот взгляд совпадает с извѣстной высокой оцѣнкой Пушкиным аристократіи, как носителя независимаго общественнаго мнѣнія в государствѣ. “Наслѣдственность высшаго дворянства есть гарантія его независимости. Противоположное есть неизбѣжно средство тиранніи или точнѣе, развращающаго и извѣживающаго деспотизма” (“О дворянствѣ”).

Главный источник этой, вредной для Россіи, отдѣленности Европы от Россіи он видит в татарском нашествіи, отчасти также в раздѣленіи церковей (ср. выше). Послѣдняя тема заслуживает особаго вниманія: в ней Пушкин рѣзче всего расходится с славянофильством. Для послѣдняго — в особенности для его главнаго богословскаго представителя, Хомякова, восточная, православная церковь послѣ раздѣленія церковей осталась единственной подлинной церковью, т. е. единственным адекватным представителем подлиннаго христіанства; католицизм самым самочиніем нарушил основную заповѣдь христіанской любви; протестантизм есть слѣдующій шаг на пути того же самочинія; этот и другой, слѣдовательно, суть уклоненія от истины христіанской церкви. Совсѣм иначе смотрит на вопрос Пушкин; его мысль легко угадать, хотя она выражена лишь в кратких словах его писем. Он не раздѣляет, прежде всего, пристрастія Чаадаева к католицизму и его огульнаго отверженія протестантизма. “Вы усматриваете христіанское единство в католицизмѣ, т. е. в папѣ,—пишет он ему (1831).—Не заключено-ли оно в идеѣ Христа, которая содержится и в протестантизмѣ? Первая идея была монархической, она становится теперь республиканской. Я плохо выражаюсь, но вы меня поймете”. Вскорѣ послѣ этого он пишет Вяземскому: “Не понимаю, за что Чаадаев с братіей нападает на реформацію, т. е. на фактъ христіанскаго духа. Что христіанство в нем потеряло в своем единствѣ, оно приобрѣло в своей общедоступности (*popularité*)” (3 авг. 1831 г.). Пушкин, таким образом, считает нормальным постепенное развитіе форм вѣрованій в христіанской церкви, и видит, что развитіе совершалось на западѣ. Каково же его отношеніе к православію? Пушкин, начиная с середины 20-х годов, особенно в связи с собираніем исторических матеріалов для драмы “Борис Годунов”, отчетливо сознавал все значеніе православія для русскаго національнаго духа и для русской культуры. В образах лѣтописца Пимена и патріарха в “Борисѣ Годуновѣ” он обнаружил и глубокую сердечную симпатію к традиціонному типу православаго благочестія, и гениальную способность понять и художественно воспроизвести его. Еще в юношеских своих “Исторических замѣчаніях” (1822) он порицает гоненія Екатерины II на духовенство, утверждая, что этим она

“нанесла сильный удар просвѣщенію народному”. “Греческое исповѣданіе — говорит он там же —, отдѣльное от всѣх прочих, дает нам особый національный характер”. Вредному вліянію духовенства в католических странах, гдѣ оно “составляло особое общество, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію”, он противопоставляет благотворную роль духовенства в Россіи. “Мы обязаны монахам нашей исторіей, слѣдственно и просвѣщеніемъ”. В письмах к Чаадаеву от 1836 г. он берет под свою защиту русское духовенство от нападок Чаадаева. “Русское духовенство до Феофана было достойно уваженія: оно никогда не оскверняло себя мерзостями папства и, конечно, не вызвало бы реформаціи в минуту, когда человѣчество нуждалось больше всего в единствѣ”. Он, впрочем, соглашается, что русское духовенство в новѣйшее время отстало, но видит причину этой отсталости в чисто внѣшней обособленности его от культурнаго слоя русскаго общества. И не только Пушкин цѣнил православіе, как творческую силу в исторіи русской культуры, но в послѣдніе годы своей жизни он и чисто религіозно чувствовал свою близость к православному благочестію, ощущал себя сам православным человѣком. Свидѣтельством этого является хотя бы его извѣстное стихотвореніе переложеніе молитвы Ефрема Сирина (“Отцы пустынники и жены пещерны”).

И тѣм не менѣе, Пушкин безконечно далек от славянофильской точки зрѣнія. Он остается и здѣсь, как и во всем, трезвым и объективным. Мысль о вредѣ для Россіи ея обособленнаго от Запада существованія он распространяет и на оцѣнку православія. Он сожалеет, что “схизма отдѣлила нас от остальной Европы” (письмо к Чаадаеву 1836 г.). В приведенном выше письмѣ к Вяземскому о воззрѣніях Чаадаева, защищая протестантизм, он прибавляет: “Греческая церковь — другое дѣло: она отдѣлилась от общаго стремленія христіанскаго духа”. Это отдѣленіе было и остается, по мысли Пушкина, источником ея относительной слабости. Смирнова сохранила нам на эту тему еще один, в высшей степени интересный разговор Пушкина с Хомяковым. На утвержденіе Хомякова, будто в Россіи больше христіанской любви, чѣм на Западѣ, Пушкин “отвѣтил с нѣкоторою досадою”: “Может быть. Я не мѣрил количество братской любви ни в Россіи, ни на западѣ; но знаю, что там явились основатели братских общин, которых у нас нѣтъ. А они были бы нам полезны”. Несмотря на свою высокую оцѣнку русскаго православія и свою личную сердечную преданность ему, Пушкин, таким образом, сознавал, что в судьбѣ и фактическом состояніи православной церкви в Россіи не все благополучно, и что Россіи в этом отношеніи есть чему поучиться у западнаго христіанства. Та же Смирнова передает слѣдующія слова Пушкина: “Если мы ограничимся своим русским колоколом, мы ничего не сдѣлаем для человѣческой мысли и создадим только приходскую литературу”.

Однако, это “западническое” убѣжденіе дополняется у Пушкина чрезвычайно интересной философско-исторической мыслью, имѣющей противоположную тенденцію. Татарское нашествіе и вызванное им обособленіе Россіи от Запада он разсматривает в перспективѣ всемир-

ной исторіи и с этой точки зрѣнія видитъ в нихъ особое служе-
ніе Россіи задачамъ европейски-христіан-
ской культуры. Эту общую перспективу не понимали, по его
мнѣнію, ни европейцы, ни русскіе западники (в лицѣ Чаадаева). По
поводу западно-европейскаго отношенія къ Россіи онъ говоритъ: “Долго
Россія была отдѣлена отъ судебъ Европы. Ея широкія равнины поглотили
безчисленныя толпы монголовъ и остановили ихъ разрушительное наше-
ствіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя в тылу порабоженную
Русь и возвратились в степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе
было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ
еще недавно утверждали европейскіе журналы; но Европа, в отношеніи
Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна”.
 (“О русской литературѣ, с очеркомъ французской” 1834). Ту же мысль
Пушкинъ повторяетъ в письмѣ къ Чаадаеву (1836): “Нѣтъ сомнѣнія, что
схизма отдѣлила насъ отъ остальной Европы и что мы не участвовали ни
в одномъ изъ великихъ событій, которыя ее волновали; но мы имѣли свое
особое назначеніе”. Повторивъ приведенныя выше слова о томъ, какъ та-
тарское нашествіе было приостановлено Россіей, Пушкинъ продолжаетъ:
“Этимъ была спасена христіанская культура. Для этой цѣли мы должны
были вести совершенно обособленное существованіе, которое, оставивъ
насъ христіанами, сдѣлало насъ однако чуждыми остальному христіан-
скому міру, такъ что наше мученичество дало католической Европѣ воз-
можность безпрепятственнаго энергичнаго развитія”.

Но эта мысль о всемірно-историческомъ смыслѣ и, слѣдовательно,
оправданіи обособленности Россіи и культурной отсталости ея про-
шлага дополняется в томъ же письмѣ къ Чаадаеву другою мыслью, в ко-
торой Пушкинъ энергично возстаетъ противъ идеи Чаадаева об отсутствіи
в Россіи вообще основъ исторической культуры. Пушкинъ рѣшительно от-
вергаетъ этотъ взглядъ типичнаго “западничества”, с особенной рѣзко-
стью выраженный, какъ извѣстно, в “философическомъ письмѣ” Чаада-
ева — взглядъ, по которому все прошлое Россіи есть какое-то пустое
мѣсто, — существованіе, лишенное элементовъ исторіи культуры. От-
вергнувъ опороченіе Чаадаевымъ восточнаго христіанства — правосла-
вія — на томъ основаніи, что оно было заимствовано изъ презрѣнной Ви-
зантіи (Пушкинъ мѣтко парируетъ эту мысль указаніемъ, что все хри-
стіанство тоже возникло изъ презираемаго всѣмъ міромъ еврейства) —
онъ продолжаетъ: “Что касается нашего историческаго ничтожества, то я
положительно не могу съ вами согласиться. Войны Олега и Святослава и
даже удѣльныя войны — вѣдь это та же жизнь кипучей отваги и без-
цѣльной и недозрѣлой дѣятельности, которая характеризуетъ молодость
всѣхъ народовъ. Вторженіе татаръ есть печальное и великое зрѣлище.
Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству (къ рус-
скому единству, конечно), оба Ивана, величественная драма, начав-
шаяся в Угличѣ и окончившаяся в Ипатьевскомъ монастырѣ, — какъ,
неужели это не исторія, а только блѣдный, полузабытый сонъ? А Петръ
Великій, который одинъ — цѣлая всемірная исторія? А Екатерина II,
помѣстившая Россію на порогъ Европы? А Александръ, который привелъ
насъ в Парижъ? И (положа руку на средце) развѣ вы не находите чего-

то величественнаго в настоящем положеніи Россіи, чего-то такого, что должно поразить будущаго историка? Думаете-ли вы, что он поставит нас внѣ Европы?”.

М. О. Гершензон в своей книгѣ о Чаадаевѣ справедливо говорит, что если бы от всего Пушкина до нас дошло только это его письмо, его было бы достаточно, чтобы усмотрѣть гениальность Пушкина. В этом главном документѣ отношенія Пушкина к проблемѣ “Россія и Запад” — как в остальных, приведенных нами здѣсь его замѣчаниях — обнаруживается гениальная способность Пушкина к синтетическому, примиряющему противоположности, воспріятію, — к пониманію им исторической реальности. Против крайняго западничества Чаадаева он защищает цѣнность самобытной русской исторической культуры; против славянофильства он утверждает превосходство западной культуры и ея необходимость для Россіи. И это есть не эклектическое примиреніе непримиримаго, не просто какая-то “средняя линія”, а подлинный синтез, основанный на совершенно оригинальной точкѣ зрѣнія, открывающей новыя, болѣе широкія духовныя и философско-историческія перспективы.

Достоевскій в своей извѣстной предсмертной рѣчи о Пушкинѣ, в своей формѣ, на языкѣ своих убѣжденій, пытался выразить этот подлинный универсализм генія Пушкина, примиряющій “славянофильство” с “западничеством”. В это толкованіе он вложил много своего, но по существу, в том, что он уловил этот универсализм Пушкина, он был совершенно прав. Когда настанет день возрожденія русской культуры и государственности, старый вопрос о культурном отношеніи между Россіей и Западом вновь станет перед русским обществом. Надо надѣяться, что оно вспомнит тогда о мудрых и широких завѣтах своего величайшаго генія.

«ЗАКАВКАЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА»

ГЛАВА ИЗ ВОСПОМИНАНИИ.

1873 г. — 1947 г.

Кавказ был родиной покойного Юлія Федоровича Семенова; Кавказу была отдана и его политическая молодость. Но только в Парижѣ, гдѣ он когда-то учился, — «доктор физики» Парижскаго университета голько в Парижѣ приобрѣл он политическую извѣстность, как многолѣтній редактор «Возрождения». В Парижѣ он и скончался.

Прирожденный журналист, недолго он был в родном Тифлисѣ скромным учителем физики; начал работать в газетах «Кавказ», «Тифлисскій Листок», там выдвинулся и с 1910 по 1918 год возглавлял и редактировал газету «Кавказское Слово». По своим политическим убѣждениям Семенов принадлежал тогда к кадетской партіи; и, по позднѣйшему печатному отзыву П. Н. Миллюкова, уже враждебно к нему настроеннаго, «не без достоинства представлял партію в запутанном клубкѣ мѣстных столкновений».

В войнѣ 1914 года Ю. Ф. Семенов принял участие как доброволец; служил радистом в воздушной эскадрильѣ; участвовал в боях под Трапезундом.

Послѣ революціи 1917 года был избран, в недолговѣчный Закавказскій сейм, представителем русскаго населенія Закавказья.

В дни «бѣлаго движенія» состоял, по отдѣлу печати и пропаганды, при ген. Деникинѣ и был им командирован, в цѣлях пропаганды, в Париж.

С 1927 года, и по 1940-й год, редактировал газету «Возрожденіе». Стойкій и непримиримый враг большевизма, человекъ с добрым, горячим сердцем, Ю. Ф. Семенов был, как редактор, видным, вліятельным и упорным выразителем правых теченій и надежд русской эмиграціи.

Но печатаемая ниже глава из его воспоминаній воскрешает не эти безвозвратно унесенные войной парижскіе споры. Он возсоздает, с рѣдкой правдивостью, интереснѣйшую и почти неизвѣстную страницу **русской исторіи** на Кавказѣ: дни «Закавказскаго сейма».

Послѣ ухода русской арміи с Кавказскаго фронта, к началу февраля 1918-го года, Закавказье, фактически отрѣзанное от Россіи и от союзников, переживало смутные мѣсяцы. Положеніе было крайне неустойчивое. Турки могли ворваться, а большевики соглашались оказать помощь лишь при условіи признанія власти московскаго совѣта народных комиссаров. Мусульмане явно держали сторону турок; армяне и русскіе продолжали считать себя «в состояніи войны» с группой центральных держав; грузины хотѣли установить «положеніе нейтралите-

та” и с этой цѣлью готовы были заключить мир с кѣм бы то ни было. Денег не было; край находился в состояніи гражданской войны; продовольствіе нигде не поступало.

В таких условіях собрался Закавказскій Сейм, 10-го февраля 1918-го года.

Закавказскій Сейм, провозгласившій Закавказскую республику сначала в предѣлах Россіи и как ея часть, а затѣм объявившій себя независимым, состоял, номинально, из представителей 10-ти политических партій, а фактически — из трех национальных групп, ведших между собой борьбу на почвѣ разных позицій в міровой войнѣ.

Состав Сейма по партіям был слѣдующій: 38 с.-д. меньшевиков (всѣ — грузины, за исключеніем двух русских и трех армян); 1 к.-д. (русскій); 6 соц.-революціонеров (один русскій, два армянина и три грузина); 27 партіи дашнакцутюн, всѣ — армяне; один грузинскій соц.-федералист; один грузин націонал-демократ; 30 человекъ мусульманской соц.-федералистической партіи “муссават”; 4 — партіи “мусульман в Россіи”, с такой же неопредѣленной программой, как и названіе; 7 — мусульманскаго социалистическаго блока, и 3 — партіи “гуммет” (мусульманскіе с.-д. меньшевики). Всего — 112 членов. Из 44 мусульман, трое меньшевиков голосовали в большинствѣ случаев с грузинскими меньшевиками, остальные 41 составляли компактную массу. В вопросѣ о независимости Закавказья опредѣленными противниками независимости оставались до конца один кадет и три соц.-революціонера (из шести). Этот вопрос вызвал раскол в маленькой партіи социалистов-революціонеров. Шесть человекъ разбились на двѣ враждебныя фракціи — армяне и русскіе отстаивали идею единства Россіи и вѣрность союзническимъ обязательствам; грузины в этомъ вопросѣ прикнули к меньшевикам.

Сейм засѣдал первые дни в помѣщеніи театра, а потом — во дворцѣ бывшихъ кавказскихъ намѣстников. Никакой торжественности, никакого парада не было при открытіи собранія, которое считалось его членами Учредительнымъ Собраніемъ Закавказья. В грусти, буднично, оно родилось 10-го февраля и так же буднично умерло 25-го мая того же года. Душа его отлетѣла раньше воплощенія. И первыя же засѣданія были заполнены надгробными рѣчами по этой отлетѣвшей душѣ.

Открыл первое засѣданіе Н. Чхеидзе, предсѣдатель комиссіи по созыву Сейма, избранный единогласно постояннымъ предсѣдателем. Свою пріветственную рѣчь он посвятил критикѣ большевиков, дѣятельность которыхъ назвалъ разбойной и преступной и, между прочим, произнесъ фразу “о ядовитой, злосчастной иллюзіи выскочить изъ огненнаго кольца войны на укромное мѣсто”.

Вечеромъ того же дня, когда была произнесена эта фраза, предсѣдатель комиссаріата получил телеграмму от турецкаго главнокомандующаго, Вехиба-паши, с предложеніемъ правительству *независимаго* Закавказья начать с Турціей переговоры о заключеніи окончательнаго мира, для чего турецкіе делегаты готовы выѣхать изъ Константинополя в Тифлис.

И Закавказскій Сейм, преисполненный мирныхъ намѣреній, ли-

шенный арміи и знавшій, что он никому не может быть опасен, повѣрил в искренность турецких желаній даровать Закавказью мир и благоденствие нейтралитета, в то время, как міровая война вступила в самую жестокую фазу своего развитія.

Сейм отвѣтил, что он готов начать переговоры, быстро выработал принципиальныя условія *постояннаго* мира и выслал делегатов в Трапезунд.

И началось жестокое издѣвательство над народами Закавказья. Люди то ликовали, надѣясь на скорое прекращеніе их страданій, то в негодованіи бряцали оружіем, чтобы на другой же день спрятать его, и вновь ликовали; и вновь собирались “скорѣе умереть, чѣм подписать позорный мир”. В концѣ концов, подписали то, что им приказали подписать, сдѣлали то, чего требовали Германія с Турціей, и до сих пор не вышли из огненнаго кольца войны.

Получив телеграмму от Вехиба-паши, предсѣдатель комиссаріата Гегечкори немедленно созвал членов комиссаріата и Сейма на соединенное закрытое засѣданіе, состоявшееся в тот же вечер во дворцѣ.

На этом засѣданіи было рѣшено принять предложеніе Турціи о переговорах, отвергнуть мѣсто встрѣчи в Тифлисѣ и предложить, со своей стороны, Трапезунд послѣ 20-го февраля (ст. ст.), когда остатки русских войск покинут этот город. В ту же ночь отвѣтъ был послан по радіо Вехибу-пашѣ.

Характерным моментом засѣданія было отношеніе к союзникам.

В самом началѣ представитель кадетов запросил: “извѣщены-ли представители союзных держав об этих шагах Турціи, и вообще каковы отношенія между комиссаріатом и представителями союзников“?

Гегечкори отвѣтил, что комиссаріат никогда не скрывал своих поступков. Поэтому представители союзных держав были освѣдомлены о всѣх шагах комиссаріата, так же, как и все населеніе, читающее газеты. “В частности, — сказал Гегечкори, — на-днях у меня был представитель Англій, полковник Пайк, который сдѣлал мнѣ нѣкоторые предложенія, но я не нашел возможным отвѣтить на них, в виду того, что Сейм должен был вскорѣ собраться. Предложенія англійскаго представителя будут сначала доложены Сейму, а затѣм правительство отвѣтит”.

В концѣ засѣданія тот же член Сейма предложил просить союзников принять участіе в трапезундских переговорах, и его поддержал представитель партіи социалистов-революціонеров. Предложеніе, поставленное на голосованіе, было отвергнуто.

Что же касается сообщенія полковника Пайка, о котором говорил Гегечкори, оно, конечно, никогда не было доложено Сейму, ибо, по словам Пайка, имѣвшаго на другой день по этому вопросу разговор с членом Сейма Семеновым, в присутствіи французскаго полковника Шардиньи, он ничего официально не предлагал Гегечкори. Полковник говорил с ним лишь о том, что англичане готовы оказать финансовую поддержку національным совѣтам в дѣлѣ организаціи національных воинских частей, отправляемых на фронт.

Дѣйствительно, послѣ разговора с Гегечкори, полковник Пайк во-

шел в сношенія с армянским, грузинским и русским национальными совѣтами по этому вопросу. Грузинскій совѣтъ отказался от денег. Армяне и русскіе, в принципѣ, приняли. Но когда дѣло дошло до передачи денег, встрѣтился ряд затрудненій. Главным затрудненіемъ было то обстоятельство, что у англичан в Тифлисѣ не было денежных знаков, но были теки на лондонскіе банки. Ихъ нужно было учесть. Мѣстные банки учитывали ихъ по очень низкой цѣнѣ, англичане и американцы торговались на этотъ торг, на выясненіе суммы и условий передачи ушло два мѣсяца. Армяне, все-таки, получили нѣкоторую сумму. Чекъ для Русскаго Национальнаго Совѣта долженъ былъ быть уже подписанъ, когда 9-го апрѣля Сеймъ провозгласилъ независимость Закавказья, и представители союзныхъ державъ покинули Тифлис, выѣхавъ на сѣверъ.

Пославши отвѣтъ Вехибу-пашѣ съ принципиальнымъ согласіемъ на переговоры о мирѣ, Сеймъ сталъ выработывать свою собственную фізіономію. Съ этой цѣлью одно засѣданіе было посвящено деклараціямъ партій. Наканунѣ пришла телеграмма безъ всякихъ деталей отъ члена 'большевистской' делегаціи мира, Карахана, о томъ, что в Брестѣ будетъ подписанъ миръ. Всѣ находились подъ впечатлѣніемъ этой телеграммы. И, тѣмъ не мене, всѣ деклараціи говорили о единствѣ Россіи.

Представитель мусульман, Агаевъ, сказалъ: "неумѣлая тактика руководителей революціи и непониманіе ими задачъ момента привели Россію на край гибели". Высказавшись затѣмъ о необходимости скорѣйшаго заключенія мира и разрѣшенія ряда социальныхъ и национальныхъ вопросовъ, онъ прибавилъ: "не надо медлить децентрализацией отдѣльныхъ сферъ государственной жизни, ибо для возсозданія Россіи свободныхъ народовъ нѣтъ пути, кромѣ федераціи". Поэтому его фракція настаиваетъ на "практическомъ осуществленіи національно-территориальной автономіи в Азербейджанѣ".

Отъ партіи дашнакдзюянъ, Качазунни, сказалъ: "устраивая свою жизнь на мѣстахъ, народы и страны, тѣмъ самымъ, закладываютъ прочный фундаментъ для воздвиженія на немъ великаго дѣла — единой Россійской Федеративной Республики. Однимъ изъ такихъ организующихъ центровъ долженъ стать Закавказскій Сеймъ".

Въ деклараціи социалистовъ-революціонеровъ говорилось, что "фракція полагаетъ необходимымъ заключеніе мира с Турціей, в согласіи съ содѣльными правительствами Россійской Республики, стоящими на платформѣ Учредительнаго Собранія". Ораторъ партіи закончилъ рѣчь призывомъ къ борьбѣ "за возстановленіе единства всероссійскаго революціоннаго фронта, и за Учредительное Собраніе, во имя торжества единой Россійской Федеративной Демократической Республики".

Декларація меньшевиковъ, прочитанная по листу Ноемъ Рамишвили, подробно излагала планъ законодательства аграрнаго, рабочаго и т. д., а по вопросу общей политики гласила, что "закавказская демократія, предоставленная, благодаря политикѣ большевиковъ, самой себѣ, вынуждена собственными силами добиваться разрѣшенія выдвинутыхъ Россійской революціей задачъ, в полной увѣренности, что организованная область, преодолевши анархію, совмѣстными усиліями возсоздадутъ единство всероссійской демократіи".

Эти деклараціи представляли мнѣніе 106-ти депутатов из 112-ти. Мелкія фракціи расходились с ними лишь в мѣру различій партійной идеологіи, и только грузинскій націонал-демократ Гвазава настаивал на объявленіи Закавказья независимой республикой и на немедленной разработкѣ конституціи новаго государства.

Однако, уже и в этом засѣданіи Сейма, 15-го февраля, прозвучала нота отчаянія, которая показала, что за официальными деклараціями скрывается нѣкая иная сущность, и что эта сущность, быть может, сильнѣе желаній, намѣреній, а, главное, способностей Сейма.

Помимо деклараціи, Н. Жорданія произнес большую рѣчь об общем положеніи вещей. Он говорил, что нынѣшняя революція “не выходит из предѣлов товарнаго хозяйства”, что она “не касается основ буржуазнаго общества”, что, “если, вопреки исторіи, мы будем навязывать этой революціи то, чего она не может дать, мы получим не социальную революцію, а социальную реакцію. Ибо только из буржуазнаго общества может родиться социалистическое общество”. Затѣм, переходя к задачам Сейма, он сказал, что, благодаря большевикам, Закавказье очутилось изолированным от Россіи и предоставленным собственным силам. “Еще недавно, — говорил он, — мы мечтали и лелѣяли ту идею, что скоро, очень скоро, мы объединимся с російскою демократіей и вмѣстѣ с нею будем устраивать экономически и политически Россійскую Республику. Но это становится нынѣ мечтой”. Что же касается Брестскаго мира, то он, по словам Жорданія, “еще рѣзче оборвал тѣ нити, которыя нас связывали с Россіей. Послѣ этого акта, Сейм, долженствовавшій быть законодательным учрежденіем, превращается в Учредительное Собраніе, и первѣйшей его задачей является — заключить мир с Турціей. Но такого мира, — воскликнул Жорданія, — какой подписали большевики, мы не подпишем, и мы считаем, что лучше умереть с честью на посту, чѣм опозориться и предать себя на проклятіе потомству”. Увѣренный, что, “может быть, через год, может быть, через полгода к нам оттуда (из центра Россіи) будет идти быстрыми шагами самая свирѣпая реакція”, Жорданія заключил, что, “если Закавказье организуется в правовую республику, оно сумѣет отстоять себя от этой реакціи, надвигающейся с сѣвера”.

Исходя из правильнаго положенія, что, “вопреки исторіи”, нельзя навязывать жизни то, чего она не может дать, Жорданія не хотѣл или не мог принять во вниманіе, что исторія дѣлалась в тот момент на полях сраженій міровой войны: выйти из всеобщей катастрофы — выше сил отдѣльных единиц. Россія разваливалась именно благодаря попыткѣ за предѣлами исторіи выполнять теоретическія программы. Такую теоретическую программу начертал для Закавказья Жорданія, придумав “правовую республику” из трех частей, из которых двѣ были уже втянуты внутренним своим существом в общую міровую трагедію противоположными ей полюсами, а третья пыталась выскочить в укромное мѣсто нейтралитета.

В этом смыслѣ ему возражал представитель партіи к.-д.

Но мысли, бросавшіяся Н. Жорданія, подхватывались на-лету, и тѣ, кто не имѣли никаких своих мыслей, дѣлали их своими.

Из-за тройственности настроеній и направленій закавказской политической мысли, никакое теченіе не могло имѣть большинства и авторитета силы. Турецкаго направленія мусульман боялись грузины; его ненавидѣли армяне. Союзническаго настроенія армян не раздѣляли грузины, увѣренные в побѣдѣ Германіи, и в открытой оппозиціи ему были татары. Поэтому все три стороны временно, внѣшним образом, сходились на грузинском нейтралитетѣ. А так как союзники были далеко, а турки близко, то для грузин мусульманская опасность была реальна. Этим объясняется, что общее руководство закавказской политикой оказалось в руках грузин-меньшевиков, как у нейтралистов. Это руководство направилось в сторону установленія какого бы то ни было соглашенія с мусульманами. Армянскіе же политики плелись в хвостѣ, все болѣе и болѣе отклоняясь от собственных желаній и от того, что дѣлал армянскій народ.

Несоответствіе внѣшних выраженій и внутренних настроеній, намѣтившееся в день партійных декларацій в Сеймѣ, рѣзко проявилось в тот же вечер в засѣданіи “комиссіи о мирѣ”. Комиссія разрабатывала план инструкцій для мирной делегаціи, отправляющейся в Трапезунд. Присутствовали представители всех фракцій. Член фракціи дашнакдзютов, А. Хатисов, от имени партіи, изложил в четырех пунктах требованія армянскаго народа, долженствовавшія быть положенными в основу мирных переговоров: 1) автономія Арменіи в предѣлах Турецкой имперіи; 2) территоріей автономной Арменіи должны быть шесть вилайетов, как они указаны в Оранжевой книгѣ, касающейся проекта реформ 1913-го года, установленнаго союзными державами и подписаннаго Турціей; 3) гарантія безпрепятственнаго возвращенія армянских бѣженцев в Арменію. “Послѣ отдѣленія Закавказья от Россіи, — сказал А. Хатисов, — сдѣлалось возможным установленіе добрососѣдских отношеній армян с Турціей”, и 4) формиро-ваніе армянской милиціи на территоріи турецкой Арменіи.

Все вышеизложенные четыре пункта должны были быть гарантированы державами четвернаго союза Центральной Европы.

Развивая свои требованія, представитель партіи дашнакдзютов говорил, что положеніе дѣл в Европѣ и на Кавказѣ настолько измѣнилось, что теперь вполне мыслимы новыя перспективы для Турецкой имперіи. Идеи социализма распространяются и в Малой Азіи; быть может, в турецкую федерацію войдут современем и закавказскія республики.

Так как эти заявленія официальнаго представителя партіи в присутствіи представителей всех фракцій Сейма и четырех національных совѣтов, в официальном засѣданіи парламентской комиссіи вызвали удивленіе нѣкоторых членов собранія, Хатисов сослался на утреннюю рѣчь Ноя Жорданія в Сеймѣ, которая, по его мнѣнію, “показывает, что среди меньшевиков ориентація значительно измѣнилась; общее положеніе дѣл таково, что для всех народов Закавказья уже рисуется возможность в будущем независимых Грузин, Арменіи и Азербейд-

жана, которые войдут в турецкую федерацию. У армян в Турции нѣтъ и никогда не было тенденціи выдѣленія из Османской имперіи; я, — подчеркнул Халисов, — заявляю это категорически. Армяне явятся самыми лойяльными гражданами Турціи и будут отражать всѣ поползновенія на цѣлость Османской имперіи, с чьеѣ бы стороны эти поползновенія ни исходили. Вопрос о турецкой Арменіи был всегда международным, но если мы сейчас разрѣшим его удовлетворительно, он перестает быть международным”.

Так говорили политики в комиссіи закавказскаго Сейма.

А в то время, как, под вліяніем тонких дипломатических комбинацій в нѣдрах Сейма, в головах политиков, по их собственному выраженію, происходила революція, армянскій народ с оружіем в руках сопротивлялся продвиженію турок, наступавших от Эрзерума к кавказской границѣ.

Сейм принял план, формулированный комиссіей в слѣдующих четырех пунктах:

1. “Закавказскій Сейм при создавшихся условіях считает себя правомочным заключить мир с Турціей.

2. Закавказскій Сейм, приступая к мирным переговорам, ставит себѣ задачей заключить окончательный мир с Турціей.

3. В основание заключаемаго мирнаго договора должно лечь восстановление государственных границ Россіи с Турціей, существовавших к моменту объявленія войны в 1914-ом году.

4. Делегация добивается права на самоопредѣленіе для народов Восточной Анатолиі, и, в частности, автономіи турецкой Арменіи, в рамках турецкой государственности”.

Принятіе этих четырех пунктов в засѣданіи Сейма 16-го февраля вызвало бурныя пренія, поднятыя представителем партіи к.-д. Он внес предложеніе о совмѣстных с союзниками дѣйствіях в вопросѣ о переговорах с Турціей. Предложеніе это было отвергнуто. Кроме того, он возражал против второго пункта программы, — пункта об “окончательном мирѣ”, настаивая на том, что окончательный мир будет заключен лишь на мирной европейской конференціи, которая сможет измѣнить кавказскій мир до самаго его основанія, если этот кавказскій мир вообще имѣет какіе-нибудь шансы быть заключенным. Кроме того, он полагал, что ни о чем окончательном Сейм не может говорить, пока отвѣтственные представители крупных фракцій в теченіе дня рѣзко мѣняют свои точки зрѣнія по основным вопросам политики. Он сослался при этом на противорѣчіе утренней деклараціи представителя партіи дашнакцутюн и вечерних заявленій в комиссіи о мирѣ той же партіи. Но рѣчь члена партіи к.-д. имѣла результатом лишь болѣе тѣсное объединеніе всѣх на почвѣ рѣзкой критики русских и англійских “империалистов”. В этот день в первый и в послѣдній раз мусульмане поддержали армянскую партію дашнакцутюн и обѣщали ей отстаивать автономію турецкой Арменіи.

На другой день, 17-го февраля, делегация Сейма, в составѣ представителей всѣх фракцій, за исключеніем к.-д., должна была отправиться в Трапезунд для переговоров о мирѣ. Но в этот день пришла

телеграмма от секретаря большевистской мирной делегации, Карахана. с сообщением о том, что на следующий день в Брест-Литовскѣ будет подписан мирный договор, по которому Батум, Карс и Ардаган с их округами отходят к Турции. Полагая, что послѣ Брестскаго договора позиция оттоманскаго правительства по отношению к кавказской мирной делегации измѣнится (как будто турецкое правительство 10-го февраля не знало, что должно было произойти в Брестѣ в ближайшіе дни!), делегация осталась в Тифлиси, в ожиданіи отвѣта на посланный по этому поводу запрос в турецкую ставку. Но делегация так и не дождалась отвѣта, и, получив 22-го февраля телеграмму от русскаго генерала Колосовскаго из Трапезунда о том, что туда ожидается пріѣзд турецкой делегации, выѣхала в Батум и затѣм в Трапезунд. Прибыв к этому городу 23-го февраля вечером, делегация прождала на пароходѣ до 27-го числа, не имѣя никаких свѣдѣній ни об оттоманских представителях, ни о намѣреніях турецкаго правительства, и уже собралась возвращаться в Батум, когда пріѣхали турецкіе уполномоченные. Через день, 1-го марта, состоялось первое совѣщаніе конференціи.

В промежуткѣ закавказское правительство получило требованіе Вехиба-паши об эвакуации Карса, Батума и Ардагана, *со исполненіи Брестскаго договора*, несмотря на то, что закавказское правительство послало по радио циркулярно-телеграфный протест против этого договора и заявленіе о том, что оно его не признает.

При первом же свиданіи предсѣдатель закавказской делегации, А. И. Чхенкели, представил туркам письменный запрос: означает-ли упомянутое требованіе Вехиба-паши отказ от веденія дальнѣйших переговоров? Турецкій предсѣдатель, Рауф-бей, в отвѣт на запрос, устно отвѣтил, "что прибытіе в Трапезунд турецкой делегации обусловлено желаніем Порты вести с Закавказьем переговоры, о требованіи же Вехиба-паши ему ничего не извѣстно".

Тѣм временем турки повели наступленіе со стороны Эрзинджапа на Эрзерум, заявив, что они будут продвигаться вперед до встрѣчи с русскими войсками, и объявили армянскія воинскія части вооруженными бандами, с которыми они будут обращаться, как с повстанцами. Другой турецкій отряд двигался от Трапезунда на Батум по берегу Чернаго моря и был уже на полпути, когда открылась Трапезундская конференція.

При ея открытіи предсѣдатель оттоманской делегации произнес на французском языкѣ слѣдующую рѣчь:

"Благодаря небо *) за ниспосланіе мнѣ случая обратиться от имени моей страны и моих коллег с благопожеланіями по поводу прибытія к уважаемым представителям народа Закавказья, постепенно подвигающагося послѣ паденія царизма по пути независимости, я имѣю честь разсматривать этот драгоцѣнный случай, как одну из самых пріятных радостей в моей жизни. Привѣтствуя сегодня в Вашем лицѣ вашу страну, отнюдь не в силу лишь необходимости слѣдовать требованіям церемоніала и дипломатических традицій, я одушевлен

*) Официальный перевод мирной делегации.

скорѣе чувством почтенія и желаніем содѣйствовать в священном дѣлѣ, представителями котораго Вы являетесь. В виду того, что всѣ военныя дѣйствія, ведшіяся нами в теченіе двухсот лѣтъ против царизма, были войнами оборонительными для наших стран, я думаю, что наши общія, судьбы связывались все болѣе и болѣе в теченіе этой славной исторіи. Послѣдній, пережитый нами період, который, к несчастью, помѣшал нам осязательно выполнить наш историческій долг в дѣлѣ помощи Вам, доказал рядом тяжелых испытаній всю важность единенія наших судеб. Во всяком случаѣ, я увѣрен, что всѣ мы здѣсь считаем паденіе раздѣлявшаго нас препятствія явленіем гораздо болѣе важным, чѣм наиболѣе выдающійся дипломатическій успѣх; ибо узы, связывающія нас, являются отношеніями не только историческими и географическими, но скорѣе родственными связями, вытекающими из нашего общаго прошлаго. Имѣнно поэтому народы кавказскій и турецкій состоятъ нынѣ из однѣх и тѣх же религій и націй и имѣют почти одинаковую исторію. Одушевленный этими чувствами, я желаю счастливаго исхода для наших совѣщаній и объявляю первое пленарное засѣданіе открытым”.

Рауф-бею отвѣчал Чхенкели. Не замѣтив, вѣроятно, исторической справки турецкаго уполномоченнаго о том, что турки и закавказскіе народы “однѣх и тѣх же религій и націй” в теченіе двухсот лѣтъ “славной исторіи” вели оборонительныя войны против русскаго царизма, он принес ему “от имени мирной делегаціи закавказскаго Сейма искреннюю благодарность за то привѣтственное слово, которое угодно было ему сейчас произнести”, и отмѣтил искренность его тона.

Послѣ этого оттоманская делегація внесла письменное предложеніе слѣдующаго содержанія:

“Делегація Императорскаго Оттоманскаго Правительства имѣет честь заявить, что ея Правительство питает искреннее намѣреніе установить добрососѣдскія отношенія с республикой, находящейся в процессѣ образованія в Закавказьѣ.

Оттоманская делегація просит закавказскую сдѣлать ей точныя деклараціи относительно сущности, формы, политической и административной организаціи означенной республики и спрашивает, выполнила-ли послѣднія условія, которыя требуются международным правом для образованія государства”.

Таким образом, с перваго же дня конференціи, турки поставили закавказскую делегацію перед необходимостью объявить независимость Закавказья, то-есть отторгнуться от Россіи, а военное командованіе вооруженной силой осуществляло параграфы Брестскаго договора. Закавказье было поставлено перед дилеммой или объявить независимость и продолжать разговаривать, или прекратить разговоры и силой оружія отстаивать свою неприкосновенность.

Так турки измором брали Закавказье.

Вмѣсто того, чтобы принять одно из рѣшеній, делегація пыталась убѣдить турок, что они, турки, сами захотѣли разговаривать, что Закавказье — почти независимое государство, и что остались однѣ формальности, которыя будут выполнены при подписаніи мирнаго догово-

ра. При этом делегация продолжала утверждать, что Закавказье не признает Брестского мира.

На это турки отвѣтили, что признаніе Закавказья независимым “не может имѣть обратной силы, и что закавказское правительство, заявив в телеграммѣ от 10/23-го января о необходимости согласовать свои дѣйствія с поведеніем и актами других составляющих территоріальное единство республики Россійской автономных правительств и воздержавшись от посылки представителей на Брестскую конференцію, тѣм самым, сочло себя не независимым государством, а членом Россійской Федеративной Республики. Оттоманское же правительство, узнав во время послѣдующих военных дѣйствій против Россіи об образованіи государства в Закавказьѣ и о намѣреніи этого послѣдняго отдѣлиться от Россіи, выразило желаніе познакомиться с ним и вступить *в добрососѣдскія отношенія*... Однако, до настоящаго времени на Кавказском фронтѣ стояла исключительно только русская армія”.

Мы видим, как турки подстегают кавказцев, попрекая их за их медлительность и указывая, какія от этого произошли дурныя послѣдствія — отторженіе Карской и Батумской областей.

Выше были цитированы деклараціи всѣх политических партій, групп, организацій и отдѣльных дѣятелей; из них никак нельзя понять, откуда Рауф-бей заключил о намѣреніи Закавказья до 10-го февраля “отдѣлиться от Россіи”.

Мы увидим ниже, кто диктовал Рауф-бею это заключеніе и с какою цѣлью. Что же касается самих турок, то независимость Закавказья сама по себѣ их нисколько не интересовала. Им важно было получить то, что они получили в Брестѣ от большевиков.

Во время перерыва занятій конференціи часть делегации вернулась в Тифлис и сдѣлала доклад о своих впечатлѣніях. Делегаты говорили, что, помимо официальных засѣданій, у обѣих делегаций бывали бесѣды частнаго характера, во время которых турки говорили болѣе откровенно. Так, Рауф-бей сказал однажды, что Карс и Батум им нужны как крѣпости против Россіи, ибо Россія, по их глубокому убѣжденію, будет вскорѣ так же сильна, как и раньше. И, конечно, не слабое Закавказье даст Турціи гарантіи против сильной Россіи, тогда как опредѣленное владѣніе Турціей этими крѣпостями дает ей солидную гарантію. Мы, — сказал Рауф-бей, — в теченіе войны потеряли всякую надежду на будущее Турціи. Нам казалось, что Турціи уже нѣтъ, и, тѣм не менѣе, мы держались и не выходили из борьбы. И вот теперь Аллах посылает нам такія блага, которыя доказывают государственную мощь Оттоманской имперіи. Наш народ по всей Турціи празднует возвращеніе Карса, Ардагана и Батума и от них не откажется.

А закавказская делегация продолжала настаивать на заключеніи мира между Турціей и Закавказьем в бывших границах Россіи 1914-го года и с автономіей турецкой Арменіи, при чем, — писал А. И. Чхенкели туркам, — “при ратификаціи мирнаго договора независимым Закавказским государством будут выполнены всѣ формальности, требуемыя международным правом”.

Оттоманская делегация решительно протестовала против 4-го пункта (автономия Армении), видя в нем внимательство во внутренние дела Турции, и сообщила, что переговоры об официальном признании Кавказской республики могут быть начаты лишь после отказа Закавказья от всяких претензий на Батумский, Ардаганский и Карский санджаки. Для того, чтобы добиться, все-таки, каких-нибудь результатов, закавказский Сейм пошел на крупные уступки и облек А. И. Чхенкели чрезвычайными полномочиями.

Выслушав это заявление, оттоманская делегация заявила о необходимости перерыва занятий для получения дополнительных инструкций от Порты.

По возвращении своем 24-го марта (ст. ст.) из Константинополя, делегация привезла с собою ультиматум турецкого правительства с требованием окончательного ответа на свою ноту от 8/21-го марта в 48-часовой срок. Не получая ответа из Тифлиса, закавказская делегация добилась продления срока еще на 48 часов и, все-таки, не получив ответа (радио-станция в Батуми была в руках турок), делегация, по истечении срока, поздно вечером 28-го марта сообщила Рауф-бею, "что она принимает Брест-Литовский договор и готова вести дальнейшие переговоры, основываясь на нем".

На это турецкая делегация ответила 31-го марта, что к переговорам должны быть привлечены ее союзники. "Однако, для возможности привлечения союзников к переговорам о *договоре дружбы*, который пока она готова обсудить, необходимо прежде всего, чтобы Закавказье декларировало свою независимость".

Этот последний ответ показывает, кому была нужна независимость. Турция уже получила Батум и Карс. Но ее союзникам нужно было расчленить Закавказье и добиться доступа к Баку. Брест-Литовский договор не давал Германии легального прохода Батум — Баку. А независимое Закавказье нарушило Брестский договор, против него можно было начать новую войну и законным порядком захватить все, что угодно.

На другой день закавказская делегация, совсем для нее неожиданно, получила от своего правительства предписание немедленно вернуться в Тифлис. Телеграмма гласила: "В виду того, что мирное соглашение по вопросу о границах Закавказья между Турцией и Закавказьем не достигнуто, закавказской делегации предлагается выехать обратно в Тифлис".

Отозвание делегации означало продолжение состояния войны.

Что произошло? Почему такое разногласие между мирной делегацией Сейма и самим Сеймом?

До известной степени это может стать понятным, если рассмотрим состав делегации. Она состояла из двух меньшевиков, из которых один был мусульманин, другой — грузин, Чхенкели; из пяти различных представителей мусульманских фракций Сейма, из одного социал-федералиста, одного национал-демократа, Гвазава, единственного высказавшегося за отделение Закавказья в день деклараций в Сейме, и, наконец, из двух армян, Р. Качазнуни и А. Хатисова. Таким образом, де-

дегация состояла в большинствѣ из опредѣленных давнишних сторонников Турціи или Германіи, ненавидѣвших армян, или из недавних сепаратистов, как А. Хатисов, которые думали, что они могут кого-нибудь или что-нибудь спасти, убѣдивши турок, что армяне — самые вѣрнопопданнные оттоманскіе граждане. Этим политикам текущаго дня турки сказали в Трапезундѣ, что они считаются только с единовѣрцами, и что убѣждают дѣла, а не слова.

Насколько мало считались отдѣльные члены мирной делегации с посланным их Сеймом, можно судить по слѣдующему факту. Когда Сейм постановил отозвать их из Трапезунда, что означало продолженіе состоянія войны между Закавказьем и Турціей, нѣкоторые члены делегации не подчинились, остались в Трапезундѣ и даже поѣхали оттуда в Константинополь. Таким образом, в то время, как Закавказье официально воевало с Турціей, член его парламента, М. Г. Гаджинскій (мусульманин), продолжал вести какіе-то переговоры с врагами, а гласный тифлисской Городской думы Г. Вешапели (лидер грузинских национал-демократов), один из секретарей делегации, также не вернулся с остальными, но поѣхал в Константинополь, откуда пріѣхал в Тифлис лишь спустя нѣкоторое время и занял свое прежнее положеніе в партіи и вообще в дѣлах мѣстной политики.

Что касается Сейма, то он относился к вопросу о независимости, как больной к тяжелой операци, всячески оттягивая ее, то совсѣм готовый разрубить Гордіев узел, то отстраняясь в каком-то мистическом ужасѣ. 31-го марта Сейм окончательно рѣшил вопрос *единогласно* в отрицательном смыслѣ, “категорически и безповоротно”, для того, чтобы через девять дней торжественно провозгласить свою независимость, признать Брестскій мир и возобновить переговоры с Турціей о заключеніи с ней “договора дружбы”. Впервые слово “независимость” было произнесено в “день деклараціи” (15 февраля) депутатом Гвазава, но потребовался вѣдшій толчок, чтобы вопрос принялъ болѣе конкретныя формы. Таким толчком оказалась телеграмма Карахана о Брестском мирѣ с уступкой Батума, Карса и Ардагана. На другой день по полученіи этой телеграммы, послѣ засѣданія Сейма, 18-го февраля, состоялось ночное соединенное засѣданіе правительства, представителей всѣх фракцій и членов мирной делегации, в котором возбужденные и негодовавшіе депутаты совсѣм были готовы отложиться от Россіи в видѣ протеста против Брестскаго договора.

Однако, ночное засѣданіе 18-го февраля не привело ни к какому рѣшенію. Представители партіи муссават требовали назначенія засѣданія Сейма на другой же день для объявленія Закавказья независимой республикой. Их поддерживал націонал-демократ Гвазава. Армяне возражали, говоря, что необходимо отложить вопрос и поставить его в зависимость от хода мирных переговоров с Турціей, как аргумент при отстаиваніи границ 1914-го года. Меншевики склонились на сторону армян, и вопрос не был поставлен в порядок дня.

На слѣдующій день вновь состоялось соединенное засѣданіе, в котором разсматривался этот же вопрос. В этот раз против независимости высказались меньшевики и представитель партіи к.-д. За нее

продолжали стоять мусульмане и национал-демократ. Армяне остались на прежней позиции. Тем не менее, по настоянию мусульман, вопрос был внесен на повестку дня ближайшего заседания Сейма.

Наконец, 21-го февраля дошла очередь и до этого вопроса.

Чрезвычайно показательной для настроения Сейма в этот день была речь армянского депутата Враціана. Он обратил внимание на то обстоятельство, "что в Сейме отсутствуют радость и торжественность, которых следовало бы ожидать при постановке такого кардинального вопроса, как самоопределение народов Закавказья".

Это настроение вполне понятно, ибо независимость Закавказья была не самоопределением, а отказом от всего прошлого под давлением Турции. Скачок в неизвестность, под влиянием паники! Жордания, в своей речи, характеризовал положение именно так. Он сказал, что нужно рассмотреть вопрос о независимости "с точки зрения той войны, в которой мы сейчас находимся, и которую мы должны закончить почетным миром. Тот диктует условия мира, кто побуждает. *До сих пор мы были сильны Россией, которая защищала нас степью своих итыков.* Теперь, впервые за 100 лет, меч выпал из рук России, и нам самим нужно создать ту силу, которая нас спасет. Нам грозит иго Турции. Каким способом мы можем освободиться от этого ига? Большевики купили мир ценою Батума и Карса, мы на такой мир не согласны. Но каким путем достигнуть мира? Есть только единственный путь — единение всех народностей Закавказья, их сплочение, что нам даст силу и спасение. Но для единения необходимо, чтобы оно было для всех выгодно. Огромное большинство населения Закавказья составляют мусульмане, без них мы не можем заключить почетного мира. Сто лет мы тянули мусульман к России, *но теперь война все изменила.* Война изменила России. Россия ушла из Закавказья, и все здесь имеют полное право иметь свою собственную ориентацию... Мы всегда держались русской ориентации и эту ориентацию сохраняем ныне, мусульмане же держатся турецкой ориентации. Необходимо найти средний путь... Мы не хотим попасть под турецкое иго, которое является поработением не только для нас и для армян, но также и для мусульман. И вот нам *поневоле* приходится объявить Закавказье независимым. Вожди мусульман должны иметь что-нибудь для своих масс, чтобы они пошли с ними и с нами. Таким фактом для них явилось независимое Закавказье. Однако, для самостоятельности необходимо, чтобы она была *признана Россией* и всеми другими государствами. Поэтому этот акт должен быть совершен в процессе международных переговоров. Таким процессом являются мирные переговоры в Трапезунде".

Отметим в этой речи уверенность лидера руководящей партии, что международными переговорам считалась Трапезундская конференция, где могли присутствовать лишь представители центральных держав. Тут уже видно предположение, что независимость "поневоле" должна состоять в отобрать назад у Турции Батум и Карс, выгодно кому-то другому, кому война не изменила, и кто может заставить принять свою волю все остальные государства мира, побужденные и лишенные поэтому голоса.

На эту сторону вопроса обратил внимание представитель партий к.-д. Он так же, как и Жордания, считал, что ставящийся в подобной обстановкѣ вопрос о независимости нужно разсматривать с точки зрѣнія войны. А так как Германія в этой войнѣ напрягла всѣ свои силы, подчинила ей всѣ стороны своей жизни, то, если ей может быть выгодна независимость Закавказья, очевидно, это соотвѣтствует каким-нибудь *ея военным планам*. Поэтому, объявив независимость, Закавказье отнюдь не выйдет из войны, не получит мира, котораго оно хочет, а лишь перейдет из одной коалиціи в другую. Эта измѣна будет содѣйствовать порабощенію Россіи, которую Германія расчленяет. А порабощеніе стомилліоннаго народа послужит источником послѣдующих войн, от которых Закавказье будет страдать больше всѣх. Становясь на путь, желательный для Германіи, Закавказье не сможет остановиться на полдорогѣ. От него отдѣлится Баку, который уже и сейчас “самоопредѣляется” по-своему, затѣм Закавказье распадется на Азербейджан, Арменію и Грузію, а потом и эти куски начнут расчленяться на мелкія части. И каждую часть в отдѣльности Турція и Германія проглотят без сопротивленія. Поэтому, по мнѣнію представителя оппозиціи, необходимо было, не объявляя независимости, употребить всѣ усилія на организацію національных воинских частей.

Что касается мусульман, то, хотя они утверждали, что объявление независимости есть акт свободнаго самоопредѣленія, то и они не раз говорили, что “турецкое правительство неоднократно разсматривало нас, как самостоятельную единицу, оно настойчиво навязывало, если можно так выразиться, эту идею”...

Сейм в данный момент не пошел за мусульманами; принял предложеніе армян, не желавших высказаться по существу, передал вопрос в комиссію и на шесть недѣль успокоился.

Тем временем формула Ноя Жорданія о *независимости по-неволѣ*, как о средней линіи между туркофильством мусульман и руссофильством христіан, с обоюдными уступками, занимала мысль членов Сейма. Осуществленіе этой формулы требовало прежде всего категорическаго отвѣта от мусульман, рѣшаются-ли они быть гражданами Закавказской независимой республики до конца, т. е. до защиты ея границ даже *против турок* с оружіем в руках, или нѣтъ.

Этот вопрос поставил ребром в одном из слѣдующих засѣданій Сейма предсѣдатель фракціи социалистов-революціонеров, Лоркипанидзе. “Положеніе, — сказал он, — таково, что здѣсь нужна не дипломатія, не игра, а нужно опредѣленно сказать: мы с вами, или не с вами. Уйти тогда, когда будет начата борьба, будет предательством. Мы имѣем право, чтобы вы, — обратился он к мусульманам, — найдя общій язык для Закавказской Республики, сказали временному правительству: организуйте силы, и пусть всѣ знают, что если будет борьба, мы будем всѣ вмѣстѣ”.

Мусульмане ничего не отвѣтили на вопрос, поставленный прямо. но встревоженные, созвали межфракціонное засѣданіе 1-го марта и дали отрицательный отвѣт.

На засѣданіи присутствовали: восемь мусульман различных по-

литических отъѣнков, два представителя меньшевиков, Чхеидзе и Жорданія, армянин Карчикян, социалист-революціонер Лоркипанидзе и кадет Семенов. Мусульманин Уссубеков, член закавказскаго правительства, открыл пренія, доложив, что собраніе это созвано по просьбѣ мусульман, членов Сейма, так как вопросы, ставившіеся в послѣднем засѣданіи, ставят их в чрезвычайно затруднительное положеніе, ибо публично отвѣчать на них вредно. Мусульмане Закавказья, — продолжал он, — воевать с Турціей ни в каком случаѣ не будут, ибо они — *тюрки*, их объединяет с турками родство расовое, язык и религія. Но можно-ли сдѣлать подобное заявленіе сейчас с трибуны Сейма, когда ведутся мирные переговоры с Турціей? Однако, — прибавил он, — если вы пожелаете, мы можем заявить это и публично. Если же фракціи этого не желают, то пусть не задают нам таких вопросов, как это сдѣлал Лоркипанидзе в послѣднем засѣданіи Сейма.

Хан-Хойскій, также член правительства, впоследствии — премьер-министр Азербейджанской республики, в пространной рѣчи сказал, что мусульмане, испытавшіе гнет самодержавія, ничего не получили от революціи, ибо революція не только не улучшила их положенія, а создала лишь такую анархію, благодаря которой люди рѣжут друг друга. Мусульманским массам революція не дала ничего. Правда, мусульманская интеллигенція кое-гдѣ привлекается к власти, но и то с большой опаской и с проявленіем недовѣрія. Так, в Баку, гдѣ вся губернія мусульманская, он, Хан-Хойскій, был единственным представителем мусульман в Исполнительном комитетѣ; остальные были солдаты и рабочіе всѣх прочих національностей, ничего общаго с населеніем не имѣвшіе. Совѣты солдатских и рабочих депутатов ни за что не хотѣли давать оружіе мусульманам для организаціи милиціи, как элементу сомнительному в смыслѣ революціонности. Благодаря этому в Восточном Закавказьѣ создались такія условія жизни, что нѣтъ больше сил их выносить. Населеніе не вѣрит никому, ни своим выборным, ни интеллигенціи, ни духовенству; мы потеряли всякое вліяніе на массы. Однако, в чем мы нисколько не сомнѣваемся, это в том, что воевать с Турціей наш народ не будет. И если бы мы пошли к нему с призывом пойти войной против турок, он разорвал бы нас на куски”.

Послѣ этих заявленій Жорданія спросил, гарантируют-ли мусульманскіе вожди, по крайней мѣрѣ, нейтралитет своего народа в случаѣ войны Закавказья с Турціей? Он жаловался на аджарцев Батумской области, измѣнивших, по его словам, Закавказью и Грузіи. Кѣм-то руководимые, они портят мосты, не пропускают по дорогам воинскія части, словом, выполняют какой-то план, в интересах, лежащих по ту сторону государственной границы. Представители партіи “мусават”, — продолжал Жорданія, — постоянно требуют провозглашенія независимости Закавказья, но что это за независимое государство, в котором будет двѣ категоріи граждан — одни не захотят защищать южныя границы, другіе — сѣверныя. Гарантируйте нас, по крайней мѣрѣ, от удара в спину. Если наш тыл, — закончил Жорданія, — не будет обезпечен, мы, конечно, ни о какой защитѣ своих границ разго-

варивать не можем, и нам придется складывать оружие, сдаваясь на милость победителей.

Вопрос Жорданія остался без опредѣленнаго отвѣта.

Вмѣсто отвѣта, мусульмане сказали, что Закавказье, как государство, не их идеал. Их идеал — независимый Азербейджан, в составѣ персидскаго и закавказскаго Азербейджана с Дагестаном. Входя в Сейм, они, в силу необходимости, пошли на неприятный компромисс, который санкціонировал существующую границу между двумя Азербейджанами. В Закавказьѣ, благодаря столѣтнему русскому владычеству, культура выше турецкой, поэтому с турецким порабоженіем они также не примирятся. Но, — сказак Усубеков, — Турція это тоже знает и дала нам понять, что с этим будет считаться.

Таким образом рушилась схема, построенная Ноем Жорданія на средней линіи между двумя противоположными ориентаціями, и идея независимаго Закавказья потеряла всякій внутренній смысл какого бы то ни было самоопредѣленія. За ней осталось одно лишь ничем не прикрытое требованіе побѣдителя, преслѣдовавшаго свои собственныя цѣли.

Турецкая агитація в Восточном Закавказьѣ, толкавшая грузинских меньшевиков на поиски средней линіи между турецкой и російской ориентаціями, отрѣзывала в то же время Баку от Закавказья.

Как большевики прервали механически связь Россіи с Закавказьем и тѣм сдѣлали отдѣленіе его психологически неизбѣжным, так же точно турки с мусульманами, уничтожив желѣзнодорожную связь между Тифлисом и Баку, создали внутреннюю пропасть между этими двумя важнѣйшими центрами Закавказья.

С марта 1918-го года в Баку установилась совѣтская власть с націонализаціей промышленности, городской недвижимой собственности, банков, торговли и всего прочаго. И тогда как закавказскій Сейм постепенно самоопредѣлялся в направленіи турецко-германской ориентаціи, бакинскій совѣт народных комиссаров самоопредѣлялся в направленіи московско-большевистском. Баку отдѣлился от Закавказской республики, лишив ея нефти и связанных с нею финансовых перспектив.

И Закавказская республика открыла военныя дѣйствія против Баку. Мусульманскій національный совѣт отправил свой корпус для завоеванія столицы нефти, будущей столицы Азербейджана. Эта экспедиція никогда не была санкціонирована Сеймом и, как таковая, представляла первый сепаратный акт азербейджанцев. Формально, Закавказье еще составляло часть Россіи, и экспедиція мусульманскаго корпуса могла разсматриваться как карательная экспедиція против банды большевиков. Но фактически это было исключительно дѣлом мусульман, которому грузинскіе меньшевики сочувствовали, ибо Баку ускользал из-под их власти.

Мусульмане не имѣли удачи. Всѣ их атаки были отбиты, и бакинскія войска отогнали татар до станціи Кюрдамир, Закавказской желѣзной дороги, болѣе 100 верст западнѣе Баку.

Отказавшись от защиты южных границ Закавказья против Тур-

ци, часть закавказской армии, мусульманский корпус, сражалась под Баку с русско-армянскими частями, находившимися под руководством большевиков. Затѣм в июнѣ, к татарам пришли на помощь регулярныя турецкія войска и дагестанскій полкъ Горской республики. К бакинцам же на помощь пришел из Персіи русскій отряд Бичерахова, сражавшійся под трехцвѣтным російским флагом. В июлѣ большевистская власть в Баку была свергнута, но бои все продолжались. В августѣ на помощь бакинцам пришли из Персіи англичане. И в то время, как на западѣ союзныя войска начали побѣждать германскую коалицію, в Баку, вокруг русскаго и англійскаго флаговъ нѣсколько тысяч русских, армян и англичан отстаивали союзническую идею от нагнетка 50-ти тысяч турок, азербейджанцев и горцев. Но отрѣзанные от міра, без хлѣба, без воды (водопровод был перерѣзан турками). послѣ шестимѣсячной осады, бакинцы были побѣждены 25-го сентября. Штурм окончился трехдневной рѣзней армян, в которой погибло до 20-ти тысяч армян (мужчин, женщин и дѣтей). За штурмовавшей колонной, вмѣстѣ с турецким командующим Нури-пашей (братом Энвера), в город въѣхало впервые азербейджанское правительство под предсѣдательством Хана-Хойскаго, с конвоем отряда Горской республики, во главѣ правительства которой стоял бывший офицер конвоя Его Величества Тапа Чермоев, впоследствии предсѣдатель горской делегаціи в Парижѣ.

17-го ноября, послѣ общеевропейскаго перемирія, в Баку вступили с моря русскія и англійскія войска под командой генералов Бичерахова и Томсона. Турки были прогнаны, Нури-паша — арестован и предан суду; но азербейджанское правительство осталось. Ему, впоследствии, при помощи англичан, удалось удалить из Баку остатки русских войск и подчинить себѣ бывших защитников города, сражавшихся против турок под союзными знаменами.

Так осуществлялись в російском городѣ Баку 14 принципов президента Вудро Вильсона. Но вернемся ко временам закавказскаго Сейма.

Большевистскій переворот в Баку в мартѣ оказался послѣдним ударом по слабой спайкѣ народов Закавказья.

Мусульманскіе депутаты в Сеймѣ обвиняли партію дашнакцутюн и вообще всѣх армян в связи с большевиками. В то же время армяне всѣх политических теченій, на основаніи бакинскаго примѣра, стали склоняться к мысли, будто большевизм идет к настроеніям “единой Россіи”. Они думали, что, быть может, большевики сыграют в Россіи роль санкюлотов Французской революціи, побѣдивших весь мір. А так как в этот момент, по ходу Трапезундской конференціи, судьба армянскаго народа казалась им безнадежной, они, как утопающій хватается за соломинку, стали смотрѣть на большевиков с нѣкоторой надеждой. Так что упреки мусульман по их адресу не были лишены кое-какого основанія. И это обострило и без того острья отношенія между татарами и армянами.

Грузинскіе меньшевики, боявшіеся Турціи не меньше, чѣм большевиков, увидя, что мусульмане предают их туркам, прекратили по-

пытки сближенія с ними и стали думать об оборонѣ Закавказья вмѣстѣ с армянами, предоставив послѣдним защищать всю границу от Батумской области на восток и взявши на себя границу Батумской области. Русскій же корпус держали под подозрѣніем, полагая, что русскіе должны быть или большевиками, или имперіалистами-реакціонерами.

Внѣшнее положеніе Закавказской республики к концу марта было таково: на западѣ грузины постепенно, но вѣрно, теряли Батумскую область; на югѣ — армяне и русскіе теряли Карскую область; на востокѣ мусульмане, потеряв Баку, тщетно пытались завоевать его силой оружія, а в Трапезундѣ турки вмѣстѣ с нѣмцами дѣлали с увѣренностью и безошибочно “свое дѣло” с делегацией закавказскаго Сейма.

Правительство получило 28-го марта от делегации из Трапезунда телеграмму об ультимативном требованіи Блистательной Порты признать в 48-часовой срок Брестскій договор, объявить независимость Закавказья и затѣм продолжать переговоры о заключеніи “дружбы” с Турціей и ея союзниками.

Вечером 31-го марта состоялось “историческое” засѣданіе Сейма, на котором было *единогласно* постановлено отозвать делегацию из Трапезунда и поручить организацію обороны “совѣту трех”, облеченному неограниченными полномочіями. В состав совѣта вошли два грузина и один армянин — Гегечкори, Рамишвили и Карчикян. Мусульмане поняли это обстоятельство как выраженіе им недовѣрія, что соотвѣтствовало дѣйствительности, и приняли его как вызов.

На слѣдующій день, 1-го апрѣля, пал Батум.

Пало и правительство Гегечкори, составилось новое, под предсѣдательством Чхенкели, продолжавшее считать себя правительством *независимаго* Закавказья, охраняющим в предѣлах своей демократической, свободной, фѣдеративной республики завоеванія росскійской революціи...

Но быстро, в теченіе каких-нибудь двух недѣль, все Закавказье, за исключеніем Грузіи и Баку, оказалось в турецких руках.

Теперь для всѣх должно было сдѣлаться ясным, кому нужно было провозглашеніе независимости Закавказья. На этом должны были строиться дальнѣйшіе фазисы *германскаго* плана войны и владычества Германіи на Востокѣ послѣ войны.

Весь мір говорил о самоопредѣленіи народов, и закавказскіе народы нужно было поставить теперь в такія условія, чтобы они свободно и всенародно призвали к себѣ Германію, которая пришла бы не в качествѣ завоевательницы, а в качествѣ друга, избавителя, неся гарантію прав и европейской культуры.

Начальник штаба главнокомандующаго доносил закавказскому правительству, на основаніи доклада командира корпуса, ген. Габаева, от 4-го апрѣля, что в Батум вошло “регулярных турецких войск не больше пятнадцати рот. В Батум прибыло много техников, *преимущественно, немцы*”.

Как только была объявлена независимость Закавказья, германскіе инженеры, терпѣливо ожидавшіе этого дня в Трапезундѣ и быв-

шіе там до 1-го апрѣля в непрерывных сношеніях с делегаціей закавказскаго Сейма, немедленно пріѣхали в Тифлис и затѣм — в Чиа-туры (Кутаисской губ.), в мѣстонахождение марганцевых рудников.

Мусульманскіе члены закавказской делегаціи открыто показывали свое подчиненіе туркам. Бывали случаи, когда при обсужденіи нѣкоторых вопросов внутри самой делегаціи член ея, татарин Гаджинскій, говорил, что он не может высказать своего мнѣнія, так как он не успѣлъ еще поговорить по этому поводу с турецким представителем Халил-беем.

Видя такое поведеніе мусульман, грузины начали готовить в тайнѣ мѣры защиты своих сепаратных, грузинских, интересов. Нам неизвѣстно, когда они заключили с Германіей по этому поводу договор. Но уже в теченіе мая мѣсяца во дворѣ зданія шведскаго Краснаго Креста в Тифлисѣ собирались германскіе военноплѣнные, из них формировались мелкія части, производившія военныя упражненія.

И 25-го мая, по всѣм границам Грузіи, на перекрестках дорог и у мостов, неожиданно для всѣх, оказались германскіе пикеты с ружьями, знаменами и под командой германских офицеров.

Турки, продвигавшіеся с юга в предѣлы Грузіи, вдруг наткнулись на германскіе штыки и на германскіе флаги и должны были остановиться.

В тот же день, 25-го мая, в засѣданіи закавказскаго Сейма представитель меньшевиков, от имени грузин, заявил, что, в виду измѣнническаго поведенія мусульман, грузины вынуждены заботиться о себѣ сами. Поэтому они коллективно складывают с себя полномочія членов Сейма, считая, что Сейм не должен болѣе существовать.

Сейм распался, и Закавказская республика, живой труп со дня объявленія своей независимости, отошла в вѣчность.

Вмѣсто нея, образовались три республики — Грузинская, Азербейджанская и Армянская, первая — под протекторатом Германіи, вторая — под покровительством Турціи и третья, оккупированная Турціей.

Ю. СЕМЕНОВ.

АТОМНАЯ БОМБА

Новое оружие задумано совѣм недавно: первый заказ на атомную бомбу был сдѣлан перед Перл-Харбором в концѣ ноября 1941 года. Осуществлено оно 3½ года спустя (июль 1945 г.), а примѣнено было лишь дважды. Оба примѣненія атомной бомбы имѣли мѣсто в аналогичных условіях разрыв бомбы сброшенной с самолета на значительной высотѣ. Загадочно лишь то, что опубликованныя цифры потерь при первом ея примѣненіи (Хирошима) почти вдвое превышают таковыя же при вторичном примѣненіи (Нагасаки). Результаты дальнѣйших опытов (Бикини и др.), когда атомная бомба была использована в совершенно иных условіях — взрыв на поверхности и под водой — никогда опубликованы не были. Все, что извѣстно по этому поводу, ограничивается репортажами не специалистов, носившими скорѣе характер сенсаціи, чѣм реальной оцѣнки результатов, достигнутых в Бикини.

Таким образом твердых данных для сужденія объ эффективности и возможностях примѣненія атомной бомбы весьма мало, а имѣющіяся несомнѣнно устарѣли (август 1945 года). Трудно, однако, предположить, чтобы за три с половиной года, истекших со времени перваго примѣненія атомной бомбы, техника ея изготовленія не шагнула вперед. Не вдаваясь в технические детали, нужно отмѣтить, что самый принцип ея дѣйствія не составляет тайны. Разложеніе атома лабораторным путем было извѣстно задолго до появленія атомной бомбы. Весь секретъ лишь въ техникѣ ея изготовленія. И раз Соед. Штатам с их наиболѣе развитой в мірѣ техникой потребовалось 3½ года для изготовленія бомбы, вряд ли можно считать, чтобы за тѣ 3½ года, которые истекли со времени ея появленія, другим государствам уже удалось наладить ея изготовленіе. Опыт Германіи с ея развитой техникой, за все время 2-ой міровой войны не сумѣвшей изготовить атомной бомбы, убѣдителен. Конечно, работа в этом направленіи идет во всѣх технически развитых странах міра. Однако, болѣе чѣм вѣроятно, что САСШ обладают и сейчас монополіей в смыслѣ возможности использования атомных бомб. И, если бы даже допустить, что бомбы уже имѣются и в других странах, первенство САСШ во времени дает им такія преимущества, что новое оружие по справедливости можно считать главным козырем военного аппарата Америки.

Однако, практически, с военной точки зрѣнія, для рѣшенія вопроса о возможной роли атомной бомбы в будущем вооруженном конфликтѣ недостаточно одних лишь технических данных. Не менѣе существенны вопросы о возможности ея использования в смыслѣ измѣ-

ленія приѣмов веденія вооруженной борьбы. Кроме того, и чисто-технически, безспорно, что взрыв атомной бомбы на поверхности дает больший эффект, чѣм ея разрыв в воздухѣ над цѣлью пораженія, как это имѣло мѣсто при пораженіи японских городов в 1945 году.

Всякое новое достиженіе техники в военном дѣлѣ всегда склонно вызывать в средѣ широкой публики преувеличенное представленіе о его возможностях. Правда, изобрѣтеніе атомной бомбы значительно превосходит все, что до сих пор дала военная техника. Ея появленіе нельзя сравнить с изобрѣтеніем пулемета, танка или подводной лодки. Развѣ только использование воздушных сил для веденія войны можно считать этапом в развитіи военной техники нѣсколько приближающимся по своему значенію к изобрѣтенію атомной бомбы. Но завоеваніе авіаціей рѣшающей роли в веденіи войны потребовало десятилѣтій со времени появленія перваго боеваго самолета. Атомная же бомба даже на первом этапѣ ея примѣненія совершенно измѣнила наши представленія о возможных масштабах разрушеній. К тому же возможность ея использованія именно авіаціей, т. е. наиболѣе мощной отраслью современных вооруженных сил, еще повышает удѣльный вѣс этого средства нападенія. В то же время ея "портативность" (ничтожные по сравненію с авіаціонными бомбами вѣс и размѣры) допускают и другіе приѣмы ея использованія: и помимо воздушнаго флота; а также при посредствѣ ракетных снарядов, этих будущих наслѣдников воздушнаго флота. Опыты в Бикини кое-что в этом отношеніи уже показали. Конечно, степень эффективности атомной бомбы при использованіи ея помимо переброски воздушным флотом — величина, пока, совершенно неизвѣстная. Но изучается и она.

С другой стороны лихорадочно разрабатывается вопрос и об увеличеніи радіуса дѣйствія атомной бомбы путем опытов по метанію ея при помощи ракет. Изобрѣтенные нѣмцами ракетные снаряды ("Фау 2" или "V 2"), к концу 2-ой міровой войны были еще в стадіи совершенно примитивной. Но с тѣх пор опыты в этом отношеніи ведутся и в САСШ и в СССР (а, вѣроятно, и в других странах). При этом всюду используется нѣмецкій техническій персонал, впервые начавшій разработку этого новаго приѣма переброски снарядов. Во всяком случаѣ, и по отзывам печати, и по опыту японских бомбардировок можно полагать, что использование атомной бомбы путем ея переброски не только при посредствѣ самолета, а в будущем и при помощи ракеты, находится уже в стадіи реальных достижений.

Из всего этого вытекает, что использование атомной бомбы для пораженія глубоких тылов противника и его индустриальной базы вѣроятно. Роль атомной бомбы, как средства дальняго боя, вряд ли кѣм-нибудь может сейчас оспариваться. Вопрос лишь в том, можно-ли считать, что эффективность атомной бомбы настолько подавляющая, что ея примѣненіе, как оружія дальняго боя, способно оказать быстрое и рѣшающее вліяніе на исход войны. Конечно, наивно полагать, что разрушеніе Москвы или Нью-Йорка, каков бы ни был моральный эффект подобной бомбардировки, может считаться достаточным для

рѣшенія войны. Тут встает основной вопрос о площади поражения атомными бомбами, т. е. о размѣрах территорій, подвергающихся бомбардировкѣ, а наряду с ним и о дистанціях переброски. В ракетной стадіи атомной войны этот второй вопрос отпадает, но в нынѣшней, авіаціонной ея стадіи этот вопрос — воздушных баз, с одной стороны, и авіапереносцев и нужных им морских баз с другой.

Теоретически, разрушеніе военного потенциала страны (ея военно-промышленной базы) путем поражения атомными бомбами, въ сущности не встрѣчает возраженій. Вопрос лишь в наличіи соответствующих воздушных и морских баз и потребнаго количества атомных бомб. Подсчитав число объектов поражения, их размѣры и дистанціи до них, легко опредѣлить величину “Х”, т. е. количество потребных атомных бомб. Но практически рѣшеніе этого вопроса сложнѣе. В масштабах, миниатюрных по сравнению с мировыми, территорій Европы эта задача не встрѣчает непреодолимых затрудненій. Но трудно сказать, насколько рѣшеніе этой задачи осуществимо при столкновении мировых имперій. Вѣдь атомная бомба — не ручная граната, суточная выработка которой, при мало-мальски развитой военной промышленности, практически не ограничена.

Чѣм обширнѣй территорія и чѣм разсредоточеннѣе военно-промышленная база страны, чѣм дальше отстоят исходныя воздушныя и морскія базы, тѣм задача сложнѣе. Но и в наиболѣе сложных условіях масштабы разрушеній атомных бомб и их моральный эффект дают основанія предполагать, что даже и частичное рѣшеніе может привести к быстрой развязкѣ: к отказу противника от веденія дальнѣйшей борьбы.

В будущей ракетной стадіи веденія атомной войны атомная бомба, как рѣшающее оружіе дальняго боя представляется идеальным рѣшеніем для замѣны затыажной войны — скоротечной. В нынѣшней, авіаціонной стадіи вопрос значительно осложняется необходимостью наличія нужнаго числа воздушных и морских исходных баз. Этот же вопрос связан с классическим приемом веденія вооруженной борьбы. — захватом нужных территорій, на что атомная бомба, по самому своему существу, конечно, неспособна. Центр тяжести рѣшенія вопроса лежит, слѣдовательно, в развитіи ракетной переброски атомных бомб. Лишь этим путем атомная бомба, как рѣшающее оружіе дальняго боя, способна самостоятельно привести к поражению противника, не будучи в зависимости от приемов предъатомной, т. е. классической войны, объектом которой практически является захват территорій.

Еще труднѣе сказать, не располагая для этого нужными данными, какова сможет быть роль атомной бомбы, как оружія ближняго (стратегически, конечно, а не тактически) боя, т. е. в условіях ея примѣненія на самых театрах военных дѣйствій.

Недооцѣнка каждаго новаго средства веденія войны военными профессионалами настолько же типична, как и переоцѣнка каждаго новаго оружія в кругах широкой публики и среди дилетантов военного дѣла. Военная исторія дает не мало примѣров подобной недо-

оцѣнки; особенно с тѣх пор, как роль техники в военном дѣлѣ стала все болѣе и болѣе рѣшающей. И пулемет, и танк, и авіація должны были преодолѣть не мало треній именно со стороны того высшаго команднаго состава, который, казалось бы, должен был играть ведущую роль в признаніи новых средств борьбы. Желаніе начать каждую новую войну, базируясь на опытѣ предыдущей, стоило больше поражений и потерь, чѣм всѣ остальные ошибки в веденіи войн, вмѣстѣ взятыя. Так, танк, бывшій откровеніем 1-ой міровой войны, получил свое признаніе только послѣ начала 2-ой и стал общепризнанным основным оружіем боя лишь в період своего “одряхлѣнія”, когда развитіе авіаціи уже опередило рост танка. Точно так же, ружейный и пулеметный огонь считались в свое время основой обороны, несмотря на наличіе танка.

Сейчас в военных кругах вновь слышатся тѣ-же отголоски. Только на этот раз это реминисценціи, не 1-ой, а 2-ой міровой войны. Никто не отрицает, что не только танк, но и пѣхота и даже штыковой бой могут сыграть свою роль в нашу эпоху. Но никак нельзя ставить их во “главу угла”, — уже “на этапѣ” атомной бомбы.

Конечно, примѣненіе атомной бомбы, скажем для примѣра в окопной войнѣ, вряд ли мыслится и наиболѣе рьяными энтузіастами. Вряд ли вообще возможно ея примѣненіе на территориях, могущих вскорѣ послѣ того быть занятыми своими войсками. Длительность послѣдствій, слѣдующих за разрывом, как будто исключает эту возможность. Примѣненіе бомбы, как оружія ближняго (стратегически) боя вѣроятно возможно в нѣсколько ином планѣ: в смыслѣ разрушенія военных тылов и узлов путей сообщенія арміи противника.

Опять-таки расцѣпка подобнаго рода операций очень различна. Опыт 2-ой міровой войны все еще истолковывается по разному. Масивныя бомбардировки германских городов, центров промышленности и желѣзнодорожных узлов, не учитывая даже моральнаго эффекта подобнаго рода налетов на мирное населеніе, безспорно были одной из рѣшающих причин конечнаго пораженія Германіи, если только не главной его причиной... Сейчас общеизвѣстна та роль, которую сыграло отсутствіе бензина в германской арміи и авіаціи и послѣдній 1944 год опять-таки показал, что рѣшающую роль в успѣхѣ сыграла союзная авіація, совершенно парализовавшая маневренную способность германской арміи.

Рѣшающая роль авіаціи в исходѣ 2-ой міровой войны, однако, еще и сейчас не является общепризнанной. Все еще повторяются “старыя погудки на новый лад” о пѣхотѣ — царицѣ полей сражений, о рѣшающей роли артиллеріи и т. д. Не умаляя роли пѣхоты и особенно помятуя о ея жертвенной роли (а в современных условіях войны, можно даже сказать ея обреченности!), все-же сейчас вести войну, базируясь на сухопутную армію, было бы неэкономным и самым расточительным видом вооруженной борьбы. Опыт восточнаго фронта во 2-ую Міровую войну слишком в этом отношеніи убѣдителен.

Атомная бомба утыскачает возможности авіаціи. И этот коэффи-

циент с развитием атомной бомбы непрерывно растет. Так что и как средство ближнего (стратегического) боя, атомная бомба имеет все шансы на то, чтобы изменить характер классической сухопутной войны по овладению территорией и захвату исходных воздушных и морских баз.

Остается вопрос защиты от атомных бомб. Конечно, сама по себе бесспорна в анналах военной истории истина, что всякое новое средство нападения автоматически вызывает появление "противоядия", т. е. средства защиты (артиллерия и броня и т. д.). Но тот же опыт военной истории учит, что появление средств защиты неизменно отстает на несколько лет от появления средств нападения. Танк появился в 1-ую Мировую войну, но противотанковая оборона стала действительной лишь к концу 2-ой, а противовоздушная оборона до сих пор еще в младенческой стадии по сравнению с авиацией.

Теоретически защитой от атомных бомб являются: 1) убежища на большой глубине, 2) разредоточение вероятных объектов нападения и, может быть, 3) поражение бомбовозов-носителей атомных бомб до их появления над целью. Но все эти средства защиты пока еще в стадии чистой теории. Единственное надежное средство защиты от атомной бомбы, пока что, страх репрессий, т. е. ответного поражения атомными бомбами жизненных центров "агрессора". Этот принцип уже блестяще себя оправдал за время 2-ой Мировой войны: из боязни репрессий ни одна из сторон не рискнула прибегнуть к химической войне, несмотря на ту роль, которую газы сыграли даже в зачаточной стадии развития химической войны к концу 1-ой мировой катастрофы.

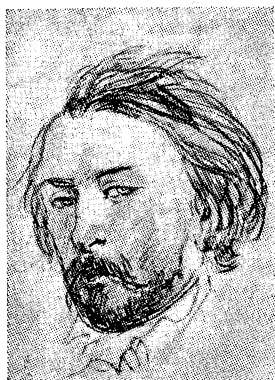
Естественно лишь, что для подобного рода защиты необходимо наличие атомных бомб и у той стороны, которая рискует подвергнуться нападению. А отсюда невольно напрашивается вывод, что в эпоху атомной войны наличие атомной бомбы дает державе, ею обладающей, преимущества решающие.

А. Зайцев.

ПОЛОНСКИЙ

(К 50-лѣтію со дня смерти: 30 октября 1898 г.)

Яков Петрович ПОЛОНСКИЙ.
в годы его пребыванія на Кавказѣ (40-ые гг. XIX вѣка).
Портрет карандашом раб. А. Бейдемана.

Что помнит русскій читатель из произведеній Полонскаго?
Поэму «Кузнечик-Музыкант». Два-три дѣтских стихотворенія:
«Ночью в колыбель младенца» и «Бѣда-Проповѣдник» («Аминь!
— ему грянули камни в отвѣтъ»). Два-три романа: «Мой костер
в туманѣ свѣтит»; «Отчего я люблю тебя, тихая ночь»; и «Мо-
лись, кунак» (часто не знают, что и эти послѣднія слова принад-
лежат Полонскому). Наконец, почти всѣ помнят знаменитыя «по-
литическія» восемь строк, в наши дни звучащія так, как они ни-
когда еще не звучали:

Писатель, — если только он
Волна, а океан — Россія,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихія.

Писатель, — если только он
Есть нерв великаго народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.

50-лѣтіе со дня смерти Полонскаго ничѣм не было ознаме-
новано ни в совѣтской Россіи, ни в эмиграціи. Большевики не

любят Полонскаго, и любить им его не за что. Правда, в «гитлеровскій» період совѣтской исторіи (1933—1939 г. г.), когда шла психологическая «подготовка» русскаго народа к возможной войнѣ, совѣтское начальство вдруг полюбило русскую исторію и русскую литературу и стало заказывать писателям, уцѣлѣвшим от былых, культурных времен, тщательныя историко-литературныя эданія классиков; — тогда, в 1937 году, был напечатан однотомником и Полонскій. Но в этот однотомник вошла, напримѣр, длиннѣйшая и скучная поэма «Братья», потому только, что там изображено римское возстаніе против папы, — и не вошла такія замѣчательныя вещи, как «Вѣсть, что люди стали мучить Бога» и, в особенности, «Божья риза»: там упоминалось о Богѣ!

Ткань природы міровая, —
Риза... Божья, может быть,
В этой ризѣ я — живая,
Я — непорванная нить...
Нить идет, трепещет, бьется,
И уж если оборвется, —
Никакіе мудрецы
Не сплетут ея концы.

Віеніе «непорванной нити» всегда чувствуется у Полонскаго, хотя и запутывался, временами, его стих в нескладные узелки. Тогда казалось, что в неловкостях именно и скрыто очарованіе! Да, шероховато; да, незаконченно, — но сколько жизненной, непринужденной прелести! Вѣчный друг и вѣчный соперник Полонскаго, Майков, удачно выразил это, посвятив Полонскому стихотворный рассказ об итальянкѣ-натурщицѣ Маріэттѣ. Натурщица походила на Мадонну; художники ею восторгались; но когда ее показали заѣзжему педанту-цѣнителю —

Он же вдруг, да с озлобленьем:
«Три веснушки на вискѣ!»

Муза Полонскаго часто на таких поэтических «веснушках» и выѣзжала. Зато рядом с нею муза Майкова с ея безупречно-правильными чертами лица казалась безжизненной. Рѣдко касался Полонскій тем классической древности, зато когда касался — двѣтри чудесных подробности, влитое в стихи чувство — и все оживало. За одну «Аспазію» Полонскаго можно отдать всѣ античныя поэмы Майкова, с мраморными дворцами и блистательными пирами, гдѣ мудрствует, умирая — и все еще кому-то подражая — Сенека.

Я выпишу «Аспазію» цѣликом, — как дальше приведу еще нѣсколько стихотвореній Полонскаго: у многих-ли в эмиграціи под руками его стихи? Кто их забыл, кто никогда не знал. кто рад будет их перечесть... А нѣтъ — перевернут страницу.

У А С П А З І Й.

Г о с т ь

Чтоб это значило? вижу, сегодня ты
Дом свой, как храм убрала:
Между колонн занавѣсы приподняты,
Благоухает смола.
Цитра настроена; свитки разбросаны;
У посыпающих пол
Смуглых рабынь твоих косы расчесаны,
Ставят амфоры на стол.
Ты же, блѣдна, словно всеми забытая,
Молча стоишь у дверей...

А с п а з і я

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозных галлерей.
Шум ея замер, — и это молчаніе
В полдень так странно, что вновь
Сердце мнѣ мучит тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь.
Буйных Афин тишину изучил я:
Это Перикл говорит.
Если блѣдна и молчит его милая, —
Значит, весь город молчит!
Чу! шум на площади, — рукоплесканія, —
Друга вѣнчает народ, —
Но и в лавровом вѣнкѣ из собранія
Он к этой двери придет!

Первый, кто поставил — прямо и не колеблясь — Полонскаго как поэта выше Майкова, был Тургенев. Но первый, кто пришел в восторг вообще от стихов Полонскаго, был Гоголь. Гоголь вписал в свою завѣтную тетрадку *самых* любимых стихотвореній одну из первых же вещей Полонскаго:

Пришли и стали тѣни ночи
На стражѣ у моих дверей.
Смѣлѣй глядит мнѣ прямо в очи
Глубокій мрак ея очей.
Над ухом шепчет голос вѣжнѣй,
И змѣйкой бьется мнѣ в лицо
Ея волос — моей небрежной
Ручкой измятое, кольцо.
Помедли, ноч! густою тьмою
Покрой волшебный мір любви!

Ты, время, дряхлюю рукою
 Свои часы останови!
 Но покачнулись тѣни ночи,
 Бѣгут, шатаясь, назад.
 Ея потупленные очи
 Уже глядят и не глядят.
 В моей рукѣ рука застыла...
 Стыдливо на моей груди
 Она лицо свое сокрыла...
 О, солнце, солнце, погоди!

Бѣлинскій отнесся к ранним стихам Полонскаго сурово. Нашел, что его талант можно разсматривать «только через микроскоп: так он миниатюрен». Вѣрно, что неловкій, хрупкій, непосредственный талант Полонскаго почти всегда искал поэзіи в случайном, будничном, мелком. Любимая и лучшая его поэма, «Кузнечик-музыкант», переносит дѣйствіе в мір крохотных наѣжкомых, гдѣ кузнечик-маэстро как двѣ капли воды похож на неловкаго, застѣнчиваго Полонскаго.

Автобіографичность этой поэмы можно считать доказанной. Сын мелкаго провинціального чиновника, сам мелкій чиновник, потом гувернер в аристократических домах (у Мещерских, у Смирновой Росетти), Полонскій «смолоду льнул, тянулся к придворным кругам, к знати. В бѣдной и захудалой семьѣ жило преданіе, будто бабушка Полонскаго была побочной дочерью Разумовскаго; этим почему-то гордились, и Полонскій мечтал о великосвѣтских «сильфидах», которыя его, бѣдняка, полюбят. Хладный свѣтъ неизмѣнно наносил чувствительному сердцу поэта «неотразимыя обиды». Это его не озлобило, но образумило.

Политически Полонскій всегда настроен был либерально. Чувство человѣческаго достоинства было его святыней. Подобно Тургеневу, он прежде всего — поэт гуманности. В исторіи русской литературы Тургенев «вышел» из поэзіи Жуковскаго: прямым и самым близким по духу продолжателем Тургенева был Полонскій.

Извѣстны стихи Полонскаго, посвященные революціонеркѣ Вѣрѣ Засулич:

Что мнѣ она! не жена, не любовница
 И не родная мнѣ дочь!
 Так отчего ж ея доля проклятая
 Спать не дает мнѣ всю ночь?
 Спать не дает оттого, что мнѣ грезится
 Молодость в душной тюрьмѣ.
 Вижу я своды... окно за рѣшеткою...
 Койку в сырой полутьмѣ.
 С койки глядят лихорадочно-знойныя
 Очи без мысли и слез.

С койки висят чуть не до полу темныя
Космы тяжелыхъ волос.
Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатая къ сердцу, без трепета
И без надежд впереди.
Что мнѣ она! не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь...
Такъ отчего жъ ея образъ страдальческой
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?

Полонскій былъ, в стихахъ, горячимъ поборникомъ и свободы печати: онъ в упоръ спрашивалъ у властей:

Или вы еще не знаете, что мы
Легче вѣруемъ под музыку цѣпей,
Всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы?

Но, увы! вмѣстѣ съ Майковымъ и Тютчевымъ (подъ началомъ у Тютчева) самъ Полонскій сталъ служить, къ концу жизни, в цензурѣ... Всѣ три поэта

«Велѣнью высшему покорны,
У мысли стоя на часахъ...
Не арестантскій, а почетный
Держали караулъ при ней».

Такъ они увѣряли; такъ оно и было; и, тѣмъ не менѣе, в четкихъ, волевыхъ людяхъ двусмысленность подобной политической позиціи вызывала естественныя насмѣшки и нареканія. Всею тяжестью своего бунтарскаго авторитета обрушился на Полонскаго, укоряя его в «вялости, безличности и в пугливости мысли», Салтыков-Щедрин. Заодно, Салтыков отрицалъ и принижалъ самый талантъ Полонскаго. Но это было уже явно несправедливо; и у Полонскаго нашлись в русской печати вліятельные заступники: прежде всего, Тургенев.

В письмѣ къ Полонскому, утѣшая его, Тургеневъ писалъ: «На Руси... всѣ мы такіе деспоты в душѣ, что намъ кажется, что мы не живемъ, если не бьемъ кого-нибудь по мордѣ». В печатной статьѣ о Полонскомъ, Тургеневъ с силой и справедливостью, возсталъ противъ щедринскаго упрека в «безличности». Свообразіе Полонскаго, дѣйствительно, быть трудно! Расхвалилъ Полонскаго, за своеобразіе «Кузнечика-музыканта», и Добролюбовъ, тоже вѣскій «лѣвый авторитетъ».

Пусть Полонскій не былъ ни волевымъ человѣкомъ, ни темпераментнымъ художникомъ, а былъ — чуткою и робко-беспомощною «Эоловою арфой»; зато правдивость его откликовъ на русскую жизнь и подлинная реальность ихъ изумительны.

Позднѣ Фет (уже из праваго лагеря) оригинально выразил свой восторг и преклоненіе перед Полонским. По поводу поэмы Полонскаго о вдовѣ Грибоѣдова, Фет писал Страхову: «прелестно от начала до конца! Так теперь не умѣют писать. Прогресс мѣшает».

Вот отрывок из этой замѣчательной поэмы.

Юная пружинская княжна, только что ставшая женою Грибоѣдова (по дорогѣ поэта в Тегеран, куда он был назначен посланником), внезапно узнает, что муж — «убит, убит...

Что труп его, кровавый труп,
Поруган был толпой,
И что скрипучая арба
Везет его домой.
Всѣ эти вѣсти в сердце мнѣ
Со всѣх сторон неслись....
Но не скрипучая арба
Ввезла его в Тифлис:
Нѣтъ, осторожно между гор,
Ущелій и стремнин,
Шесть траурных коней везли
Парадный балдахин.
Сопровождали гроб его
Лавровые вѣнки,
И пушки, жерлами назад,
И пики, и штыки.
Дымилась факелы, и гул
Колес был эхом гор....
И память вѣчную о нем
Пѣл многолюдный хор.
И я пошла его встрѣчать,
И весь Тифлис со мной
К заставѣ эриванской шел
Растроганной толпой.
На кровлях плакали, когда
Без чувств упала я....
О, для чего пережила
Его любовь моя!

Полонскій шел общим путем русской поэзіи 19-го вѣка: от романтизма, через реализм, к символизму. Но Полонскому особенно хотѣлось всегда уловить, зачерпнуть стихом бѣглую, ускользающую струйку *реальности*. Его излюбленный, художественный прием — мѣшать будничное и тайну; этот же прием станет потом основным у Блока. Блок любил стихи Полонскаго и отразил на себѣ их прямое вліяніе. Близко примыкает к Полонскому и Случевскій.

Вліяніе Полонскаго на послѣдующую русскую литературу вообще значительно; оно сильнѣе вліянія и Фета, и Майкова. Дружба Полонскаго с Гаршиным и с Чеховым общеизвѣстна. Чехова именно Полонскій, вмѣстѣ с Плещеевым, «вытащил» из «Новаго Времени». Чехову Полонскій посвящал стихи, — («У двери»), Чехов отвѣчал: «благодаря вам, я в глазах публики и товарищей выросла на цѣлую сажень».

Стихами Полонскаго —

«В одной знакомой улицѣ
Я помню старый дом» —

вдохноелен совсѣм недавній превосходный рассказ И. А. Бунина.

«Бытовой провинціальный роман», — пренебрежительно писали о стихах Полонскаго совѣтскіе литературовѣды. Но говорить так — значит не понимать главной прелести стихов Полонскаго, их кровной, живой связанности с русской жизнью. Именно «простенькія» вещи часто хороши у Полонскаго: «За окном в тѣни мелькает русая головка», «Старая няня», «В новый дом».

Он никогда не боялся будничных тем, прозаических подробностей. Память о юношеской любви переплетается у него, в стихах, посвященных Чехову, с темной лѣстницей, уличными фонарями:

А тьма в окно разбитое
Вползала на чердак,
И смрад стоял на лѣстницѣ,
И шевелился мрак...

У него есть длинное стихотвореніе «Міазм» (!). В богатом, аристократическом особнякѣ Петербурга умирает ребенок, убитый болотными міазмами. Дом опостылѣл хозяевам, продается.

«И пустой стоит он. Только дождь стучится
В запертой подъѣзд.
И в окошках темных по ночам слезится
Отраженье звѣзд».

Полонскій любил так ловить звѣздный отблеск, — не в небѣ, а именно в слезящихся, темных городских окнах. Часто это не удавалось; многія вещи испорчены у него вялыми прозаизмами. Но, когда удавалось, — сила впечатлѣнія оказывалась неотразимой.

Особую группу стихотвореній Полонскаго образуют «цыганскія» его вещи. В московском университетѣ Полонскій подружился с Аполлоном Григорьевым, сверстником-студентом. Григорьев оказал на него сильнѣйшее вліяніе. «И разсудок и память и сердце губя», «Неотвязная», «Мой костер», «Подойди ко мнѣ, старушка», всѣ эти стихи Полонскаго звенят, тревожат гитарными перезвонами.

«Чѣм развяжется
Эта жизнь моя?
Гдѣ доскажется
Мнѣ любовь моя?»

По-цыгански перезванивает и любимый автором «Колокольчик» («Побранить меня некому, — милаго нѣтъ!»). «Колокольчиком» восхищался Достоевскій: «какіе это мучительные стихи! Господи, как это хорошо!»

Горькій, с его пристрастіем к драматическим эффектам, к театальной романтикѣ, считал лучшими у Полонскаго стихи «Орел и Змѣя», часто читавшіеся на литературных вечерах:

На горах, под мятелями,
Гдѣ лишь ели одни вѣчно зелены,
Сѣд орел на скалу в тѣнь под елями.
И глядит: из разсѣлины
Выползает змѣя, извивается —
(И на темном гранитѣ змѣиная
Чешуя серебром отливается.
У орла гордый взгляд загорается,
Заиграло, знать, сердце орлиное:
«Высоко ты, змѣя, забираешься,
Молвил он: будешь плакать, расквѣешься!»
Но змѣя ему кротко отвѣтила:
«Из-под камня горячаго
Я давно тебя в небѣ замѣтила
И тебя полюбила, могучаго!
Не пугай меня злыми угрозами;
Нѣтъ, бери меня в когти желѣзные,
Познакомь меня с темными прозами
Иль умчи меня в сферы надзвѣздныя»...
Засвѣтились глазки змѣиные
Тихим пламенем, по змѣиному.
Распахнулись крылья орлиныя,
Он прижал ее к сердцу орлиному.
Полетѣл с ней в пространство холодное.
Туча грозная с ним повстрѣчалася;
Изгибаясь, змѣя подколодная
Под крыло его робко прижалася.
С бурей борются крылья орлиныя;
Близко молнія гдѣ-то ударила...
Он сквозь гром слышит рѣчи змѣиныя...
Вдруг — змѣя его в сердце ужалила!
И в очах у орла помутилось,
Он от боли упал, как подстрѣленный.
А змѣя уползла и сокрылася
В глубинѣ, под гранитной разсѣлиной.

Удачны стихи Полонскаго о Кавказѣ: они не теряют своеобразной правдивой прелести (напр., — виды Тифлиса) — даже рядом с великолѣпными Лермонтовскими и Пушкинскими картинами. Эффектно замыкается весь этот «цикл» стихами, рисующими возвращеніе поэта из-за снѣжнаго кавказскаго перевала — в родныя степи:

Все, что было обманом, измѣною,
Что лежало на мнѣ, словно цѣпь,
Все исчезло из памяти — с пѣною
Горных рѣк, выбѣгающих в степь.

Тема возврата с юга на сѣвер — одна из частых тем у Полонскаго. С наибольшим блеском выражена она в изысканной артистической фантази «Холодѣющая Ночь». Ею я и закончу сплошныя, длинныя выписки:

Там, под лаврами, на югѣ,
Странник бѣдный, только ночь
Мог я взять себѣ в подруги,
Юга царственную дочь.

Боже, как она умѣла
Раны сердца врачевать!
Как она над морем пѣла!
Как умѣла вдохновлять!
Но, увы, судьбой на сѣвер
Приневоленный идти,
Я сказал подругѣ-ночи:
Ненаглядная, прости!
А она со мной разстаться
Не хотѣла, не могла.
По горам, от слез мигая,
Вслѣд за мной она текла.
То сходила на долину
С томно-блещущим челом
И задумчиво стояла
Над моим степным костром;
То со мною ночевала
Над рѣкою, у скирдов,
Вѣя тонким ароматом
Рано скошенных лугов...

То, в туманы облачаясь,
Мѣсяц прятала в кольцо;
То с одежд холодный иней
Отрясала мнѣ в лицо.
Чѣм я дальше шел на сѣвер,
Тѣм гналась она быстрѣй:

Раньше день перегоняла
Уходила все позднѣй..
И молила, и стонала..
И, дрожа, я молвил ей:
«Ты на сѣверѣ не можешь
Быть подругою моею».
И, сверкнув, у синей ночи
Помутились глаза,
И застыла на рѣсницах
Накипѣвшая слеза.

Сквозь метель, на сѣвер хладный
Я кой-как добрел домой..
Вижу, — ночь лежит в долинѣ
Под серебряной парчей,
И беззвучно мнѣ лепечет:
«Погляди, как я мертва!
Сердце глухо, очи тусклы,
Холодѣет голова.

«Но повѣрь, что если снова
Ты воротись на юг, —
В прежнем блескѣ я возстану,
Чтоб принять тебя, мой друг!
С прежней нѣгой над тобою
Я склоню главу мою,
И тебѣ, сквозь сон, над ухом
Пѣсню райскую спою...»

Оцѣните: сколько в этой безудержной «фантазіи» разсѣяно у
Полонскаго живых, неповторимых черточек именно русской при-
роды! Он всегда смѣялся над стихами и картинами, писанными
«из головы».

Спросите — гдѣ эти лилеи,
Нарциссы, лавры, купы роз,
Чинары, темныя аллеи,
И капли жемчуга и слез?
В каком-такое подлунном мире.
В Россіи или в Кашемирѣ?
Не спрашивайте! Сам поэт
Вам затруднится дать отвѣт...

Есть форма, но она пуста.
Красиво, но не красота.

Это не означало, что он не цѣнил «формы» или не работал
над ней. Его «домашняя» простота давалась ему не так-то просто!

Из воску или из тафты
Нетрудно смастерить цвѣты;
Но взять алмаз в корѣ, и сразу
И грань и блеск придать алмазу,
Или из мрамора изсѣчь
Огонь лица и холод плеч, —
Увы, нельзя; тут нужно время...

Много времени и труда тратил Полонскій на свои непринужденные, простые стихи...

Но подведем итоги.

С коммунистической точки зрѣнія все выходит для Полонскаго куда как плохо: Поэт расплывчатый, безыдейный, с уклонами. Зато тѣм ближе он, полу-бессознательно, к евангельскому завѣту: «обращаться в малых сих».

«С довѣрчивостью дѣтской
Себя высказывать свободно и легко».

Под старость, впрочем, это его величайшее достоинство обратилось в величайший недостаток: в болтливость. Полонскій прожил почти до 80 лѣт, и написал очень много слабых, плохих вещей. Брал темой «Выжатые Лимоны»... Но, хорошо отсѣянные, вещи его полновѣсны и многое у него первоклассно. Как поэт и человек — он правдив, прост, сердечен. *Общая т у р г е н е в с к а я* складка: маловѣр, поэт гуманности; художник, чуткій и к красотѣ и к земной радости, но в особенности — к людской боли.

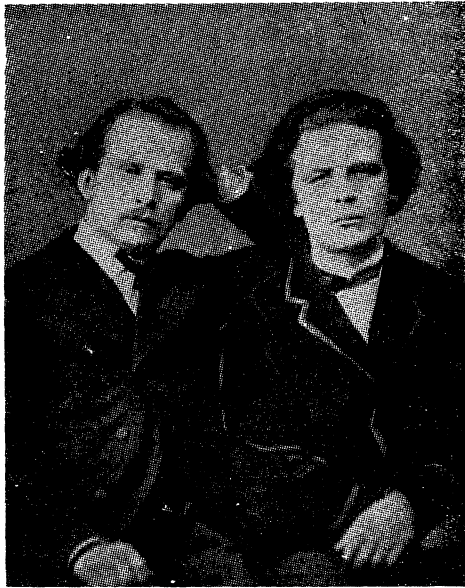
По его собственному опредѣленію, поэт — «нищій»;

«И душу дѣлит пополам
С такими ж нищими, как сам».

Ив. Тхоржевскій.

ЗАБЫТЫЙ

Н. Г. РУБИНШТЕИН.

БРАТЯ НИКОЛАЙ И АНТОН РУБИНШТЕИНЫ.

1.

Начало 1881-го года вышло траурным для Россіи. В рядѣ одна за другой слѣдовавшихъ смертей — Достоевскаго (12-го февраля), Императора Александра II (1-го марта), Мусоргскаго (16-го марта) — 11-го марта 1881-го года в Парижѣ, в Гранд-Отелѣ, скончался Николай Григорьевич Рубинштейн.

Он умер в расцвѣтѣ сил, 46-ти лѣтъ, привезенный из Москвы уже смертельно больным (туберкулез печени).

На отпѣваніи, в церкви на Дарю, присутствовала вся русская колонія; музыканты и литераторы, среди них — Тургенев, Флобер, Віардо. П. И. Чайковскій, находившійся тогда в Ниццѣ, поспѣшил в Париж, но не застал уже друга в живых. Он поспѣл только к отпѣванію и выѣхал в Москву одновременно с тѣлом покойнаго.

Похороны Н. Г. в Москвѣ носили необычайный характер. Можно без преувеличенія сказать, что вся Москва хоронила “своего” Рубинштейна. Имя его было всероссійским; но в Москвѣ он властвовал над душами не только силой своего артистическаго таланта, а и всѣм своим обликом.

Много лѣтъ, много событій прошло с тѣх пор. И многіе-ли знают или слышали, что представлял собою этот изумительный артист, рѣдкій человек? Мнѣ кажется, большинство знает о нем лишь то, что он был братом знаменитаго піаниста Антона, и что он основал Московскую Консерваторію.

Этим и ограничиваются всѣ свѣдѣнія о Николаѣ Григорьевичѣ, как артистѣ и человекѣ.

Мои дѣтскіе и ранней юности годы прошли в Москвѣ, в кругу, близком къ Московской Консерваторіи, учеником которой был мой старшій брат Николай. В это время (от смерти Николая Григорьевича его отдѣляло уже десятилѣтіе) память о нем была не только жива, но дух его царил над всѣм консерваторским міром: традиции, им установленныя, обычаи, им введенныя, весь уклад консерваторской жизни продолжали невидимо руководиться умершим.

Мнѣ довелось близко знать этот мір. Я знал Петра и Модеста Ильичей Чайковских, Г. А. Лароша — блестящаго музыкальнаго критика, прозваннаго “музыкальным Бѣлинским” (на дочери его был женат мой брат); хорошо знал С. И. Танѣева, Н. Д. Кашкина, А. С. Аренскаго. Дружил с очень многими питомцами консерваторіи, приобрѣвшими впоследствии громкую извѣстность. Особенно близок я был с Г. А. Ларош и Модестом Чайковским.

Несмотря на разницу лѣтъ, я был очень дружен с знаменитым, впоследствии, виолончелистом Анатоіем Андреевичем Брандуковым, обожавшим Рубинштейна и благоговѣнно чтившим его память. Ему довелось присутствовать при послѣдних его минутах, о которых он не мог вспомнить без слез.

Другим, близким къ Рубинштейну человекѣм был дядя моей жены — Виктор Николаевич Мамонтов, один из учредителей Русскаго Музыкальнаго Общества в Москвѣ. Он принадлежал къ числу людей, для которых музыка составляла весь смысл существованія; когда он, уже в преклонном возрастѣ, разорился — то он стал вторым хормейстером оперы Московскаго Большаго Театра.

От этих сподвижников Н. Г., от близких его друзей и молодых учеников я знал все о нем, как об основателѣ Консерваторіи, о его гениальной игрѣ и изумительном дирижерствѣ.

Шли годы. Память о нем понемногу тускнѣла, стиралась, и теперь, когда нас, стариков, осталось немного, хочется собрать воедино все о нем что уцѣлѣло в памяти.

2.

Из того немногаго, что было написано современниками о Н. Г. Рубинштейнѣ, наиболѣе цѣнно свидѣтельство къ Чвгенія Николаевича

Трубецкого, в его небольшой книжкѣ семейной хроники князей Трубецких (одна глава посвящена Н. Г.). Это свидѣтельство тѣм болѣе цѣнно, что принадлежит перу выдающагося человѣка, имѣвшаго безспорное вліяніе на русскую интеллигенцію *).

Вот каким рисует князь Николая Рубинштейна.

“...В мою память врѣзался его образ, как олицетвореніе служенія прекрасному. Когда я, в юности, впервые познакомился с “Моцартом и Сальери” Пушкина, Рубинштейн всегда олицетворял для меня образ Моцарта. Но это было вѣрно только отчасти. С Пушкинским Моцартом его сближали двѣ черты. Это бы, во-первых, человѣкъ, беззаветно преданный своему искусству, все ему отдававшій и в нем горѣвшій, покуда он и не сгорѣл до конца; во-вторых, внѣ своего служенія красотѣ, это был “гуляка праздный”, тот подлинный жрец искусства, который, в свободное от занятій время, не облачается в мантію жреца, не принимает торжественной позы, а “гуляет” во всю свою широкую натуру. Я помню его всегда простым, ясным и веселым, безконечно жизнерадостным и остроумным, душой того общества, которое он посѣщал”.

Эпоху, в которую жил и творил Николай Рубинштейн, можно было бы назвать эпохой романтизма в исполнительном искусствѣ. Ему были присущи характерныя черты романтизма — страстный порыв и мечтательность, “опьянѣніе радостью и уход к потустороннее”; которыми так характеризует игру Н. Рубинштейна кн. Евгений Трубецкой. В самом дѣлѣ, развѣ не романтиками были Лист и Клара Шуман, Николай и Антон Рубинштейны, К. Ю. Давидов, Генрих и Иосиф Венявскіе? И романтиками не только на эстрадѣ но и в жизни, очаровательной, бездомной, кочующей жизни, той *grande boheme*, конец которой, по словам Антона Рубинштейна, означал бы и конец самого искусства.

Николай Григорьевич был наименѣ “кочующим” из всѣх музыкантов. Он на всю жизнь был связан с Москвой, из которой рѣдко выѣзжал, но всѣм образом своей жизни — одинокой, широкой, разгульной, — всѣм существом он принадлежал к этой *grande boheme*, “Чувства у Рубинштейна, — продолжает кн. Евгений Николаевич, — были сильныя и страстныя. В его жизни всегда чувствовался тот бурный темперамент, который так увлекал в его игрѣ: Кутить — так кутить, любить — так любить, а служить — так служить. Он был весь в этом порывѣ, которому отдавался. Знал и бурное веселье. и бурныя страсти. В него без конца влюблялись, из-за него стрѣлялись, о его многочисленных романах говорила вся Москва”.

*) Семья Трубецких в 4-х поколѣніях увлекалась музыкой. Отец Евгения Трубецкого — князь Николай Петрович Трубецкой, один из ближайших друзей Рубинштейна — был его страстным поклонником. В подмосковном имѣніи Трубецких «Ахтыркѣ», собирались выдающиеся музыкальные дѣятели, композиторы, артисты. Там процвѣтала камерная музыка — квартеты, трио; все это одушевлялось Рубинштейном, знаменитым скрипачем Ф. Лауб, виолончелистом Фитценгаген и другими. А правнучка Николая Трубецкого, княжна М. В. Трубецкая, — многообщающая молодая пѣвица, обладательница прекраснаго голоса, — нынѣ в Италіи.

Но чего не знал Евгений Трубецкой и о чем догадывались немногие, что избалованный успѣхом Рубинштейн был неудачником в любви и хранил в своем сердцѣ тайну нераздѣленной, глубокой страсти.

3.

Продолжаем цитировать кн. Евгенія Трубецкого: “он был настоящим безсеребрянник, не знавшій цѣны деньгам, сорившій ими, а, вмѣстѣ с тѣм, необычайно добрый человекъ, который был не в состояннн в чем-либо отказать лицам, нуждавшимся в его помощи. Он много и часто кутил, но так же много раздавал другим. Я знаю случай, когда, не имѣя денег, он отдал бѣдному ученику консерваторн, гдѣ был директором, свою шубу” **). Он благотворительствовал широко и в общественной жизни. В період русско-турецкой войны он дал по Россіи тридцать концертов, весь сбор с которых пожертвовал Красному Кресту. “Это была не холодная благотворительность, а горячность сердца”, — говорит Трубецкой.

Эта богема, кутила, страстный игрок, мог быть настоящим подвижником и аскетом, когда уходил в любимое искусство. Он мог работать дни и ночи, жить в скромной консерваторской квартирѣ, которую пять лѣтъ дѣлил с Петром Ильичем Чайковским, столуясь у консерваторскаго товарища, К. К. Альбрехта.

Кипучая дѣятельность этого администратора, пианиста, дирижера и педагога была направлена всецѣло на увеличеніе доходов консерваторн, им созданной и руководимой. Кн. Евгений Трубецкой говорит дальше о нем: “...Славою Николай Григорьевич пренебрегал и дал тому разительныя доказательства. Сила его таланта была такова, что слава его могла бы наполнить весь мір, если бы только он этого хотѣл. Вмѣсто того, в отличіе от своего брата Антона, который гастролировал по всей Россіи, Европѣ и Америкѣ и приобрѣл громкую всемірную извѣстность, Николай Григорьевич почти не выѣзжал из Москвы, и только в видѣ исключенія, ежегодно давал один концерт в Петербургѣ. С Москвой его связывало любимое дѣло. Московская Консерваторія, гдѣ он был директором, и Музыкальное Общество, коего он был душой”. Из-за этого он отказывался от гастролей, по той же причинѣ этот безсеребрянник, который мог бы заработать огромное богатство концертами, часто оставался без гроша.

На этой почвѣ однажды произошел трогательный эпизод, обнаружившій всю силу любви, которую он внушал.

Привычка сорить деньгами и раздавать их направо и налево увлекала его в неоплатные долги. Перед ним стояла дилемма: или бросить любимое дѣло, которое без него если не погибло бы, то сильно пострадало бы, и ѣхать гастролировать ради уплаты долгов, либо пасть в долговое отдѣленіе, куда сажали несостоятельных. Но Москва во-время узнала о грозившей ему опасности и сумѣла спасти своего

**) Тот ученик, о котором говорит кн. Евг. Ник. — был Анатолій Брандуков; я лично слышал об этом от Брандукова.

любимца. Друзья и поклонники Рубинштейна собрали необходимую для уплаты долгов сумму, на которую приобрели у ювелира очень ценное кольцо, под условием, что ювелир примет кольцо обратно и вернет уплаченную за него сумму. Кольцо было поднесено Рубинштейну на его концертъ, а Рубинштейн, вернув кольцо ювелиру, уплатил свои долги.

4.

Николай Григорьевич Рубинштейн родился в 1835-ом году. Он, как и брат его, обнаружил уже в дѣтствѣ блестящія музыкальныя способности. При этом он имѣлъ влеченіе не только к игрѣ на роялѣ, но и к композиціи. Однако, в этой области он не проявил своего генія, быть может, оттого, что у него не было времени, настолько он был поглощен своим дѣтищем — консерваторіей. Извѣстен лишь один альбом его сочиненій, изданный Юргенсоном. В него вошли мазурки, болеро, тарантелла, вальсы и полонез. Наибольшей извѣстностью пользуется его блестящій *Valse de Concert*.

Первоначальное музыкальное образованіе Н. Г. получил от своей матери — Калеріи Христофоровны. Когда семья Рубинштейнов переехала в Берлин, он занимался на роялѣ у Куллака, а по теоріи — у знаменитаго Дена, учителя Глинки.

Когда позднѣе в Петербургѣ старшій брат, Антон Григорьевич Рубинштейн, свершил свой незабвенный культурный подвиг — основаніе Русскаго Музыкальнаго Общества и Консерваторіи, он нашел, в лицѣ младшаго брата, достойнаго сподвижника и энтузіаста.

В 1860-ом году Николай Григорьевич переехал в Москву и основал там отдѣленіе Музыкальнаго Общества и музыкальныя классы, в 1866-ом году преобразованныя в Консерваторію, во главѣ которой он стал и с которой больше не разставался.

Он сумѣлъ привлечь туда выдающіяся педагогическія силы: Фердинанда Лауб, Коссмана, Фитценгагена и др., которые помогли ему завоевать новому учрежденію огромный авторитет. С поразительным чутьем угадывал он педагогическія способности в людях, как-будто не имѣвших для этого данных. Так, он пригласил в качествѣ профессора по классу рояля — Н. А. Звѣрева, разорившагося помѣщика и большаго русскаго барина, оказавшагося геніальным педагогом: в числѣ учеников Звѣрева с гордостью можно назвать: Зилоти, Рахманинова, Максимова, Пресмана и других выдающихся наших пианистов.

По отношенію ко всему, связанному с музыкой, он был исключительно строг, требователен и даже нетерпѣлив. Характерен слѣдующій эпизод, о котором мнѣ рассказывали очевидцы. Он пригласил преподавателем по классу рояля П. А. Шостаковскаго, ставшаго много лѣтъ спустя директором Московскаго Филармоническаго Общества, и, по установившемуся обычаю, выпустил молодого педагога в симфоническом концертѣ. Тот выступил, вмѣстѣ с Николаем Григорьевичем, в вариациях Шумана для двух роялей. Но Шостаковскій так смутился, что с самаго начала напутал в своей партіи. Оба пианиста вы-

нуждены были остановиться. Н. Г. громко сказал Шостаковскому: “убирайся вон с эстрады”, — и доиграл один обѣ партіи.

В 1866-ом году, с открытіем Консерваторіи, он пригласил туда только что окончивших Петербургскую Консерваторію — П. И. Чайковского и Г. А. Лароша. Чайковскій был приглашен профессором гармоніи.

Велико было значеніе Николая Григорьевича в жизни Чайковского! Он не только стал руководителем молодого Чайковского на первых порах его самостоятельной дѣятельности. Он поселил его у себя на квартирѣ и всячески заботился о нем матеріально. Так, он познакомил его с Юргенсоном, который заказал П. И. переводы многих учебников. В біографіи Чайковского, брат его, Модест Ильич, пишет: “...Можно смѣло утверждать, что никто не сыграл такой роли в судьбѣ Петра Ильича, как композитора, никто как художник и друг, не сдѣлал столько ради славы П. И., как исполнитель и дирижер его произведеній в Москвѣ, как Н. Г. Рубинштейн”. В письмѣ к Николаю Григорьевичу Чайковскій писал: “Еще раз благодарю тебя за высочайшее удовольствіе, которое ты мнѣ доставил исполненіем Сонаты. Это было одним из чудеснѣйших моментов в моей жизни”. И в другом письмѣ: “Ты — единственный челоѣкъ, который умѣешь мой товар показать лицом”. Смерть старшаго друга потрясла Чайковского. К ужасу перед смертью, едва-ли не впервые ворвавшейся в жизнь Чайковского, примѣшивалось и другое чувство. С нѣкоторых пор в отношенія друзей вошла струя охлажденія. Это случилось, когда, послѣ неудачной женитьбы, Чайковскій просил освободить его от профессорства в Консерваторіи, и Рубинштейн черезчур уж легко, как казалось Чайковскому, согласился на его уход. Оба чувствовали ненужность этого охлажденія, но, хотя внѣшне оба оставались друзьями, и Н. Г. допрежнему неутомимо, как дирижер, пропагандировал сочиненія Чайковского, наладить прежней теплой дружбы так и не удалось. Теперь, со смертью Н. Г., Чайковскій весь отдался горестным впечатлѣніям и написал свое извѣстное трио “Памяти великаго артиста”, посвященное Николаю Рубинштейну.

5.

В эту эпоху имя Антона Рубинштейна, как пианиста, было вознесено на недостижимую высоту во всем мірѣ. Но тѣ, кто слышал за роялем Николая Григорьевича, почти единогласно признавали, что Николай превосходил своего брата. Это не было мнѣніем только широкой публики, но и таких музыкантов, как Чайковскій, Ларош, Таубѣв. Бурный темперамент, блестящая техника, чистота исполненія позволяли считать его гениальным пианистом. Анатолій Бандуков ставил его наряду с одним лишь Листом.

Кн. Евгений Николаевич Трубецкой оставил слѣдующее свидѣтельство о его игрѣ: “...Когда я его слышал в послѣдній раз, мнѣ было 17 лѣтъ, но силы этих впечатлѣній я никогда не забуду. Современный мір не знает ничего, подобнаго этой силѣ, ничего, что могло бы слу-

жить хотя бы отдаленным напоминаніем о той магіи звуков, которая была в игрѣ обоих Рубинштейнов. Это были даже не звуки рояля, им удавалось иногда достигать впечатлѣнія полной нематеріальности звука, полной его отрѣшенности, как бы внѣмѣрности. Но рядом с этим, ни у кого так сильно, как у них, не звучали красота и соблазн поскосторонняго. Никто послѣ них не мог с таким совершенством, как они, дать почувствовать в ноктюрнѣ тайну звѣздной ночи, воспроизвести в каком-нибудь *au bord d'une source*, волшебство звучащаго ручья, а потом вдруг зажечь всю залу безумным вакхическим восторгом вихревого вальса или Листовской рапсодіи. В игрѣ Николая Рубинштейна гамма чувств и переживаній была так же разнообразна, как и в его жизни. В музыкѣ он показывался весь, а потому тут раскрывалось рѣшительно все, что в нем таилось, — и буря страстей, и поэтическая греза, и гнѣвные вспышки, и нѣжность любящаго сердца, и ослѣпленіе радостью здѣшняго, и уход в потустороннее... При этом этот человекъ, столь простой, естественный, чуждый всякой аффектаціи или позы в обыденной жизни, сразу проникался чувством священнодѣйствія, когда он играл или дирижировал оркестром. Помню, как он, взойдя на эстраду, при громѣ аплодисментов, как-то неуклюже кланялся всѣм корпусом, иногда с явным выраженіем нетерпѣнія, потому что эти аплодисменты не давали ему начать: ему нужен был не этот рев многоголового звѣря, а тот звуковой мір, куда он уходил.

Не менѣе изумительным был он и дирижером. Соединеніе этих двух талантов объясняет, как и чего достиг в короткій срок Рубинштейн в области музыкальнаго воспитанія широких слоев московской публики.

Если считать родоначальниками симфонической музыки в Россіи Глинку и Даргомыжскаго, то не будет преувеличеніем сказать, что русская симфоническая музыка начала существовать лишь с 1850-го года, в то время, как европейская насчитывала тогда уже столѣтія. И талант одного человекъ воспитал в такое короткое время массы в любви к музыкѣ, создал потребность в поклоненіи ей.

Симфоническіе концерты в Москвѣ, — их было до десяти в сезонѣ, — всегда были переполнены. Не быть на симфоническом концертѣ — было для москвича лишеніем. А когда одна дама извинялась перед Рубинштейном, что не могла быть в концертѣ, так как должна была быть в этот вечер у всенощной, — то Рубинштейн, вспыхнув, сказал: “Для вас концерт и должен был быть всенощной”.

Рубинштейн иногда жаловался на равнодушіе публики. О “равнодушіи” не могло быть конечно, рѣчи, но, дирижуя десять раз в году, он стал для Москвы привычным дирижером. Его дирижерство утрачивало характер рѣдкаго событія. Однажды кто-то сказал: “Николай Григорьевич, мы относимся к вам, как муж к любимой женѣ, которая всегда с ним. Пусть это чувство — спокойно, но оно — глубоко”. Рубинштейн вспыхнул и крикнул: “Я хочу, чтобы вы относились ко мнѣ не как к женѣ, а как к любовницѣ!”.

Характерен эпизод, связанный с прїѣздом в Москву Вагнера, в 1876-ом году. Вагнер дирижировал в Большом Театрѣ, при чем для

Москвы было новшеством, что он дирижировал программу (из своих собственных произведений) наизусть. Многіе “будирующіе”, по московской привычкѣ, против Н. Г. не преминули указать на этот факт, как на преимущество Вагнера, как дирижера, перед Н. Г. На слѣдующемъ очередномъ концертѣ, которымъ дирижировалъ Н. Г., присутствовалъ Вагнер. Он сидѣлъ в первомъ ряду с генерал-губернаторомъ, кн. Долгорукимъ. Когда Рубинштейна встрѣтили обычными аплодисментами, и в залѣ наступила тишина, Рубинштейн громко подозвалъ завѣдующаго нотами, служителя Козлова, и когда послѣдній подоѣжалъ къ нему, Н. Г. сказалъ, указывая на ноты: “Убери!”. И продирижировалъ концертомъ, из произведенийъ Вагнера, наизусть.

6.

За его вѣрность, за его жертвенность Москва умѣла отплатить Николаю Григорьевичу. Авторитетъ и обаяніе его в Москвѣ были колоссальны. Конечно, этому способствовала обаятельная личность Рубинштейна, его шармъ, дѣлавшій его всеобщимъ любимцемъ***).

Рубинштейнъ выѣхалъ изъ Москвы, уже смертельно больной, 28-го февраля 1881-го года. Провожая его, московскій городской голова, С. М. Третьяковъ, один изъ ближайшихъ друзей, вручилъ ему чекъ на 25.000 франковъ на вокзалѣ, из опасенія, чтобы тотъ не проигрался накануне отъѣзда.

На несчастье Рубинштейна, в одномъ с нимъ вагонѣ, ѣхалъ в Парижъ Оливье, хозяинъ и основатель московскаго ресторана “Эрмитажъ”, тоже страстный игрокъ. В Парижъ Рубинштейнъ пріѣхалъ 5-го марта, и в тотъ же день С. М. Третьяковъ получилъ отъ него телеграмму: “Чекъ у Оливье, переведи деньги”.

Забытый!..

Геніальный артист, замѣчательный человекъ, он можетъ считаться забытымъ только в томъ смыслѣ, что меньше всего позаботился о мировой славѣ, на которую имѣлъ неоспоримое право. Эти строки — дань памяти человеку, заслуги котораго передъ русской музыкальной культурой — неоцѣнимы.

С. К. Авьерино.

***) Какъ велико было обаяніе Рубинштейна свидѣтельствуетъ эпизодъ, рассказанный кн. С. М. Волконскимъ в его «Воспоминаніяхъ».

Рубинштейнъ пріѣхалъ в Тулу и в гостяхъ у губернатора познакомился съ мѣстнымъ почтмейстеромъ, страстнымъ любителемъ музыки и не менѣе страстнымъ поклонникомъ Рубинштейна.

Узнавъ, что онъ играетъ на виолончели, Рубинштейнъ предложилъ ему сыграть что-нибудь вмѣстѣ. Вздволнованный почтмейстеръ сталъ настраивать свой инструментъ, и когда Рубинштейнъ взялъ на рояль «ля», почтмейстеръ упалъ и скончался отъ разрыва сердца.

ДЪЛА И ЛЮДИ

(ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМЪТКИ, ХРОНИКА).

Величіе и свобода Россіи.
Достоинство и права человѣка.
Цѣнность культуры.

Эти слова мы поставили на заглавном листѣ настоящих тетрадей, и под этим знаменем мы возобновляем наше служеніе Россіи и нашу борьбу.

ГИПНОЗ ВЕЛИЧІЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Совѣтская власть не скрывает, что право, культура, человѣческая свобода — для нея ничтожныя мелочи. Безвыходную нищету русскаго народа тоже не спрячешь никуда. Только безумная растрата милліонов русских **жизней** покрывает убыток от злостнаго хозяйничанья большевиков на русской землѣ в интересах мировой революціи. Недавніе подсчеты профессором С. Н. Прокоповича и С. И. Тимашева, основанные на совѣтских же данных, показали, что жителей в Совѣтской Россіи на 17 милліонов меньше, чѣм на бумагѣ их значится (не 197, а 180 милліонов). — Ни благопслучія, ни свободы, ни равенства...

Что ж остается?

Остается, для многих, гипноз **“величія”**, будто бы выросшаго при совѣтской власти. Совѣтов-де боятся, как некогда не боялись раньше Россіи. Но как раз за международную политику совѣтов, за их вызывающій, безстыдный **“нахрап”** Россія рискует **заплатить** своим историческим величіем.

Самая высокая идея 20-го вѣка — идея мирнаго объединенія народов — на наших глазах оборачивается постепенным военным сплоченіем міра **против совѣтскій Россіи** и **“кольца”** ея невольных приспѣшников. А вѣдь полвѣка назад именно Россія, устами императора Николая Второго, призвала культурныя державы к дружественному разрѣшенію конфликтов и положила основаніе Гаагским конференціям.

В наши дни англійская печать так уже говорит иногда о Россіи (**“Дэли Мел”** 11 ноября, 48):

“В Берлинѣ, самом ярком фокусѣ мирового кризиса, мы можем наблюдать всѣ разновидности русской тактики: ковар-

ную, фанатическую, не считающуюся ни с какой логикой пропаганду, извращение закона и полицейских правил под видом их защиты, вмешательство в личную жизнь каждого, беспощадная чистка и грубую комедию, когда неудачники из мелкой буржуазии претендуют на роль защитников рабочего класса.

Мы видим также самоуверенность и силу на-диво сработавшейся организации, слишком уже могучей, чтобы скрывать свои цели и лишь по временам чуть смягчающей свою тактику. Мы не можем хитрить с ней, не можем заставить ее измениться. Мы можем только бороться с нею ее же собственным оружием.

Советчики используют каждое проявление слабости, каждое наше колебание. Весь берлинский кризис — плод нашей собственной нерешительности. Это новая тоталитарная война и мы должны научиться, как ее вести. Если мы не будем колебаться, мы сможем держать свои две-трети Берлина сколько угодно времени. Но в тылу этой передовой линии мы должны использовать целиком все наши моральные и материальные возможности.

Советские солдаты в лице коммунистических партий всего мира уже вторглись в наши страны. Их надо нейтрализовать. Советские граждане и агенты должны быть ограничены в правах, как ограничены в правах иностранцы в России.

Наша анти-германская пропаганда во время войны была блестяща. В нынешней войне против советов она отсутствует вовсе. За желтым занавесом имются десятки и сотни тысяч людей, готовых рисковать жизнью за дело свободы. Мы почти их не используем. Лишь глупый террор удерживает сейчас спутников России в ее орбите. Безчисленны надломы и трещины Советской Империи, которые мы могли бы со временем расширить для разрушения всей гнилой постройки. Только если мы сумеем это сделать, сможем мы избежать "огнестрельной" войны"...

Еще более знаменательно и еще гораздо более вско **американское заявление:** самого президента Трумана, так настойчиво желавшего послать своего "близкого человека", Винсона, в Москву для непосредственного сговора со Сталиным.

27 декабря президент заявил (в город Индепенденс), что он готов употребить хотя-б и все четыре года своего нового президентства на установление добрых отношений с Советами, но что к сожалению **"их система морали вовсе не моральна"**, ибо никакие **"контракты не священны для Советского Правительства"**. И далее: **"Я добился некоторых соглашений в Пентагоме, но ни одного из них Советское Правительство не сдержало"**...

Правда, начало 1949 года было ознаменовано в Америке

уходом генерала Маршала и нѣкоторыми другими личными перемѣнами, которыя большевики толкуют, как сдвиг Трумана "влѣво", в сторону "болѣе миролюбивой политики по отношенію к Совѣтской Россіи".

Так толковать — выгодно большевикам; но вряд-ли сами они серьезно заблуждаются относительно значенія происшедших перемѣн. Генерал Маршал ушел, но "план Маршала" остался. Глаза Америки и всего міра на подлинную сущность совѣтской власти уже раскрылись; они болѣе не закроются. Организациа Объединенных Націй сыграла свою роль, — огромную и пагубную для большевиков: вмѣсто трибуны для коммунистической пропаганды, она стала мѣстом неустаннаго **разоблаченія** совѣтских происков.

Если внутренняя политика Трумана станет лѣвѣе, демократичнѣе, — тѣм труднѣе для совѣтской пропаганды будет изображать Америку страной хищническаго капитализма! Улучшеніе положенія трудящихся всюду в мирѣ — не самый-ли серьезный способ борьбы с коммунизмом? Что касается внѣшней политики Соединенных Штатов, то, если штатскіе и смѣнят военных, если время ультиматумов, ничѣм не кончающихся, и смѣнится политикой болѣе гибкой, ясность положенія от этого не измѣнится. Отсрочка же военнаго столкновенія с неизбежностью диктовалась не произволом сановников, а настроеніями народов.

В журналѣ «Foreign Affairs» обычно отражающем взгляды американскаго государственнаго департамента, появилась замѣчательная новогондая статья: "Сталин и Революція". Автор скрылся за подписью "Историкус", но по неопровергнутой справкѣ "Нью-Йорк Геральд" от 4-го января, это не кто иной, как видный дипломатическій чиновник, Джордж Морган, бывший первый секретарь посольства Соединенных Штатов в Москвѣ. Морган на сорока страницах излагает "марксистско-ленинскіе" труды Сталина, — и вот вывод, вытекающій из этого изложенія:

"Хозяева Совѣтскаго Союза тридцать лѣтъ уже повторяют без устали главнѣйшіе тезисы коммунистической догматики; но похоже, что Запад только сейчас начинает серьезно считаться с возможностью им повѣрить... Всесоюзный самодержец (не говоря уже о его безчисленных попутчиках за границей) **вынужден** всѣми своими **основными убѣжденіями** придерживаться безкомпромисной революціонной доктрины"... "То, что он, по тому или иному случаю, скажет какому-нибудь Рою Ховарду или Гарольду Стассену, дсижно разсматриваться, как чисто тактическое заявленіе; вѣрованія-же его запечатлѣны незаблѣнно"...

"Это и не должно бы нас удивлять. Вѣсти из совѣтской и лимитрофных столиц с монотонной настойчивостью доказывают, что Совѣты дѣйствуют в полном соответствіи со сво-

ими принципами. Но мысль, что большевики действительно вѣрут в свою уродливо-несуразную социально-политическую доктрину и осуществляют ее на практикѣ, так убійственна для всякой надежды на установление с ними разумных международных отношений,,,, что невольно мысли этой протишьсяся...

“Мы не понимали в достаточной мѣрѣ всей ужасающей внутренней логики совѣтской идеологии... Мы подозрѣвали большевиков в лицемеріи... Мы и сейчас не можем полностью постигнуть и допустить гораздо болѣе страшную возможность: а что, если они вполне искренне и всерьез **фанатики?**”

РЕАЛИСТЫ КРЕМЛЯ.

Русскіе эмигранты не думают, чтобы послѣ 30-лѣтняго опыта жуткаго крушенія в Россіи коммунистических планов, правящая клика, выиграв войну только цѣной временнаго отказа от своей доктрины, а затѣм. украв у народа добытую народом побѣду, искренне продолжала вѣрить в спасительность коммунизма. У реалистов Кремля вся установка другая.

Закон красной Москвы — самосохраненіе. Цѣль — держаться у власти. Большевики могут разсчитывать на взрывчатую силу коммунистических идей в странах, коммунизма еще на своей шеѣ не испытавших, — в особенности в Азії. Могут они разсчитывать и внутри Россіи долго еще продержаться безпощадными приѣмами угнетенія. Значит, — думает Кремль, — надо **сохранять власть** и поддерживать, раздувать міровой пожар революціи. Но для этого необходимо ухудшить общее положеніе, взрывая всѣ попытки Европы и Америки наладить постѣвоенную жизнь трудящихся. Отсюда повелительная необходимость для Сталина поддерживать как можно выше свой **престиж** в глазах иностранных коммунистических партій; а для этого небезполезно говорить с другими правительствами самоувѣренно-вызывающим тоном, не доводя впрочем дѣла до войны, до окончательнаго разрыва.

Поведеніе совѣтскаго представителя на послѣдней сессіи “Объединенных Націй в Парижѣ”, Вышинскаго, было рѣзким. Весь мір с тревогой интересовался тѣм, до какой же степени совѣтское правительство велѣло Вышинскому довести заостреніе и накалываніе своего, почти военнаго вызова демократіям?

Но результаты? И сам Вышинскій, и вся совѣтская печать, оцѣнивая результаты послѣдней сессіи, говорят: “шаг назад”. Препятствія к мирному сожителству “инороднаго тѣла” — (так называл Совѣтскій Союз Чичерин) — с нормальными государственными тѣлами обоих полушарій угрожающе выросли. Многія, нейтральныя раньше, страны заняли позицію, враждебную Совѣтам. И для многих умов Запада

стал яснѣе, обнаженнѣе фактъ, что не Россія сама по себѣ, а совѣтскій строй. — источникъ треній, гнѣздо болѣзни.

Хирургическое лѣчение болѣзни отложено. Но любителямъ быстрыхъ рѣшеній полезно напомнить, чѣмъ была бы нынѣшняя война.

АТОМНАЯ БОМБА.

В этой же тетради “Возрожденія” читатели найдутъ подробную статью проф. А. А. Зайцова, зарубежнаго русскаго военнаго специалиста о рѣшающемъ значеніи атомнаго оружія в будущихъ войнахъ. А вотъ что думаютъ по этому поводу видные англо-саксы.

Среди американскихъ военныхъ, одна стратегическая школа, откровеннымъ застрѣльщикомъ которой является полковникъ авіаціи Д. О. Смитъ, выдвигаетъ идею 30-дневнаго превентивнаго “блитца” противъ “очереднаго противника” (т. е. СССР). Онъ исходитъ при этомъ изъ разсчета, что одинъ бомбовозъ, снабженный атомной бомбой, можетъ нанести противнику такой же уронъ, какъ эскадрилія в 200 такихъ-же аппаратовъ съ обыкновенными бомбами (какими громили Германію в прошлую войну), а, слѣдовательно, налеты 300 “атомныхъ бомбовозовъ в теченіе 30 дней кряду должны имѣть результаты не менѣе внушительныя, чѣмъ двадцатилѣтняя ежедневная бомбардировка старыми методами. В дѣйствительности, думаетъ полк. Смитъ, уронъ будетъ еще болѣе непоправимый, ибо (писалъ онъ недавно в журналѣ “Университета Воздушныхъ Силъ САСШ”):

“Это будетъ всеобщее разрушеніе всѣхъ промышленныхъ данной страны, безъ малѣйшей надежды на быстрое возстановленіе. Когда одновременно будутъ уничтожены запасы горючихъ матеріаловъ, пути сообщенія, главнѣйшіе электическія станціи, заводы тяжелой и военной промышленности, непріятель не сможетъ разсчитывать на свои починочныя возможности: онѣ будутъ сведены къ нулю. Когда мы вынуждены были довольствоваться несчастными нитро-теллуоловыми бомбами, намъ поневолѣ приходилось выбирать и концентрировать свое вниманіе на той или иной уязвимой промышленности противника... Теперь, что мы располагаемъ возможностью наносить удары повсюду заразъ, намъ не надо будетъ выбирать между тѣми или иными промышленностями, и заданіе нашимъ летчикамъ будетъ гласить: по всей экономикѣ противника, пли!

“Когда-же, — невозмутимо продолжаетъ полк. Смитъ, — нами будетъ разрушена вся промышленная система непріятеля, безъ всякой надежды для него возстановить ее в сколько-либо разумный срокъ, нація эта у м р е т, какъ таковая, съ такой-же математической неизбѣжностью какъ

умирает индивидуум, кровеносная система котораго прервана одновременно во многих мѣстах. Ни провизія, ни топливо не смогут больше подаваться в крупные городскіе центры, гдѣ (среди горящих или сгорѣвших складов) сразу-же воцарится голод. Лишенное крова, городское населеніе будет вымирать и от непогоды. Что-же касается вооруженных сил, находящихся на рубежах государства, располагая провіантом и боевым запасом вѣроятно не болѣе, чѣм на мѣсяц, зная, что их очаги разрушены, а близкіе умирают от холода и голода, всѣ эти бойцы, как бы хорошо они ни были вооружены, не будут стоить ни гроша. Никакая армія в мірѣ не может сражаться, имѣя вмѣсто тыла полную пустоту..."

Важно только, по мнѣнію полковника Смита, чтобы начало такого "блицца" было столь-же неожиданным, как в свое время нападеніе японцев на Пэрль-Харбор...

Впрочем, эта цинично-упрощенная "стратегія" отнюдь не встрѣтила сочувствія среди не только отвѣтственных руководителей Государственного Департамента, но и у высшаго военного командованія САСШ, у государственного секретаря авіаціи В. Стюарта Симингтона и его начальника штаба Хойта С. Ванденберга. Они отклонили "план Смита", якобы, по слѣдующим соображеніям:

Воздушная защита СССР может оказаться гораздо болѣе дѣйствительною, чѣм обычно предполагается; и лишь часть бомбовозов сможет прорваться к своим цѣлям.

Надо считать также с вошедшей в поговорку способностью русских переживать любые удары. Пережили-же они и Наполеона, и Гитлера.

Затѣм, стратегическій план полк. Смита опирается слишком сильно на фактор внезапности нападенія, а внезапность трудно осуществима при демократическом правительствѣ. К тому-же, чтобы использовать дѣйствительно этот фактор, пришлось-бы вѣроятно напасть на непріятеля первым, т. е. проявить себя откровенным "агрессором".

Потом, даже если-бы удалось быстро разрушить главные русскіе города, помѣшает ли это Красной Арміи, с имѣющимися у ней полевыми запасами, оккупировать всѣ города Западной Европы, которые Соединенным Штатам все-же не хотѣлось бы подвергать атомной бомбардировкѣ.

Наконец, буде план такой 30-дневной войны, по какой-либо из вышеозначенных или других причин, не удастся, американское высшее командованіе, сосредоточившее все свое вниманіе и всѣ силы на подготовкѣ "блицца", вынуждено было бы в спѣшном порядкѣ и м п р о в и з и р о в а т ь другіе планы и вести войну непредусмотрѣнными способами... В результатѣ может получиться не тридцати-дневная, а чего добраго — новая тридцати - л ѣ т н я я война...

Это не мѣшает профессору Бернарду Броди (занимающему кафедру международных сношеній знаменитаго Эльскаго Университета) настаивать в одном из самых серьезных американских журналов, на цѣнности атомной бомбы, как "политическаго фактора"; Броди настаивает на необходимости откровеннаго и методическаго использования Соединенными Штатами того аванса, которым они располагают в данной области по отношенію ко всему остальному міру и Совѣтскому Союзу в частности (вооруженныя силы "совѣтов", пишет проф. Броди, "даже еслибы Совѣты не были тѣм, что они есть", достаточны, чтобы США считали их врагом № 1). Причин для такой политики он указывает четыре:

I) Международная организація всеобщаго мира сейчас еще опредѣленно недостаточна, чтобы гарантировать безопасность Соединенным Штатам;

II) Нѣтъ никаких основаній надѣяться, что в ближайшее время возникнет в международном масштабѣ болѣе дѣйствительная организація "мира всего міра";

III) Поскольку, при таких условіях, Соединенным Штатам приходится выбирать между политикой уступок или-же запугиванія строптивых партнеров, они больше всего должны дорожить полной с в о б о д о й в выборѣ того или другого метода в зависимости от обстановки;

IV) Атомная-же бомба, как плод длительнаго технологическаго усилія американскаго народа, является таким идеальным инструментом запугиванія, что недооцѣнивать его грѣх.

В заключеніе, поясняя свою мысль, проф. Броди говорит, что Западный Мір может еще долго сосуществовать параллельно с Совѣтским Союзом, "даже ,агрессивно марксистским", поскольку добрый запас атомных бомб будет в каждый данный момент служить хорошим аргументом для откладыванія коммунистами "последняго и рѣшительнаго боя" до болѣе благоприятных времен...

Иначе выразил ту же мысль главный стратег минувшей войны, Черчилль:

"Не будь нѣкотораго запаса атомных бомб в распоряженіи Соединенных Штатов, не было бы никакой возможности остановить поработеніе Западной Европы... Если бы Соединенные Штаты согласились, в обмѣн на какое-нибудь соглашеніе на бумагѣ, уничтожить имѣющійся у них запас атомных бомб, то они были бы повинны в убіеніи человѣческой свободы".

СОВѢТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА УЩЕРБѢ.

Атомной бомбы у большевиков нѣтъ, и едва-ли она у них скоро будет. Таково впечатлѣніе профанов, — таково мнѣніе специалистов.

В холодной же войнѣ, — войнѣ нервов и пропаганды, положение Совѣтскаго Коммунистическаго Союза за послѣднее время ухудшилось. Суть общаго мірового положенія в том, что красное рабоче-крестьянское знамя, с серпом и молотом, никого болѣе не обманывает. Ни один европейскій или американскій рабочий для себя участи русскаго рабочего болѣе не желает! Уровень совѣтской жизни извѣстен на Западѣ, и нѣтъ у совѣтчиков злѣйших, болѣе сильных, болѣе опасных для них врагов, чѣм социалисты, честные, независимые социалисты всѣх толков! Январскій раскол в международной федераціи профсоюзов (выход Америки, Голландіи, Англии) — новое тому доказательство! О судьбѣ же русских крестьян, загнанных — подобно скоту — в колхозы, нечего и говорить.

А раз это так, душа у совѣтской пропаганды вынута. Правды у них больше нѣтъ. В самой Россіи власть их ненавистна. Борьба за нѣмецкія сердца совѣтами тоже, на наших глазах, проигрывается. Захват сосѣдних, небольших государств и кипящая там, за желѣзным занавѣсом борьба обернутся, в случаѣ войны, не усиленіем, а ослабленіем совѣтских армій. И неизвѣстно еще, чѣм кончится для Сталина личная, старая, смертельная вражда к нему Тито, годами сидѣвшаго в сталинской тюрьмѣ.

ТИТО.

Новогоднія заявленія Тито — прямой вызов Москвѣ.

“Мы, югославы, ни перед кѣм не согнем спины, мы никогда не станем пресмыкающимися, мы не примем коммунистической теоріи, будто цѣль оправдывает средства! От наших предков мы унаслѣдовали преданность дѣлу правды и справедливости!” Одновременно московское агентство “Тасс” оповѣстило весь мір, что “недружественное поведение Бѣлградскаго правительства” побуждает Москву сократить торговый обмѣн с Югославіей, и сократить даже не вдвое, а на семь восьмых. Объявлено о заключеніи Тито важнаго торговаго договора с Англійей и о прямых переговорах его, торговых и политических, с Италіей.

Все это не есть еще окончательный разрыв с Москвой, но похоже, что южный, сербскій “фланг” коммунистическаго совѣтскаго фронта “обнажается”, — и может быть прорван.

В БОЛГАРИИ.

Рѣшительная совѣтизация этой страны облегчалась тѣм, что в Болгаріи довольно давно дѣйствовала уже своя, сильно заряженная фанатизмом, коммунистическая партія. Но какая трагическая борьба кипит и в Болгаріи, показывает дѣло Николы Петкова, хотя погибшаго полтора года назад, но в условіях, которыя только теперь стали достояніем міровой печати.

11 декабря 1946 года произошло первое рѣзкое столкновение Петкова с министром Внутренних Дѣл, коммунистом Юговым и другими членами большинства Скупщины, в том числѣ и с "самим" Георгіем Димитровым. Заимствуем из "Фигаро" живой, драматическій рассказ об этом и послѣдующих эпизодах:

ПЕТКОВ: — Кровью и террором вы не завоеуете симпатій народа.

ЮГОВ: — Оппозиція сама старается вызвать беспорядки.

ПЕТКОВ: — Ваши руки всѣ в крови.

(Сочувственныя возгласы на скамьях оппозиціи).

ЮГОВ: — Оппозиція стремится создать беспорядки, чтобы поддержать мировую реакцію. Она — противница коммунистов, противница рабочаго класса.

ПЕТКОВ: — Мы противники не рабочаго класса, а вашей тираніи. Мы ваши противники потому, что вы занимаетесь массовым уничтоженіем болгарскаго народа.

ЮГОВ: — Отвѣтственность за нѣкоторые эксцессы во время выборов лежит всецѣло на оппозиціи.

ПЕТКОВ: — Нѣтъ, вы за них отвѣтственны.

ЮГОВ: — Народ сам опровергает факты, приводившіеся в газетах Петкова.

ПЕТКОВ: — Эти опроверженія исходят от арестованных вами лиц. Раз попавши в ваши застѣнки, они способны "сознаться" в чем угодно, даже назваться Юговыми.

ЮГОВ: — Уже и в прошлом Петков всегда защищал фашистов.

ПЕТКОВ: — Я покинул Отечественный Фронт лишь потому, что вы начали примѣнять фашистскіе методы террора. Вы принялись за искорененіе тѣх, что прославился подвигами во время сопротивления врагу. У вас на совѣсти столько-же убійств, как и у фашистских насильников..."

28 января, Петков обрушился и на болгарскаго диктатора Димитрова, когда тот высказал подозрѣніе, что всѣ главари оппозиціи "платные иностранные агенты". Вскочив с мѣста, Петков сказал:

"Я запрещаю Вам так говорить. Я позволю себѣ напомнить Вам, что я по крайней мѣрѣ никогда не принимал иностраннаго подданства и не был на службѣ у иностранной державы"...

Стрѣла попала в цѣль и, красный от ярости, Димитров вызывающе воскликнул:

"Я был гражданином великаго Совѣтскаго Союза... Это большая честь и привилегія".

ПЕТКОВ: — Вы сдѣлались снова болгарским гражданином всего лишь за два дня до выборов. Это было официально объявлено в московских газетах.

ДИМИТРОВ: — Я Вас скоро проучу.

ПЕТКОВ: — А все-же Вы двадцать лѣтъ были официально иностранным подданным, на службѣ у иностранной державы...

Н. ПЕТКОВ,
болгарскій герой.

А вот что говорил Петков в своей послѣдней парламентской рѣчи, за нѣсколько минут до ареста в Скупщинѣ:

“Вы удерживаетесь у власти лишь примѣненіем голой силы. Ружье и висѣлица ваши единственные доводы. Я предпочитаю иную власть: ту, что выражается в свободной рѣчи. Но ея-то вы — коммунисты — боитесь больше всего на свѣтѣ. Потому-то вы и прибѣгаете к террору...”

“Я считаю, что ваши нападки не направлены в сущности против меня, хотя вы и имѣете в виду мою личную гибель. Тут ясно нападеніе на парламентскій образ правленія, на демократію, на свободу: на все, что обезпечивает человѣческое достоинство. Тут прежде всего еще шаг к окончательному порабощенію болгарскаго народа. Вот почему всѣ тѣ, кто защищает его свободу, должны с вашей точки зрѣнія быть уничтоженными”...

Его вывели из зала силою коммунисты, поддержанные милицией, и бросили в полицейскую машину, стоявшую у зданія Скупщины. Но до послѣдней минуты Петков и его немногочисленные сторонники кричали: “да жи-ви сво-бо-да!”.

ФИНЛЯНДІЯ, ПОЛЬША, ВЕНГРІЯ.

На сѣверѣ Европы, Финляндія все рѣшительнее сопротивляется коммунистическому зажиму, и совѣтам невыгодно пока круто за нее взятыся. В Польшѣ сильнѣйшее сопротивленіе встрѣтило введеніе крестьянских колхозов. Упорным врагом совѣтской политики показала себя в Польшѣ и католическая

Церковь, — древняя, искусная, могущественная организация.

Еще трагичнее оборачивается борьба с католической Церковью Венгрии, где кардинал Миндсентный, глава Церкви, был в конце года заточен в тюрьму. Конечно, официально вменяемая ему вина не имеет ничего общего с истинной причиной этого акта гонимого насилия. Безстрашно стоял этот вышедший из народа доблестный архипастырь за независимость возглавляемой им церкви. А его обвиняют — в “фашизм”, “шпионств” и “спекуляция валютой”... Тактика большевиков до монотонности повсюду и везде та же!”. Но неизменна и возмущенная реакция мирового общественного мнения. С этой реакцией большевикам еще придется считаться, в дни войны, как и в дни мира.

КИТАЙ.

Остается один крупный бесспорный успех для коммунистической советской власти: Китай. Но их-ли это успех? Подождем опубликования дипломатических “Белых” и “Синих” книг. Слишком еще недавно Чанг-Кай-Шек был близок к полному торжеству в Китае над коммунистами. Может быть, у американцев хватит мужества раскрыть всему миру то, что творилось на самом деле в лагерь Чанг-Кай-Шека! Сколько там под лживым именем национализма крылось продажности, разложения и неправды! Зловеще и упорно, отовсюду ползут слухи о том, что китайские коммунисты оказались сильнее противника не столько советской помощью, сколько слабостью и безчестностью тех, что использовал американскую помощь Китаю в интересах не своей родины, а своих родственников! Возможно, что в северном Китае, называющем себя коммунистическим, честности, справедливости и патриотизма, с китайской точки зрения, было больше.

Будущее покажет: найдет-ли советская Москва в бурлящем четырехсотмиллионном Китае верного раба и союзника, хватит-ли у нея на это организаторских сил? И не захлебнется-ли она в этом изменчивом, безбрежном “Желтом море”?

По началу, разумется, переход Китая в коммунистический лагерь усилит международную позицию Москвы. Но не найдутся-ли в скорости и у китайцев свои, китайские Тито?

“ОБЩИЙ ЯЗЫК”.

Основной расчет Москвы — на ухудшение мирового положения и на коммунистические перевороты в странах, отчаявшихся наладить свою жизнь иначе, — этот расчет возможен. Могучие союзники Москвы — злоба, зависть, грязь, нищета, голод. Но до сих пор на этом пути — отчаяния — бывали только временные успехи; все “эпидемии” человечеством до

сих пор побѣждались. А страшный опыт Россіи не позволяет видѣть в коммунизмѣ начало оздоравливающее; — только жуткій **урок** правящим и богатым.

В ожиданіи переменъ, полагаясь на свое военное превосходство, на здравый смысл народов и на улучшение экономической жизни Европы, великія державы Запада продолжают — “пока что” — попытки найти “общій язык” с совѣтской властью.

Одной из удач в этом направленіи была единодушно принятая Объединенными Націями резолюція, осуждающая “геноцид”, т. е. массовое убійство.

“ГЕНОЦИД”.

Новый термин обозначает “дѣйствія, имѣющія цѣлью уничтожить, цѣликом или частью, какую-либо національную, этническую, расовую или религиозную группу людей, как таковую”, будь то путем массоваго убійства или “созданія для нея условій жизни, расчитанных на постепенное физическое искорененіе”...

“Кивок” на Гитлеровскія звѣрства тут ясен, — и не может живое человѣческое, а тѣм болѣе христіанское чувство, не возмущаться, со всею непримиримостью, сознательным, безпощадным, массовым истребленіем евреев.

Но американская печать поставила по этому поводу неожиданный и неприятный большевикам вопрос: почему же в перечисленіи преступных видовъ человѣкоубійства, “геноцида”, не была упомянута “ликвидация путемъ террора” экономическихъ классов и политическихъ партій, неудобныхъ ликвидаторамъ? Развѣ такія дѣйствія не столь же противны справедливости и возмутительны для человѣческой совѣсти, как и другіе, отнынѣ заклеянные словомъ “геноцид”, террористическіе акты? Печать сама же и отвѣтила: “Причин такого упущенія искать далеко не приходится: у СССР совѣсть в этом отношеніи слишкомъ нечиста, чтобы жестокость по отношенію к политическимъ противникамъ могла бы быть официально провозглашена преступленіемъ уже сейчасъ”.

В послѣдніе дни англійская газета “Дэйли Телеграфъ” и генерал Андерс напомнили еще о другомъ, массовомъ избіеніи, совершенномъ большевиками, — о польскихъ военныхъ, уничтоженныхъ в Катыни.

Дѣло это, казавшееся в Нюренбергѣ затушеннымъ, повидимому, разгорится вновь міровою сенсаціей.*)

---

*) Интересныя подробности о Катыни читатель найдетъ в изданной «Возрожденіемъ» на французскомъ языкѣ книгѣ американца Уайта: «W. L. White. «A travers l'URSS en guerre», Paris, 1948, (стр. 185 и слѣд.).

“ПРАВА ЧЕЛОВѢКА”.

Совѣты участвовали в обсужденіи и другой резолюции, также принятой Объединенными Націями: в деклараціи “прав человекѣка”. Но в преніях по поводу этой деклараціи участие коммунистической державы, охраняющей свои границы свирѣпыми полицейскими собаками, выразилось, как и слѣдовало ожидать, главным образом, в протестѣ против дарованія политическим бѣглецам **права убѣжища**. Отчеты об этих, довольно бурных засѣданіях во дворцѣ Шайо, составят современем драгоценный матеріал для будущаго русскаго историка при характеристикѣ безчеловѣчности совѣтской власти, той нечувствительности ея к правам отдѣльных, живых людей, которая особенно поражала, в преніях, представителей западнаго, культурнаго міра.

Ту же нечувствительность, уже в другом аспектѣ, отмѣтил в своих воспоминаніях генерал Эйзенгауэр.

ЭЙЗЕНГАУЭР И ЖУКОВ.

К воспоминаніям Эйзенгауэра “Возрожденіе”, в послѣдующих тетрадах, еще вернется. Сейчас же слѣдует отмѣтить любопытную запись Эйзенгауэром разговора его с совѣтским маршалом Жуковым о том, как преодолевались Красной арміей минныя заградительныя поля.

Маршал Жуков, оказывается, сказал американскому генералу, как-то в минуту откровенности, что совѣтскій метод заключался в простом и г н о р и р о в а н і и мин, по крайней мѣрѣ, индивидуальных, противопѣхотных. Атакующая совѣтская пѣхота просто посылалась вперед без предупрежденія о возможных минных полях, ни тѣм паче их предварительной расчистки. Только, когда пѣхота уже прошла, оставив на мѣстѣ взорвавшіяся на минах тѣла, саперам поручалось расчистить проходы для бронемашин от противотанковых мин, раньше, чѣм двинуть туда бронечастии...

Во время другого разговора, в отвѣт на замѣчаніе ген. Эйзенгауэра, что американцы давали нѣмецким плѣнным такой-же паек, как своим солдатам, во избѣжаніе репрессій наци по отношенію к американским военноплѣнным в Германіи, маршал Жуков воскликнул: “Да какое могло быть Вам дѣло до захваченных нѣмцами людей? Вѣдь раз они сдались в плѣн, это уже больше не бойцы?..”.

Все это — не случайныя обмолвки. Такова систематическая, совѣтская, бездушная **школа**. Она ведет свое начало от Ленина. Ленин уже “отпѣл” гуманизм и провозгласил новую эру: **варварства**, оснащенного научною техникой.

Сталин возвел варварство в политическій догмат и сдѣ-

лал его душой совѣтской системы. Гуманность там кажется слабонервностью.

А Сталин — безспорный и, пока, единственный властитель Россіи.

КТО ПРАВИТ В РОССИИ.

Время от времени, то Труман, то кто-либо иной из политических дѣятелей Запада ставят этот вопрос: кто же в Москвѣ правит? Всемогущ-ли диктатор Сталин, или и он сам — “плѣнник Политбюро”, а правят эти “тринадцать членов Политбюро” — коммунистическая “чортова дюжина”?

В одном, мало известном широкой публикѣ, но очень вліятельном вашингтонском еженедѣльникѣ появилась, на эту тему, слѣдующая подробная статья («U. S. News», X, 48).

“Сталин сам подобрал подчиненную группу правящих лиц, и эта группа привыкла дѣйствовать дружно. Ни один из ея членов не располагает возможностями лично протолкаться к власти или организовать путч...

“Правящая партія, коммунистическая, насчитывает в СССР 6 милліонов членов. Во главѣ партійной машины — 13 способных людей, руководимых Сталиным. Он опытный политическій командир и нѣтъ признаков, чтобы он выпускал власть из своих рук...

“На практикѣ, большинство членов Политбюро является одновременно и членами совѣтскаго правительства; но Совѣт министров — чисто официальный орган, и собирается он крайне рѣдко, тогда как Политбюро, в особенности в критическіе періоды, собирается почти ежедневно...

(Перед читателем ниже пройдут, в порядкѣ их нынѣшняго значенія для Россіи, портреты-медальоны двѣнадцати членов Политбюро. Тринадцатый или первый — Сталин).

“Не всѣ члены Политбюро в равной мѣрѣ вліятельны: все зависит от близости их к Сталину. Смерть Жданова дала Сталину повод приблизить к себѣ, через головы многих, Георгія Маленкова и Лаврентія Берія.

“Триумвират, составленный ими и Молотогым, в ближайшем окруженіи Сталина имѣет наибольшій вѣс при принятіи рѣш или иных рѣшеній, в частности и международных.

“Молотов сотрудничает со Сталиным уже 35 лѣт. Он пользуется полным довѣріем диктатора. Как министр иностранных дѣл и единственный из членов Политбюро, находящійся в постоянном контактѣ с государственными людьми Запада, он очень вліятелен. Но “мистер Молотов” значительно менѣе категоричен в выраженіи своих мнѣній, чѣм многие из его коллег.

“Маленков, которому сейчас 45 лѣт, был личным секретарем Сталина до того, как сдѣлаться членом Политбюро. Он обладает удивительной памятью на имена. За границей бывал

не часто, но, как глава совѣтской тяжелой промышленности во время войны, хорошо осведомлен о военных возможностях американской и западно-европейской промышленности.

“Беріа, третій из приближенных, — начальник двадцати дивизій войск особаго назначенія МВД, всей внутренней секретной полиціи и концлагернаго вѣдомства. Его агенты орудуют не только в СССР, но и в вассальных Москвѣ государствах, а также — в строго секретном порядкѣ — и по всему міру.

Молотов
министр Ин. Дѣл.

Маленков
Секретарь комм. партіи.

Берія
министр Вн. Дѣл.

“Дѣятельность Политбюро протекает в строгой тайнѣ. Ни один иностранец никогда не присутствовал на его засѣданіях. Но иногда приглашаются эксперты по какому-либо специальному вопросу из среды других членов Компартіи, и поэтому обычный порядок засѣданій Политбюро не так уже неизвѣстен.

“Рѣшеніе всегда остается за Сталиным. Голосованій в Политбюро не бывает. Каждый, кто имѣет опредѣленное мнѣніе, волен его высказать. Но когда Сталин считает, что вопрос исчерпан и что дальнѣйшія пренія излишни, он просто говорит: “Молотов прав” или “Маленков прав”, одобряя тѣм самым любезное ему мнѣніе, будь оно мнѣніем большинства или, наоборот, меньшинства собранія.

При этом Сталин и Политбюро не могут не видѣть, что и они иногда ошибаются. Так, напримѣр, рѣшеніе задержать совѣтскія войска в сѣверной Персіи долге условленнаго срока было принято по приказу Политбюро. Молотов тогда (в 1946 году) думал, что СССР сможет удержать Персію под своим контролем. Но вмѣшательство западных держав и резолюція Совѣта Безопасности Объединенных Націй этому помѣшали. Войска были уведены, но Молотов не потерял из-за этого своего положенія в Политбюро. Замѣтим в скобках, что таким образом устанавлено, что один раз за свое существованіе организация объединенных націй оказала, во всяком случаѣ, рѣшающее вліяніе на ход міровых событій.

“Общее правило, подсказывающее обычно Сталину и Политбюру всѣ их рѣшенія, это — свобода маневрированія, “текучесть” совѣтской политики, “игра по слуху, а не по нотам”, возможность быстрой перемѣны тактики для достиженія цѣ-

ли. Члены Политбюро реалисты и они не связаны в своих тайных рѣшеніях коммунистическими догматами, которымъ менѣе высокопоставленные коммунисты должны всегда отдавать дань, хотя бы на словах...

Дополним эти вашингтонскія сообщенія краткой, но чрезвычайно выразительной **шведской** замѣткой.

Г. Мэрлинг, один из руководящих редакторов шведской коммунистической газеты "Ни Даг", вышел из редакціи, а также и партіи. А он был дѣятельным коммунистом и первым шведским писателем, допущенным на территорію СССР послѣ войны.

Вот что Мэрлинг пишет теперь о Сталинѣ: "Сталин обращается с марксистскими теоріями, как с воском, в зависимости от своих тактических надобностей, ставя иногда заграничных коммунистов в самое смѣшное положеніе"...

Но что Сталину Маркс? Маркс пригоден только для вывоза. А внутри Россіи? Там, по свидѣтельству новой эмиграціи, люди спрашивают друг друга: "что, докатились мы уже до социализма — или будет еще хуже?" Там нужны другіе приемы. Французская серьезная газета "Ле Монд", в номерѣ от 8-го января, сообщает, что московскій патріарх предписал во всѣх церквах поминать имя Сталина, как "избранника Божьяго Промысла", и возносить за него — (завятаго атеиста) — моленія.

Что это? цезаризм? бонапартизм? годуновщина?

КАК ОНИ ПРАВЯТ.

Безмѣрный героизм русскаго народа, безпримѣрная его терпѣливость и исключительная талантливость позволяют совѣтскому строю, несмотря ни на что, держаться. Но, если отвлечь, выдѣлить в идущих из Россіи сообщеніях, то, что приходится собственно на долю власти, правительства, — то рѣзко, с неумолимою четкостью возникают два основных ощущенія: во-первых, крайней жестокости приемов власти, и, во-вторых, рѣдкаго культурнаго ея убожества.

Вот нѣсколько иллюстрацій.

РАБСКІЙ ТРУД.

В "Балтійском Обзорѣ", издаваемом по-шведски в Стокгольмѣ, бывший совѣтскій экономист, Михаил Романенко (проведшій 11 лѣт в совѣтских арестантских лагерях) пишет:

Экономическая выгода рабскаго труда выявилась в 1930 году, когда была сдѣлана сводка результатов массоваго опыта принудительнаго труда при рубкѣ лѣса и постройкѣ проѣздных дорог. Процвѣтаніе концентраціонных лагерей началось по-настоящему с этого момента.

Вот эти результаты: свободный рабочій работает в год

275 дней по 8 часов в день, всего в год 2200 часов. Подневольный работает в год 308 дней по 10 часов, всего — 3080 часов. Цифры эти взяты из “Плана”, т. е. официального документа, и доказывают, что подневольный работает на 880 часов или на 40 процентов больше свободного.

При этом свободный рабочий в районах сѣвера получает около 10-ти рублей в день, а подневольный стоит всего 5 рублей, включая в эту плату и расходы по содержанию стражи, барачков, питания и одежды заключенных, медицинскую помощь и т. д.

Булганин
министр воору-
женных сил.

Андреев
Зам. Предсѣд.
Сов. Министров.

Микоян
министр внѣшней
торговли.

Сколько прибыли приносит эта разница совѣтскому правительству, понять не трудно. Уже в 1940-ом году концлагерников насчитывалось до 4-х миллионoв, а сейчас эта цифра значительно выше 10-ти миллионoв, по подсчетам экспертов.

Конечно, каторжный труд мало производителен, но у большевиков есть свои мѣры к повышению производительности труда. Мих. Романенко называет четыре главнѣйших: голод, наказанія, награды и пропаганда.

Самый дѣйствительный из них, разумѣется, первый; но, поскольку люди от голода ослабѣвают, то, в концѣ концов, выигрывает вторая: кнут! Голодные рабочие выдерживали максимум 6-7 лѣт; болѣе-же сытые под кнутом террора могут работать значительно больше. Впрочем, — заканчивает Романенко, — голод все-же остается главным стержнем. Страх быть уморенным крутит “колеса машины” и вызывает к жизни стахановцев, ударные бригады, — вообще будит в работах худшіе человѣческіе инстинкты.

Производительность труда и общій уровень жизни остаются при этом крайне низкими. Но большевикам это только на-руку: власть их крѣпче — над нищими.

Еще ниже культурный уровень населенія. Но это также совѣтскую власть только радует.

ПОРАБОЩЕНИЕ НАУКИ.

Коммунистам, считающим себя передовыми людьми, свойственно умалять значение прошлого, а стало быть и наследственности: наоборот, естественно подчеркивать значение среды и влияний, которым подвергаются живые организмы, в том числе люди. Но только в советской России, могло произойти, что Политбюро, — т. е. верхи коммунистической партии — предписали академии наук объявить такую-то биологическую доктрину верной, а все остальные — ересью. Профессор Лысенко, которого советская печать именуется “борцом и преобразователем природы”, а вся остальная мировая печать — шарлатаном, сдѣлал в Академии доклад “о положеніи в биологической наукѣ”. Ссылаясь на Энгельса и на гениальнаго Мичурина (“котораго открыли и спасли для народа Ленин и Сталин”) Лысенко объявил всех, признающих наследственность, “мистиками и реакціонерами”. Этот научный доклад был утвержден партийно-коммунистическим центральным комитетом. Партия признала, что Лысенко опроверг своих оппонентов, и Президіум Академіи Наук должен был “покаяться” в поддержкѣ “реакціонно-буржуазнаго направленія в биологической наукѣ”. Многие академики были смѣщены, часть лабораторій закрыта, а работавшіе там ученые устранены.

В блестящей статьѣ, тогда же напечатанной в американской газетѣ “Новое Русское Слово”, проф. Делевскій первым заявил, что “исторія тираній не знала еще подобнаго примѣра пресѣченія свободы научной мысли”; что “цезарское безуміе” Сталина превзошло безумныя претензіи Тиверія и Нерона.

Нѣсколько мировых ученых с возмущеніем отказались от принятаго ими ранѣе званія члена-корреспондента советской академіи: Послѣ наиболѣе звонкой из таких пощечин, когда знаменитый американскій биолог, Нобелевскій лауреат, Мюллер, написал Лысенко, что “руководители Академіи ведут себя не как ученые, а злоупотребляют своим положеніем для разгрома науки во имя политических цѣлей”, Академія СССР рѣшила сама перейти в контр-наступленіе. Как на-днях сообщил Предсѣдатель англійскаго Королевскаго Общества, сэр Роберт Робинсон, Москва официально порвала сношенія с этим старѣйшим, почти трехсотлѣтним научным учрежденіем Англійи.

Что-же касается проф. Мюллера, то он продолжает утверждать, что советская власть борется с неугодными ей научными теоріями путем голаго террора. Большинство лично ему извѣстных русских “генетистов”, Кольцовъ, Серебровскій, Левицкій и др. умерли “от невыясненных причин” (Левицкій — на каторгѣ в заполярьи, куда сосланы были вмѣстѣ с ним, в 1936 г., также ученые Аголь и Левит). Самый же видный из “честных русских изслѣдователей в области генетики” (как

характеризует его проф. Мюллер) Ник. Ив. Вавилов был даже официально приговорен к смерти в 1941 г., и хотя приговор в исполнение приведен не был, Вавилов погиб от истощения в 1942 году в Сибири, куда был сослан.

Косыгин
Зам. Предсѣд.
Сов. Министров.

Каганович
министр тяж.
промышленности.

Вознесенскій
предсѣдатель
Гос-плана.

А в Рождественском номерѣ англійскаго “Экономиста” напечатано письмо в редакцію Г. Финлей Ширраса, гдѣ сообщается, — в дополненіе к извѣстіям о судьбѣ русских генетистов, — как в Москвѣ рѣшаются экономическіе вопросы. Вот какой участи подверглась книга виднѣйшаго совѣтскаго спеціалиста по вопросам міровой экономики, профессора венгерца Варга, проживающаго с 1920 года в Москвѣ.

В прошлом году, проф. Варга напечатал книгу под заглавіем “Экономическіе сдвиги в капиталистической экономикѣ послѣ Второй Міровой Войны”. Книга в началѣ сильно рекламировалась; ей даже присудили сгоряча Сталинскую премію. Но потом она стала вызывать оживленные споры в СССР в особенности среди академиков. Рѣзко напал на нее профессор К. В. Островитянов — глава Секціи Политической Экономіи Института Экономики. Дискуссія академиков по этому вопросу растянулась на цѣлых три дня, — и книга была изъята из обращенія. Институт, гдѣ проф. Варга состоял директором, слит с Институтом Экономики профессора Островитянова. Журнал профессора Варга “Міровая Экономика и Міровая Политика” закрыт и замѣнен журналом “Вопросы Экономики”, главным редактором котораго назначен тот-же Островитянов. “А вина проф. Варги, — пишет г. Ширрас, — заключалась в слѣдующем: он утверждал в своей книгѣ, что хотя Соединенные Штаты быть может и не смогут избѣжать экономическаго кризиса вообще, но вряд-ли таковой произойдет в теченіе первых десяти лѣт послѣ войны. С точки зрѣнія Совѣтскаго Правительства это абсолютно “не-марксистскій” подход, поскольку он не предсказывает скорого и неотвратимаго кризиса в западных капиталистических странах, — предсказанія, диктуемаго не столько объективными фактами, сколько потребностями совѣтской внутренней политики. Вот

уж поистинѣ, — заключает англійскій журнал: — когда политика подходит к дверям, экономика вылетает через окошко”.

ПОРАБОЩЕНИЕ ИСКУССТВА.

О состояніи литературы в Совѣтской Россіи, под новым партійным зажимом, читатель может судить по двум рассказам Зоценко, напечатанным выше: за это карать, — и требовать только славословіи! Но и в области музыки коммунисты хотят командовать. Генеральный секретарь Союза композиторов, Хрѣнников, пробирает Прокофьева и Шостаковича за то, что они сочиняют “пустую музыку”: они-де “не вывели нужных заключеній из февральскаго партійнаго декрета о музыкѣ”. Совѣтская власть вмѣшивается буквально во все! Она карает даже московских портних “за подражаніе гнилым, бульварным модам капиталистическаго Запада”. Всѣ виновны, всѣ кайтесь, кто не служил слѣпо коммунизму, а думал и о своей работѣ, и об интересах и вкусах живых людей! Вот гдѣ слабость и преступленіе! Коммунистическая чистка коснулась даже архитектуры. “Правда” обрушилась недавно на нѣкоего несчастнаго Бурова, обвиняя его в зараженности “гнилой реакціонной идеологіей буржуазнаго Запада”. В отвѣтъ Буров опубликовал покаянное письмо с признаніем своих ошибок: — “грѣшен, увлекался конструктивизмом”. В чем тут для архитектора преступленіе, из текста письма не видно. Но искусство в СССР гложет.

ОБЩАЯ КУЛЬТУРНАЯ АТМОСФЕРА.

В Америкѣ, два раза в день, всѣ дороги, ведущіе в Детройт, забиваются тысячами автомобилей, принадлежащих рабочим и служащим Форда или Дженерал-Моторс. В Харьковѣ, перед совѣтским автозаводом стоит—как пишут—одна, и та директорская машина. А на-днях официальное агентство Москвы “Тасс” сообщило, как о величайшем достиженіи, что в СССР введена свободная продажа легковых машин, открыто двѣнадцать распредѣлительных пунктов (на шестую часть свѣта!) и каждый пункт продает ежедневно не менѣе двух машин в день.

В Америкѣ (в Соед. Штатах) лѣсонасажденіем занимаются, без всякаго шума, как нормальным, полезным дѣлом, и за послѣдніе 15 лѣт засажено болѣе 34.000 кв. километров лѣсных полос, оградивших от климатических случайностей свыше 400 миллионв десятиин земли.

А в совѣтской Россіи? “Слава великому, гениальному Сталину; он впервые рѣшил, путем лѣсонасажденій, измѣнить русскій климат, побѣдить русскую природу”. Пока — на бумагѣ; но уже опубликован новый семнадцатилѣтній план борьбы с засухой путем грандіозных лѣсонасажденій. Это печатает “Правда”, орган коммунистической партіи, с неизбѣжным славословіем, печатает и попутно, вскольз признается, что не-

урожае 1946-го года был одним из самых страшных в истории России (в тот момент это упорно отрицалось)

Убожество — и бахвальство! Так Америки не догонишь.

При спорах о том, есть ли у большевиков атомная бомба, полезно иметь в виду и следующую московскую мелочь жизни, характеризующую уровень советской культуры.

Профессор Московского Технологического Института Сандомирский был пойман студентами в списывании формул на доску с собственной ладони, при чем так их перевернул, что ясно было, что он в них ничего не смыслил.

Шверник
Председатель
Верх. Совета.

Хрущев
Секретарь комм. партии
на Украине.

Ворошилов
Зам. Предсѣд.
Сов. Министров.

Ученые дипломы у этого столичного профессора оказались в порядке. Но получил он их на основании свидетельских показаний знакомых московских профессоров, за деньги; те показали, будто Сандомирский получил в 1932 году профессорское звание от народного комиссариата просвещения Бѣлорусской республики, но что все его документы погибли во время войны. — “Гдѣ же вы с тех пор преподавали?” — Сандомирский назвал ряд учебных заведений; ни одно его ссылок не подтвердило.

Другой случай:

Советским биологическим лабораториям понадобились для опытов бѣлая мышь. Московский “Зоо-комбинат” сдѣлал из этого “дѣло”. Нѣкій Голованов вошел с “наукою” в соглашение — и вскоре стал “мышинным королем”: нажил состояние, приобрѣл нѣсколько подмосковных дач.

Этот практический реализм (идущий сверху), раздѣдает весь советский казенный быт. Мѣста в “домах отдыха для рабочих” продаются, за деньги, спекулянтам. Сравнение нищенских барачков, гдѣ ютятся рабочие, с квартирами партийных чиновников приводит иностранных (шведских) наблюдателей в возмущение. Названный уже выше швед Мэрлинг закончил свои московские впечатлѣния так: “я сыт по горло пошлостями! Какой уж там в советской России безклассовый строй! Там все еще огромные классовые различия”. “Я разговаривал с рядовыми партийными коммунистами. Их неискреннее, тенден-

ціозное мышление способно привести в ярость всякого кто уже не мальчишка”.

ДОЛГ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ.

Медленно, мучительно-медленно будет, вѣроятно, изживаться Россіей наслѣдіе совѣтскаго владычества: **одичаніе**. Но может все произойти и иначе. Будущее от нас скрыто; а долг наш, старой эмиграціи, ясен: посильно и непрерывно утверждать, хотя бы за рубежом, хотя бы в изгнаніи, начала русской культуры и нашу независимость от Совѣтов. Пусть звучит подлинный русский голос: не подневольный!

Младшее поколѣніе эмигрантов, выдвигаясь на Западъ повсюду на первыя мѣста, с блеском исполняет свою историческую задачу: своею исключительною культурностью **отстоять честь русскаго имени** перед Европой и перед Америкой; не дать ему стать здѣсь символом первобытной дикости. Это — готовый живой мост между двумя мірами.

Задача старшаго поколѣнія держаться, культурно и морально, на высотѣ, достойной русскаго прошлаго, освѣщать настоящее, а в вопросах будущаго служить **только** величію и свободѣ Россіи.

И первая обязанность наша за рубежом — братски встрѣтиться с новой эмиграціей, внѣ зависимости от каких-либо разногласій. Всѣ мы — русскіе, всѣ — на чужбинѣ, и почти всѣ — в бѣдѣ.

“ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ”. (Судьба “ди-пи”).

Администраціей ИРО, — международной организаціей вѣдающей бѣженцами, — только-что выпущена богато-документированная брошюра под заглавіем “Бѣженская проблема”.

До данным ИРО, немедленно вслѣд за крушеніем Гитлеровской имперіи, в Европѣ насчитывалось болѣе восьми миллионів людей, выметенных из своих гнѣзд военным ураганом. «Displaced Persons», откуда столь, увы, привычное уже для русскаго уха сокращеніе: “Дипи”.

По установленіи перемирія, началось массовое, частью вольное, а потом все болѣе невольное возвращеніе основной массы бѣженцев к мѣстам их прежняго жительства. К концу 1945 года 5½ миллионів было так или иначе репатрировано.

В теченіи 1946 года, хотя и болѣе замедленным темпом, репатриация продолжалась: к концу года осталось — по официальным данным — всего 1.600.000 бѣженцев. Для опеки над ними и была создана Объединенными Націями бѣженская организация ИРО.

Совѣты не приняли участія в этой организаціи. Тѣм не менѣе, в угоду им, Объединенными Націями сдѣлана была

оговорка, что покровительством ИРО не могут пользоваться, — наравнѣ с уголовными преступниками или лицами, добровольно оказывавшими военную помощь врагам Объединенных Наций, также и всѣ “члены организаций, ставящих себѣ цѣлью сверженіе правительства какой-либо из Объединенных Наций, и руководители движеній, противящихся возвращенію бѣженцев на их родину” (пункт 4-й).

Центральный орган ИРО (помѣщающійся в Женевѣ) начал официально дѣйствовать 1-го іюля 1947 года. К этому времени его предшественница УНРРА передала на его полное иждивеніе 704.000 бѣженцев, живущих главным образом в различных лагерях оккупированных Западными Союзниками стран: в Германіи, Австріи, Италиі, а также на Ближнем и Дальнем Востокаѣ, в Африкѣ и т. п.. Кроме того ИРО взяла под свою юридическую защиту еще 900.000 человек, существующих так или иначе самостоятельно, в том числѣ бѣлые русскіе, красные испанцы, армяне.

В настоящее время, по данным ИРО, на его иждивеніи состоит: 508.000 “ди-пи” в Германіи, 37.000 в Австріи, 25.000 в Италиі и 30.000 в других странах.

Около четверти всѣх этих “ди-пи” — евреи.

Что касается паспортнаго состава этой, еще находящейся на попеченіи ИРО человѣческой массы, то из 300.000 опрошенных лиц: 128.000 были до войны польскими гражданами, 68.000 — “прибалтийскими”, 46.000 — украинскими, 15.000 — югословенскими, 8.000 — румынскими, 6.000 — венгерскими и 25.000 — гражданами других стран; а 7.000 уже и до войны были “апатридами”.

Эта (официальная, но неясная и неполная) статистика не дает возможности установить: сколько же именно бывших совѣтских граждан находится среди общаго числа ДП? Московскія “Извѣстія” увѣряли, в августѣ 1947 года, что их там еще до 300.000 — цифра, вѣроятно преувеличенная.

Главной задачей ИРО является нынѣ, если не “репатриация” (возможность, почти уже исчерпанная), то п е р е с е л е н і е в одну из двадцати стран, давших на это принципиальное согласіе.

В теченіи ближайшаго года ИРО и надѣется переселить туда около 350.000 человек, а именно:

57.000 — в Западную Европу (Англию, Францію, Голландію, Бельгію и Люксембург)
и 291.000 — в заморскія страны, по слѣдующему подсчету:
75.000 — в США, 60.000 — в Канаду, 50.000 — в Палестину (если там будет мир), 30.000 — в Аргентину, 20.000 — в Австралію, 15.000 — в Бразилію, 10.000 — в Венецуелу, 10.000 — в Колумбію, 5.000 — в Гватемалу, 5.000 — в Чили, 5.000 — в Перу, 3.000 — в Парагвай, 2.000 — в Сѣв. Африку и 1.000 — в Новую Зеландію.

По профессіям работоспособные мужчины и женщины распредѣляются так:

Лица либеральных профессій или годные на командные административные посты	29.000	мужч.	и	15.000	женщ.
Мелкіе служащіе и продавцы . .	12.000	"	и	10.000	"
Прислуга	8.000	"	и	20.000	"
Земледѣльцы	57.000	"	и	19.000	"
Квалифицированные рабочіе . .	72.000	"	и	22.000	"
Полуквалифицированные	19.000	"	и	4.000	"
Без квалификаціи	28.000	"	и	25.000	"

Наконец, по возрасту бѣженцы распредѣляются приблизительно так: 85% — менѣе 45 лѣтъ (из них 24% менѣе 18 лѣтъ) и только 15% старше 45 лѣтъ. Так что, главным образом, это все люди молодые.

Отмѣтим, что одною из самых притягательных для бѣженцев стран казалась до сих пор Аргентина. На переселеніе туда записалось в Европѣ свыше 100.000 русских бѣженцев; в числѣ записавшихся было немало и "старых" русских бѣженцев, с нансеновскими паспортами. В послѣднее время начались затрудненія и разочарованія. Тѣм не менѣе, тяга в Аргентину все еще велика.

Православная церковь, строящаяся в Мар-дель-Плата, по проекту художника **Н. И. Исцѣленова**. Мар-дель-Плата — морской курорт в Аргентинѣ, в 400 км. к югу от Буэнос-Айреса.

ПОТОК-БОГАТЫРЬ В ЗАРУБЕЖЬИ

Всѣ знаютъ, что графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой избралъ эпическаго русскаго богатыря Потока (или Потыка, Михайлу Ивановича) въ герои своей знаменитой сатирической баллады. Но не всѣмъ быть можетъ извѣстно, что этотъ богатырь, имя котораго происходитъ отъ древне-славянскаго корня «тъкъ», обозначающаго теченіе или бѣгъ, считается въ наукѣ выраженіемъ кочеваго, бродяжническаго начала въ нашемъ эпосѣ и, слѣдовательно можетъ почитаться «патрономъ» и русскихъ бѣженцевъ, осужденныхъ на «потокъ и разореніе» захватчиками нашей Родины.

Такъ послушайте-же сегодня «продолженіе» Толстовской баллады:

«Али, почвы ужъ новыя ради,
Пробудиться ему во Царьградѣ?»
А. Толстой (по изданію 1884 г.)

Эхъ, не думалъ поэтъ, такъ кончая свой стихъ,
Что случится ему быть пророкомъ:
На полсотню лишь лѣтъ богатырь нашъ притихъ,
А проснулся... въ Царьградѣ далеко!
Видитъ — ходятъ вездѣ русачки,
Не одинъ и не два: прямо сотни-полки;
Но не въ ратномъ порядкѣ, не скрою,
А какой-то унылой толпою.
Удивился Потокъ, говоритъ одному:
«Что вы, соколы, такъ распустились?
Полонили вы градъ, что и мы въ старину
Полонить, такъ напрасно, стремились.
Такъ держите-жъ его: побѣдивши враговъ,
Боевыхъ не бросайте вы сразу рядовъ,
Непріятельской бойтесь засады».....
Но въ отвѣтъ ему, плюнувъ съ досады,
Молвитъ спрошенный такъ: «Ты, чудакъ, не остри!
Знаешь самъ, что отъ Краснаго Звѣря
Еле ноги и жизнь мы сюда унесли».....
И, ушамъ своимъ прямо не вѣря,
Узнаетъ нашъ Потокъ про великій погромъ,
Что надъ Русью Святой разразился, какъ громъ.
Въ жаръ и въ холодъ его тутъ бросаетъ,
И отъ горя онъ.... вновь засыпаетъ!

Пробудился — в Парижѣ. За длинным столом
Размѣстился знакомый людской буредом:
Все из тѣх, что встрѣчал он в Царьградѣ,
С видом важным, ну впрямь на парадѣ.
Вопрошает Поток: «В честь чего сей банкет?
Возвращаемся что-ль на отчизну?
Побѣдили вы Краснаго Звѣря?» — «Ну, нѣтъ!
По Россіи справляем мы тризну.
Пей и ты с нами друг!» — «Что-ж, я выпить могу,
Хоть другую-бы выбрал причину»,
Говорит богатырь и, подсѣвши к столу,
Заливает он с ними кручину.....

Но когда он наслушался громких рѣчей,
Что кругом раздавались повсюду,
Встал он вдруг во весь рост, волка лютаго злѣй,
И воскликнул, роняя посуду:
«Не в вождей без солдат вам-бы, ссорясь, играть,
А покаяться я, всѣм без изъятья.
Виноват я и сам, моя сонная статья,
Но клянусь больше так уж не спать я!...»
Только вымолвил это Поток, как зѣвнул
И под смѣх всей компаніи крѣпко уснул:
Хоть башка может быть и не душой,
Да не сладить ей с сонной натурой.

Впрочем, мало пришлось ему мирно поспать:
Очень скоро его разбудила
Треском музыки громкой германская рать,
Что в столицу француза входила.
Впереди, как петрушка, плясун с булавою
Выполнял по балетному танец лихой:
«Ком мит унс», говорит он Потоку.
«Мы отсюда ударим к востоку;
Всѣх обидчиков ваших живьем полоним
И Москву, вот увидите, вам отдадим.»
Но Поток ему: «Вѣрю-повѣрю,
Как у нас говорилось, я всякому звѣрю:
И медвѣдю, и льву, и ослу, и ежу,
А тебѣ, милый друг, извини, погожу:
Чую, слово твое не правдиво».....
И заснул он опять, всѣм на диво.

Рвались бомбы, снаряды, — и нѣсколько раз,
Под напѣв безотрадный сирены,

То один, то другой открывал он свой глаз,
Наблюдая, как рушатся стѣны;
Но протер оба ока и встал лишь тогда,
Когда шум боевой прекратился,
И опять, оглядѣвшись кругом, как всегда,
Богатырь наш зѣло изумился.
Видит — строем с востока ребята идут
И огромныя красныя звѣзды несут,
А дьячки им кадят, как иконам...
Подошли и к Потокѣ с поклоном,
Говорят: «Помолись ты на звѣзды на тѣ.
Это новыя наши колядки.
Вот такіе-же сіяют у нас и в Кремлѣ.
Все давно уж там снова в порядкѣ:
Генералы, министры, погоны, чины
В обиход наш народный опять включены.
Поѣзжай посмотрѣть, удивишься.
На-те паспорт скорѣй. Убѣдишься»....
«— Нѣт, спасибо!» Поток отвѣчал: «Не могу
Почитать Вифлеемскою вашу звѣзду,
Чур меня!».....

И в великой кручинѣ
Вновь на землю он пал, засыпая, как сноп.

Расшибет он себѣ, не дай Бог, эдак лоб!.....
А проснется, — так гдѣ-ж? В Аргентинѣ?

Изгой

КОНКУРС „ВОЗРОЖДЕНИЯ“

РЕДАКЦИЯ «ВОЗРОЖДЕНИЯ» ОБЪЯВЛЯЕТ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЪЖЕНСКИЙ КОНКУРС НА
ЛУЧШИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РАЗСКАЗ
написанный ДИ-ПИ

Условия конкурса: 1) рассказ должен не превышать двадцати страниц; 2) быть переписанным на машинке и 3) быть полученным в редакции «Возрождения» 73, Av. des Champs-Élysées, Paris (8), не позднее 31 марта 1949 года.

Приз: 5.000 французских франков и напечатание рассказа в одной из тетрадей «Возрождения».

Состав жюри: Б. К. Зайцев, В. А. Смоленский, И. И. Тхоржевский.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ, ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ

„Часовой“

*Орган связи Российского Национального Движения
под редакцией В. В. ОРБХОВА.*

Цена отд. номера во Франции — 30 фр. Подписка на количество не менее 3 номеров исходя из расчета 25 фр. номер.

Главная контора: «La Sentinelle», Boite Postale 31. Ixelles
4. Bruxelles. Compte-chèques 392503.

Генеральное Представительство во Франции:
Librairie « LA RENNAISSANCE », 73, Av. des Champs-Élysées,
Paris (8e).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

(2-ой год издания).

**БОЛЬШАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ НЕЗАВИСИМАЯ
ГАЗЕТА,**

выходящая два раза в неделю в Парижѣ.

Адрес:

« LA PENSÉE RUSSE ». 26, rue de Montholon, Paris (9°).

Почтовый текущий счет: ССР 5883-44, Paris.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Во Франци: на 26 номеров (3 мѣс.).....	500 фр.
на 52 номера (6 мѣс.)	900 фр.
За-границей: на 26 номеров.....	750 фр.
на 52 номера	1350 фр.

Представители за границей:

АВСТРИЯ:

Columbus Verlag. Feldkirch/Vorarlberg, Vorstadt 24/11.

АНГЛИЯ:

V. Baratchevsky, Russian Book Shop, 26, Tottenham Street.
London. W. I.

АРГЕНТИНА:

V. Werbitzkij, Cal. Obligado 2150. Buenos-Aires.

БЕЛЬГИЯ:

Librairie Slave. 13, rue de Roumanie. Bruxelles.
Mr Tcherniavsky. 1, rue du Fort, Charleroi.
Mr Grinenko. 12, rue Schmerling. Liège.

БРАЗИЛИЯ:

Senor Leo Rubanoff c/o N. Popoff. Calle Valenca 218 Sao Paulo.

ГЕРМАНИЯ:

Mr. N. Rybinsky. München, Feldmoching, IRO Lager, U.S.A. zone;
Mr. W. Melnikow. (13a) Nürnberg. Glockenhofstr. 31, U. S. Zone;
Mr. R. Poltschaninov. (16) Mönchehof b/Kassel D.P. Lager.
Hesse - Germany. U.S. Zone.

ГОЛЛАНДИЯ:

Mr Jourin. Toussaintkade, 26. La Haye.

ГРЕЦИЯ:

Georges Mazaakis et C-o. Patission Str. 9. P.O.B. 176, Athènes.

ДАНИЯ:

Russisk Bibliothek. Brdegade 53. Kopenhagen.

ИРАН:

M. Bezroukoff. Ioussouff Abad, 1661, Téhéran.

ЛИБАН:

Mr Steimatzky, 120, av. des Français. Beyrouth.

ШВЕЦИЯ:

Kommendor Tsetveruhin. Kvarnbacksv. 85. Riksby. Stockholm.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕТРАДИ
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“

РЕДАКЦІЯ, КОНТОРА, ПОДПИСКА И ПРОДАЖА
ОТДѢЛЬНЫХ НОМЕРОВ

73, Avenue des Champs-Élysées — Paris 8°.
Tél. Elysées 06-03. Compte Ch. Postaux, Paris 781.81.

ГODOВАЯ ПОДПИСКА НА 6 ТЕТРАДЕЙ ВО ФРАНЦИИ
750 фр.— Загр. Ам. дол. 5.— Отдѣльные номера во Фран-
ции 150 фр., загр. Ам. дол. 1.—

БЕЛЬГИЯ, ГОЛЛАНДИЯ И ЛЮКСЕМБУРГ
Под. подписка 180 Бельг. фр. Отд. номера 35 Бельг. фр.
«La Sentinelle», Boîte Postale 31, Ixelles 4 Bruxelles.
Compte Chèques 392.503.

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ
Год. подписка 1 Англ. ф. Отд. номера 4 шил.
Russian Book Shop, 26, Tottenham Street; London; W. 1.

С. А. С. III.
Годовая подписка Ам. дол. 5.— Отд. номера I Ам. дол.
A. BELTCHENKO, 435-20 th. Ave. San Francisco, Calif. U. S. A.